Я. Иофоре
Блескаре
м-л 1925

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЙНА И ЭКОНОМИКА

Я. ИОФФЕ

БЛОКАДА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО В МИРОВУЮ ВОЙНУ

ОЧЕРК

1929

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

В, 40. Гиз № 28569/м.
Ленинградский Областлит № 20852.
14 л. Тираж 3000.

ОГЛАВЛЕНИЕ

---

*

ПРЕДИСЛОВИЕ

На ряду с ростом международных хозяйственных связей за последние десятилетия до войны росла также экономическая зависимость отдельных государств от всего мирового хозяйства в целом. Это обусловило возможность применения во время войны 1914—18 гг. в еще невиданных размерах нового метода борьбы — хозяйственной войны, в котором блокада являлась наиболее действительным оружием. Опыт мировой войны показал, что экономическая блокада может иногда приносить еще более решительные результаты, чем непосредственные военные столкновения на суше и на море.

Советской республике пришлось испытать это грозное оружие в эпоху интервенции, и вряд ли можно утверждать, что капиталистический мир отказался от его применения по отношению к единственному пролетарскому государству, хотя бы и в более смягченных формах, и после формального прекращения блокады. Без сомнения, нам придется столкнуться с экономической изоляцией в будущем, и это будет первым и одним из наиболее решающих приемов борьбы международного капитала в подготовляемом им наступлении на СССР.

Несмотря на то, что положение Советского союза, как в смысле организации народного хозяйства, так и в смысле наличия сырьевых и продовольственных ресурсов, на много более благоприятное, чем Англии и Германии, все же экономическая блокада и для нас является серьезной угрозой, и опыт применения блокады в мировую войну должен быть учтен полностью.

Мы останавливаемся в настоящем очерке главным образом на блокаде Германии и Англии, затрагивая другие воюющие и нейтральные страны только в зависимости от степени их участия в хозяйственной войне. Наибольший интерес для нас представляет организация союзниками грандиозной „голодной“ блокады Германии, оборонительные мероприятия Германии и германская „подводная“ блокада Великобритании, имевшая целью экономический эффект — дезорганизацию английского народного хозяйства.

В связи с узкой задачей настоящего очерка мы не касаемся истории применения блокады до мировой войны, а также эволюции понятия блокады в международном праве.

Цель настоящей работы — привлечь внимание читателей к наиболее острым вопросам нашей экономической обороноспособности описанием той огромной роли, которую сыграла хозяйственная война и ее наиболее грозное оружие — экономическая блокада — во время мировой войны.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

АНГЛО-ГЕРМАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—18 гг.

Мировая война 1914—18 гг. была логическим следствием эпохи империализма, неравномерного развития капитализма, всей анархической структуры мирового хозяйства. Несмотря на колоссальное развитие техники, на огромные достижения мирового производства и мирового хозяйства, прогрессировавшего в глубину и ширину — путем укрепления связей между отдельными народно-хозяйственными организмами, словом, несмотря на наличие условий, обеспечивавших всему мировому хозяйству нормальное развитие, внутренние противоречия капиталистического способа ведения хозяйства неизбежно вели к таким безпримерным социально-экономическим катастрофам, какой явилась гигантская бойня 1914—18 гг.

Мы не даем описания развития мирового хозяйства за последние десятилетия до войны, а также не перечисляем всех основных причин мировой войны, ибо эти вопросы уже достаточно освещались в печати. Мы считаем необходимым остановиться только на развитии международной торговли за последние десятилетия до войны, главным образом на внешней торговле Англии и Германии, ибо каждая из этих двух стран применила и испытала на себе хозяйственную блокаду в ее наиболее резком проявлении. Помимо этого, экономическая блокада, могущая проявиться в различных формах, имеет своей основной и наиболее решительной задачей уничто-

жение ввоза и вывоза блокированной страны, т. е. пресечение ее внешней торговли.

И, наконец, третье обстоятельство, вызывающее необходимость остановиться на этом вопросе, заключается в том, что хозяйственная война этих двух главных противников во время мировой войны носила на себе определенный отпечаток предшествовавшей экономической борьбы.

Международная торговля за последние 13 лет до войны увеличилась почти в два раза. В 1900 г. сумма внешнеторгового оборота 34 значительнейших государств мира составляла 91 808 млн марок, а в 1913 г.—178 192 млн марок. Но мировая торговля показывала не только абсолютный рост; она значительно опережала рост населения. Так, по данным американской статистики в 1890 г. из общей суммы мировой торговли падало на голову населения 11,8 доллара, а в 1913 г. — 24,47 доллара.

Прилагаемая таблица иллюстрирует ход развития внешней торговли 5 крупнейших стран в мире и их колоний (см. табл. на стр. 9).

При рассмотрении приведенной таблицы прежде всего бросается в глаза, что торговый оборот приведенных стран за указанный период значительно увеличился, но так как торговый оборот всего мира также увеличился, то доля участия отдельных стран более или менее стабильна. Повысили свою роль в мировом внешне-торговом обороте Россия и Германия. Доля Соединенных штатов осталась почти неизменной, а доля Франции и Великобритании упала. Особенно значительно падение доли Великобритании: с 19,5% до 16,1%. На ряду с этим видно, что почти все колониальные страны сохранили

ОБЩАЯ ТОРГОВЛЯ [1]

Страны	Стоимость в миллионах марок		Процент участия каждой страны в общей мировой торговле	
	1900	1913	в 1900 г.	в 1913 г.
Германия	11 089	22 547	12,1	12,6
Германская Африка	51	276	0,1	0,2
Герм. вл. в Тихом океане	8	31	0,0	0,0
Великобритания	17 900	28 633	19,5	16,1
Брит. Южн. Африка	639	1 466	0,7	0,8
Брит. Зап. Африка	140	501	0,2	0,3
Остальн. Брит. Африка и о. св. Елены	30	202	0,0	0,1
Брит. Индия	2 726	6 250	3,0	3,5
О. Цейлон	281	569	0,3	0,3
Стритс-Сеттлементс	1 060	1 980	1,2	1,1
Брит. Вест-Индия	267	400	0,3	0,2
Канада	1 602	4 575	1,7	2,5
Нью-Фаундленд	66	129	0,1	0,1
Австралийс. союз	1 782	3 103	1,9	1,8
Нов. Зеландия	448	876	0,5	0,5
Франция	9 208	15 987	10,0	9,0
Алжир	453	961	0,5	0,5
Тунис	83	258	0,1	0,1
Франц. Индо-Китай	273	521	0,3	0,3
Остальные Франц. колонии	280	636	0,3	0,4
Соед. штаты	9 427	17 971	10,3	10,1
Россия	2 901	6253	3,2	3,5

[1] «Der Kampf am den Weltmarkt. Handelsstatistisches Material. Herausgegeben vom Institut für Weltwirthschaft und Seeverkehr an der Universität Kiel. — Jena, 1920.

свои позиции в мировой торговле, или же еще увеличили свою долю.

В то же время заокеанские страны также не изменили размер своего участия в мировой торговле, или же его значительно увеличили. Доля Египта и Мексики, например, осталась на прежнем уровне: 0,7% и 0,6%; доля некоторых других в мировом товарообороте увеличилась, что видно из следующих данных:

УЧАСТИЕ В МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ

(в процентах)

Страны	1900	1913
Аргентина	1,2	2,1
Бразилия	1,3 (1905 г.)	1,5
Чили	0,5	0,6
Китай	1,4	1,8
Япония	1,1	1,6

Отсюда видно, что рост внешней торговли колониальных и заокеанских стран опережал рост внешней торговли большинства европейских стран.

Структура внешней торговли крупнейших индустриальных стран изменялась в сторону усиления вывоза готовых изделий и ввоза сырья.

Это положение заслуживает пристального внимания, ибо вопрос об обеспеченности промышленным сырьем являлся одной из наиболее острых проблем экономической обороноспособности в мировую войну 1914—18 гг.

Прилагаемая таблица иллюстрирует указанное положение.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ ГЕРМАНИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ [1]

Годы	Вывоз				Ввоз			
	Среднее годовое	В процентах ко всему вывозу			Среднее годовое	В процентах ко всему ввозу		
	Германия							
	Млн марок	Вкусов. вещ., животные продук. питания	Пром. сырье, полуобраб. товары	Готов. изделия	Млн марок	Вкусов. вещ., животные продук. питания	Пром. сырье, полуобраб. товары	Готов. изделия
1896—1900	3947	12,5	23,2	64,3	5063	33,2	46,0	20,8
1913	10 097	10,3	26,0	63,7	10 770	28,2	56,1	15,6
	Великобритания							
	Млн фунтов стерлингов	Продукты питания, напитки, табак	Сырье и малообраб. товары	Готов. изделия	Млн фунтов стерлингов	Продукты питания, напитки, табак	Сырье и малообраб. товары	Готов. изделия
1896—1900	249	5,0	11,4	82,3	413	46,5	28,5	24,1
1913	514	6,3	13,6	77,9	659	41,6	32,8	24,9

Из этой таблицы вытекает, что соотношение всех трех групп за период в 13 лет в общем германском вывозе мало изменилось. Что же касается ввоза, то здесь наблюдается значительное увеличение ввоза промсырья за счет продуктов питания и готовых изделий. За этот же период времени структура великобританской внешней торговли также почти не изменилась. Заметно даже некоторое уменьшение вывоза готовых изделий по отношению к другим группам и заметное увеличение ввоза сырья за счет продуктов питания; сразу бросается в глаза огромное превосходство вывоза готовых изделий над ввозом этих последних.

[1] Handelsstatistisches Material, стр. 4.

Еще более показательна эволюция внешней торговли Соединенных штатов (имея в виду прогрессирующий рост промышленности этой страны).

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

(в процентах к общему вывозу и ввозу)

Годы	Вывозили промышленного сырья	Ввозили промышленного сырья
1821	60,5	3,6
1896—1900	25,7	28,8
1913	30,1	35,0

(в процентах к общему вывозу и ввозу)

Годы	Вывозили готовых изделий	Ввозили готовых изделий
1821	5,7	56,9
1896—1900	21,2	26,1
1913	32,0	22,5

ФРАНЦИЯ

(в 1913 г., в процентах ко всему ввозу и вывозу)

	Ввоз	Вывоз
Продовольствие	21,6	12,2
Промыш. сырье	58,7	27,0
Готов. изделия	19,7	60,8

БЕЛЬГИЯ

(в 1913 г., в млн франков)

	Ввоз	Вывоз
Промыш. сырье	2 577	1 749
Фабрикаты	863	1 436

Сопоставление данных о ввозе и вывозе готовых изделий и сырья дает уже знакомую характерную картину.

Если мы соединим данные о ввозе и вывозе готовых изделий крупнейших трех стран, то картина будет отчетливее.

СООТНОШЕНИЕ ВВОЗА И ВЫВОЗА ГОТОВЫХ ИЗДЕЛИЙ

(в процентах к общей сумме ввоза и вывоза)

(1913 год)

Страны	Вывоз	Ввоз
Германия	63,7	15,6
Англия	77,9	24,9
Соед. штаты	32,0	22,5

Отсюда совершенно ясно видно огромное превосходство вывоза готовых изделий крупнейших промышленным стран над ввозом.

Анализ внешней торговли некоторых заокеанских стран показывает обратную картину.

В 1913/14 г. на долю готовых изделий морского ввоза *Британской Индии* приходилось 79,2% всего импорта, а на долю сырья и малообработанных товаров, вывезенных

из Индии, приходилось 50,1% всего вывоза индийских товаров. Из всего ввоза в *Австралию* в 1913 г. на долю одежды, текстильных материалов и изделий, машин и других металлических товаров и разных товаров (электрич. принадл., музык. инструменты и др.) приходилось 59,9%. Материалы животного происхождения, руда и необработанные металлы, животные пищевые продукты и растительные пищевые продукты давали 88,2% всего австралийского вывоза.

В 1913 г. 96,6% всего вывоза *Аргентины* падало на продукты животноводства и земледельческие продукты. Эти же две группы составляли только 8,6% всего ввоза в Аргентину. В 1913 г. на долю ввезенных в *Бразилию* фабрикатов падало 56,1% всего ввоза, а животные и животные продукты составляли 6,0%, растительные продукты 93,0% всего вывоза Бразилии.

Анализ внешней торговли большинства промышленных стран указывает на то, что большинство этих стран соответственно увеличению вывоза готовых изделий увеличивали ввоз промышленного сырья, что усилило их зависимость от импорта и, тем самым, увеличило уязвимость народных хозяйств промышленных стран в случае конфликта. Анализ экономической обороноспособности отдельных стран во время мировой войны подтверждает это соображение.

Одновременно с этим разделением мирового товарообмена наблюдался рост цен на сырье. Естественно, что это обстоятельство еще больше усиливало и так достаточно острую борьбу за рынки сбыта промышленных товаров и за источники вывоза сырья.

Германский капитал вышел позже других на мировую арену, и молодому, полному сил капитализму было тесно в рамках уже поделенного между другими капиталистическими странами мирового хозяйства. И международный

конфликт разворачивался прежде всего по линии столкновения интересов Германии и захватившей для себя самые большие и жирные куски Англии, на противодействие которой всюду натыкался стремившийся к хозяйственному расширению германский капитализм.

Промышленное развитие Германии показало за последние десятилетия огромный рост, что иллюстрируется прилагаемой таблицей.

Годы	Добыча угля (в тыс. тонн)	Производство чугуна (в тыс. тонн)
1890	89 291	4 058
1911	234 521	17 853
1913	277 342	19 312

Германское земледелие также развивалось быстрее прироста населения; за 1906—1910 гг. население увеличилось по сравнению с предыдущим пятилетием на 15%, а сбор четырех главных хлебов повысился на 21,6%.

ДОХОДЫ ГЕРМАНИИ

в 1885	15 млрд марок
„ 1895	25 „ „
„ 1913	43 „ „

Превышение рождаемости над смертностью составляло 800—900 тыс. человек в год. Эмиграция в данном случае не являлась выходом из положения, ибо за последнее десятилетие до войны иммиграция в Германию даже несколько превышала переселение из самой Германии. Плотность населения в Германии уступала плотности населения в Англии, Бельгии и Голландии, но в отдельных государствах, входивших в состав Германской

империи, плотность населения была выше плотности населения этих трех стран.

Колонии Германии (Восточная Африка, Юго-западная Африка, Камерун, Того, Самоа, Бисмарковский архипелаг, Новая Гвинея, Киао-Чао и др.) площадью около 3-х млн *кв. км* имели населения около 14 млн. В то же время площадь британских колоний составляла около 30 млн *кв. км* с населением до 390 млн. Площадь колоний Франции составляла 10,4 млн *кв. км* с населением около 42 млн. Площадь колоний Бельгии равнялась 2,26 млн *кв. км* с числом жителей около 20 млн. Площадь колоний Голландии составляла 2,04 млн *кв. км* с населением в 39 млн человек.

В 1913 г. ввоз всех британских колоний выражался в сумме 475 млн фунт. стерл., а вывоз — 487 млн фунт. стерл. Вывоз же германских колоний составлял в 1911 г. 178 млн марок, а ввоз — 257 млн марок. Господствовавшая в Англии система свободной торговли давала возможность германским товарам свободно конкурировать на рынках Британской империи, что несколько уменьшало напряженность обстановки, но, по мнению Гильфердинга, Великобритания неизбежно должна была притти к протекционизму, что должно было повести к необычайному обострению положения, ибо противоречие между развитием германского капитализма и относительной незначительностью его хозяйственной территории выросло бы тогда до чрезвычайных размеров.

„...у Германии нет заслуживающих внимания колониальных владений — писал Гильфердинг еще в 1909 г. — между тем как не только ее сильнейшие конкуренты Англия и Соединенные штаты, но и сравнительно небольшие державы — Франция, Бельгия, Голландия, располагают значительными колониями, а ее будущий конкурент Россия тоже владеет колоссально огромной хозяй-

ственной территорией. Это положение должно до чрезвычайности обострить антагонизм между Германией, с одной стороны, и Англией с ее спутниками — с другой, и будет толкать к насильственному разрешению". [1]

Гильфердинг ошибся только в одном: конфликт наступил раньше введения в Англии протекционизма.

Эти данные подчеркивают то обстоятельство, что источниками вывоза сырья по сравнению с другими индустриальными странами Германия была значительно обделена. В то же время концентрация производства и необычайный рост его, увеличение роли трестов и синдикатов и значения финансового капитала определяли крепость и жизнеспособность германского капитализма, искавшего и для себя „места под солнцем".

„В противоположность Великобритании, САСШ, России, даже Франции, население которой не увеличивалось, имевшим возможность захватить или приобрести в последнее десятилетие ряд областей, Германия после объединения 1871 г. расширялась только так, как это было возможно, чтобы не возникло столкновения с другими державами", жалуются немецкие составители капитального исследования о войне 1914 — 18 гг. [2] „Несмотря на крупные достижения промышленности", продолжают они, „родная земля давала все меньше, чтобы удовлетворять растущую потребность в сырых материалах. Значительное превышение рождаемости над смертностью диктовало необходимость через вывоз лучших промышленных изделий, путем высокой исполнительности торгового судоходства и через прибыли иностранных предприятий или основного капитала доставлять со всех частей света сырье".

[1] Гильфердинг. Финансовый капитал, 1925, стр. 394 — 395.

[2] Der Weltkrieg 1914 — 1918. Bearbeitet im Reichsarchiv. Berlin, 1925, стр. 41.

Вопросы снабжения сырьем становятся краеугольными вопросами всей международной политики последнего довоенного десятилетия, и все помыслы германского капитализма направлены к завоеванию рынков сбыта промышленных изделий и рынков, обеспечивающих сырьем германскую индустрию.

Но для закрепления и расширения торговых связей необходимо собственное коммерческое судоходство, и энергичный германский капитализм создает его. Тоннаж германского торгового флота увеличивается с 1 434 тыс. регистровых тонн брутто в 1891 г. до 5 712 тыс. к 1 июля 1914 г.

Мы уже видели, что Германия опоздала к разделу мира; ее колонии были невелики, и на иностранных рынках германские изделия наталкивались на сопротивление ранее проникших туда других стран. Экспансия германского капитала могла развиваться по двум направлениям: по пути завоевания новых рынков и по линии производства товаров высокого качества.

В области расширения своего международного товарооборота успехи Германии были весьма велики. Благодаря ловкости и добросовестности своих торговых фирм и хорошему качеству своих товаров, Германия одерживала все большие победы на международном торговом фронте. Борьба германского капитала с прежним промышленным и торговым гегемоном — Англией, неизменно кончалась поражением Англии, и германская торговля на европейских рынках в последние годы до войны одержала полную победу над английской. [1]

---

[1] Необходимо отметить, что германский капитал, вывезенный в другие европейские страны, составлял 18 млрд марок, а английский только 4 млрд. Германия поместила 50% всех вывезенных капиталов в Европе, а Англия — 6% (цифры приблизительные.) (Ленин. Имп. как нов. этап. капитализма.)

Следующая таблица иллюстрирует планомерное вытеснение Англии Германией с европейских рынков.

ВВОЗ

Страны	Годы	Среднее годовое в млн	(в процентах ко всему ввозу) из Германии	из Англии
		Рубли		
Россия	1886—1890	415	29,4	23,8
	1913	1 375	47,4	12,8
		Кроны		
Дания, Норвегия, Швеция	1886—1890	769	31,1	26,3
	1913	2 293	34,7	21,3
		Франки		
Франция	1886—1890	563	8,0	12,7
(спец. ввоз)	1913	8 421	12,7	13,3
		Гульдены		
Голландия	1886—1890	1 211	24,5	23,6
	1913	3 918	30,2	8,7
		Франки		
Бельгия	1886—1890	1 506	11,2	12,7
	1913	4 947	15,5	10,5
		Пезеты		
Испания	1886—1890	916	6,5	21,5
	1913	1 415	13,1	17,3
		Франки		
Швейцария	1886—1890	856	28,5	5,2
	1913	1 920	32,9	5,9

Страны	Годы	Среднее годовое в млн	(в процентах) из Германии	из Англии
		Лиры		
Италия	1886—1890	1 390	10,2	20,4
	1913	3 646	16,8	16,3
		Кроны		
Австро-Венгрия	1886—1890	1 332	36,6	10,3
	1913	3 407	40,1	6,4
		Франки		
Балканы	1886—1890	563	18,1	24,5
	1913	1 115	29,2	14,9

Приведенные данные красноречиво иллюстрируют то положение, что доля Германии во ввозе в перечисленные европейские страны повышалась, а доля Англии падала. Только в импорте во Францию Англия увеличила свою долю на 0,6% и в импорте в Швейцарию на 0,7%. Но за тот же период времени Германия увеличила свою долю во ввозе во Францию на 3,3% и в Швейцарию на 4,4%. Из перечисленных стран только в Испании ввоз английских товаров (17,3% общего ввоза) превышал ввоз германских товаров (13,1% всего импорта), на всех же остальных крупнейших европейских рынках германский импорт превышал английский, показывая значительное увеличение, абсолютное и относительное. Что же касается английского импорта, то его значение за последние два довоенные десятилетия все уменьшается, на некоторых рынках медленным темпом, а на некоторых показывая катастрофическое падение (напр. в России с

23,8% общего ввоза до 12,8%, в Голландии — с 23,6% до 8,7%, на Балканах — с 24,5% до 14,9%). Особенно прочно Германия утвердилась в балканских странах, куда ввозила товаров в два раза больше Англии, вместе с Австро-Венгрией господствуя на этих рынках.

Но мало того, что Германия вытесняла Великобританию с европейских рынков; марка „Made in Germany“ нисколько не мешала проникновению германских товаров в бывшую цитадель мировой промышленности — в самую Англию, куда немцы ввозили готовых изделий больше, чем в какую-либо другую страну и разница торговых балансов составляла более 100 млн руб. в год в пользу Германии.

Однако уменьшение доли Англии в торговле с европейскими странами или даже потеря ею европейских рынков, быть может, могло и не слишком обострять наравшего конфликта, не являясь для Англии особенно серьезной угрозой, ибо Англия была связана с другими частями света больше чем с Европой. В 1913 г. Англия получала из Европы только 29% всего специального ввоза сырья и малообработанных товаров и вывозила туда 28,7% всего своего специального вывоза готовых и значительно обработанных товаров. Поэтому об Англии можно говорить как о мировом торговом государстве, тогда как Германия была так прочно связана только с европейскими рынками, и ее зависимость от международной торговли ограничивалась только европейскими масштабами. В 1913 г. специальный ввоз из Европы в Германию в процентах ко всему ввозу данной группы составлял: по сырью — 41,1% и по полуфабрикатам — 55,9%; в то же время в 1913 г. 70,5% всего специального вывоза Германии готовых изделий шло в Европу.

Германская торговля росла и проявляла определенную тенденцию развиваться в торговлю мировую. Вынужден-

ная качеством своих товаров пробивать себе дорогу на европейских рынках, где успехи ее были очень велики, Германия медленно, но верно завоевывала себе положение и на внеевропейских рынках, угрожая английской заокеанской торговле.

Следующие данные иллюстрируют это положение: увеличение доли Германии и уменьшение доли Англии в торговле заокеанских стран в процентах ко всему ввозу

ЮЖНАЯ АМЕРИКА
ВВОЗ

Годы	Среднее годовое в млн долл.	Германия	Англия
1901 — 1905	406	16	31
1913	1 020	19	28

Таким образом, те три процента, что потеряла Англия, приобрела Германия.

Во ввозе в САСШ Германия подняла свою долю с 7,2% в 1880 г. до 10,4% в 1913 г.; соответственно доля Англии упала с 26,9% до 16,3%.

То же наблюдалось и в азиатских странах (см. табл. на стр. 23).

В ввозе в Австралию доля Германии поднялась за годы 1890—1913 с 3,1% до 6,2%, а доля Англии упала с 83,5% до 72,1%.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении приведенной таблицы — это значительное превосходство Англии над Германией в торговле с заокеанскими странами, что подтверждает наше указание на огромную зависимость Великобритании от товарообмена с внеевропейскими странами. Второй вывод: та же, хотя и менее резкая по сравнению с европейской торговлей,

ВВОЗ

Страны	Годы	В миллионах	из Германии	из Англии	
		Иены			
Япония	1886—1890	58	8,1	39,0	
	1913	729	9,4	16,8	
		Таэли			
Китай	1901—1905	352	3,2	16,7	
	1913	586	4,8	16,5	
		Краны		Англия с колониями	России
Персия	1901—1905	327	1	36	45
	1913—1914	647	5	28	55
		ТО ЖЕ В АФРИКЕ			
		Франки			Франции
Тунис	1896—1900	54	1	12,0	56,7
	1913	156	2,2	9,5	51,4
		Франки			
Алжир	1896—1900	290	0,3	2,4	83,4
	1912	670	0,9	2,5	84,5
		Франки			
Марокко	1902	53	7,7	54,4	27,3
	1913	231	7,9	19,2	55,9
		Секвины			
Египет	1886—1890	8	1	37	10
	1913	28	6	31	9
		Франки			Бельгии
Бельгийское Конго	1896—1900	22	6	14	70
	1912	54	8	11	65

тенденция к увеличению значения германского ввоза за счет английского.

Но все же, несмотря на большие достижения немецкой внешней торговли, Германии приходилось сталкиваться, помимо своего главного соперника — Англии, с серьезной конкуренцией других индустриальных хищников: в Азии — Японии, в Южной Америке — САСШ, в Африке — Франции. Кроме того положение Германии на океанах было хуже, чем у ее противников: она не имела значительных колоний, не имела угольных станций.

Одержанные же Германией крупные успехи в области международной торговли были для германского капитализма слишком незначительны, для английского — слишком достаточны, ибо те несколько процентов ввоза в другие страны, которые теряла Англия и приобретала Германия, были уже серьезной угрозой для британской торговли.

Но мало того, что Германия вытесняла Англию с иностранных рынков, германские товары проникают и в английские колонии, в эти основные источники снабжения империи, основные рынки сбыта.

Достаточно взглянуть на таблицу ввоза и вывоза британских колоний, чтобы убедиться, что даже в собственных владениях британского империализма марка „Made in Germany“ укрепляет свои завоевания.

БРИТАНСКИЕ КОЛОНИИ.

Годы	Ввоз. Среднее годовое в млн фунтов	Процент участия стран		Вывоз. Среднее годовое в млн фунтов	Процент участия стран	
		Германии	Англии		Германии	Англии
1904—05 . . .	243	4,3	55,3	283	6,2	55,3
1906—10 . . .	304	4,8	53,1	348	7,2	54,1
1913	475	5,6	49,8	487	7,9	49,5

Естественно, что острая экономическая борьба вела к соответствующему обострению политических взаимоотношений.

Вот что пишет по поводу англо-германских отношений последних довоенных лет Гельфферих: „Германия проявила в хозяйственной области стремление к расширению, в котором Англия... видела серьезную угрозу своему индустриальному и коммерческому первенству и, тем самым, угрозу своему мировому господству вообще“. [1]

„В каждом углу земного шара существует соревнование Англии и Германии, — писали английские газеты, — в Трансваале, в Центральной Африке, в Индии, в Восточной Азии, на островах Тихого океана и на Дальнем Северо-Востоке; всюду, где за библией следует флаг, а за флагом торговля, происходит борьба между немецким торговым представителем и английским купцом“.

Цитируя заявление лорда Розбери, „что торговля Соединенного королевства непрерывно уменьшается, и то, что теряет Англия, выигрывает главным образом Германия“, Гельфферих указывает, что еще в конце XIX столетия английская пресса твердила, что война Англии с Францией приведет только к тяжелым потерям, в войне же с Германией Англия может многое выиграть, ничего не потеряв.

Эта торговая война обострялась проектами великих железнодорожных путей, выдвинутых отдельными империалистическими державами с целью полного подчинения всех прилегающих областей в ущерб своим конкурентам.

Осуществление английского проекта трансафриканского пути: Каир — Капштадт, превратила бы всю

---

[1] Helfferich: Die Vorgeschichte des Weltkrieges. Berlin, 1919, стр. 44.

Восточную Африку в английскую колонию, уничтожив возможность распространения немецкого влияния в Африке. Германский капитал, в свою очередь, предполагал создать великий африканский путь, прорезав Африку с запада на восток. Еще определеннее нарастал конфликт на Ближнем Востоке. Прочно утвердившись в Турции, германский капитал сумел осуществить еще до начала мировой войны часть проекта великого железнодоржного пути Берлин — Бизантиум (Константинополь) — Багдад. Создание этой дороги не только усиливало хозяйственное и финансовое развитие находившейся под немецким влиянием Турции, но передавало в руки немецкого капитала всю Сирию и Месопотамию.

Естественно, что Великобритания, понимая, что создание этого пути значительно усилит экономическую мощь Германии, видело в нем еще прямую угрозу ее близлежащим колониальным владениям. „В Англии относились к этому плану с определенным недоверием, считая, что он представляет собою именно угрозу или удар по английскому положению в Египте“, указывает Рорбах. [1]

В борьбе, развертывавшейся на Ближнем Востоке, Англия имела союзника, а Германия противника. Россия также стремилась захватить Константинополь и Дарданеллы, рассчитывая этим путем усилить свое влияние на Ближнем Востоке, подчинить себе весь персидский рынок. Ценой русской дружбы к Англии был Константинополь, обещанный английским капиталом — русскому, что значительно усиливало шансы России на завладение проливами.

„Борьба за Дарданеллы явилась одной из существеннейших проблем мировой войны, — указывает Киеллен. —

---

[1] Paul Rohrbach. Der Krieg und die deutsche Politik. Weimar, 1915, стр. 41.

Поскольку для России выход к Средиземному морю являлся жизненным вопросом, так же как для Германии достижение Индийского океана, мир и примирение было совершенно невозможно, ибо одна программа совершенно исключала другую“.[1]

Мы сознательно останавливались в предыдущем изложении главным образом на противоречиях между Англией и Германией, ибо, во-первых, мировой конфликт развивался в основном по линии развития противоречий между ними и, во-вторых, Англия и Германия, каждая *применила и испытала* на себе в мировую войну два основных и наиболее действительных способа блокады. Однако и помимо англо-германских противоречий в Европе было достаточно поводов для конфликтов, способных вызвать мировой пожар. Достаточно указать на русско-австрийскую борьбу за гегемонию в южно-славянских государствах и на франко-германскую борьбу за гегемонию в Средней Европе, которая определялась стремлением французского капитала заполучить германский уголь и желанием немецких промышленников захватить железные рудники французской Лотарингии. Эта взаимная агрессивность вызвала бешеный рост вооружений, сопутствовавший росту шовинизма, разжигаемой национальной ненависти... Все условия для гигантской схватки были налицо, и достаточно было малейшего повода (каким и явился выстрел в Сараеве), чтобы вспыхнула мировая война, как известно, не только не уменьшившая, но даже еще больше обострившая завязавшиеся, неразрешимые узлы противоречий капиталистического общества, разрубить которые сможет только социальная революция.

---

[1] R. Kiellén. Die politischen Probleme des Weltkrieges. Leipzig — Berlin, 1918.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БЛОКАДА ГЕРМАНИИ В МИРОВУЮ ВОЙНУ 1914—1918 гг.

Мира в международной экономике довоенного периода не существовало, и вспыхнувшая в 1914 г. дикая бойня народов была не чем иным, как более активным, более откровенным выражением предшествовавшей экономической борьбы.

Основные группировки гигантов империализма, боровшихся за гегемонию в мировом хозяйстве, были намечены задолго до начала войны, и более мелкие государства втянулись в разворачивавшуюся схватку именно потому, что мировое хозяйство было целостным организмом, потому что мирохозяйственные связи главных противников были слишком велики, чтобы существенно не затронуть интересы других народнохозяйственных организмов, не сумевших остаться безучастными.

Прогресс капиталистического хозяйства совершался с угрожающей для него последовательностью.

Рост мировой промышленности и торговли был прямопропорционален разрушительному значению кризисов, противоречия нарастали в той же прогрессии, и грандиозные размеры мировой войны (если можно так выразиться) соответствовали размаху мирового хозяйства этой эпохи.

Этим и объясняется невиданный до сих пор в истории масштаб войны 1914—18 гг., когда почти весь мир

бился в конвульсиях международной бойни, и области, не затронутые войной, казались редкими оазисами.[1]

На ряду с количественными изменениями характера войны 1914—18 гг. наступили изменения и *качественные.* Индустриальный прогресс сказался не только на эволюции средств и орудий убийства и разрушения, но и на приемах ведения войны. Первые же месяцы войны показали, что расчеты на быстрый разгром противника нереальны, и тогда же воюющие убедились в том, что боеспособность армии больше всего зависит от подготовки и состояния всего народного хозяйства и что удар по этому последнему может принести такие же существенные результаты, как и военный разгром. Таким образом был выдвинут принцип хозяйственной или экономической войны. В крупных войнах последнего столетия стремление нанести хозяйственный ущерб противнику также имело место, но только в войну 1914—18 гг. мероприятия, направленные в сторону уничтожения или нанесения значительного ущерба народному хозяйству противника, вытекали из широко задуманного плана, представляя собой настолько стройную систему, что мировая война 1914—18 гг. являлась не только грандиозной военной борьбой, но и такой же огромной экономической операцией.

Война твердо установила положение, что разрушение народного хозяйства воюющей страны тем самым уничтожает и его армию, ибо в условиях современной войны обороноспособность страны и боеспособность армии целиком зависят от основных источни-

---

[1] Достаточно указать на то, что в 1914 г. население стран, составлявших союзную коалицию, равнялось 946,5 млн человек (без Китая), а население центральных держав равнялось 160,6 млн человек. Население же всего земного шара насчитывало к началу войны около 1 600 млн (ср. Е. Святловский. Экономика войны).

ков, ее питающих, т. е. от состояния всего народного хозяйства.

„...В войну 1914—18 гг.... тылом армии становится все государство“, указывает проф. Свечин.

Помимо этого, хозяйственная борьба усугублялась еще тем, что сама война была результатом предыдущей экономической борьбы капиталистических группировок, которые воспользовались войной, как средством более глубокого хозяйственного поражения противника. И характерно, что для правительств воюющих стран размеры экономической борьбы явились совершенной неожиданностью. Проводя длительную подготовку в области вооружений, державы были к хозяйствевенной самообороне совершенно не готовы, и даже Германия, которая учла все перспективы будущей войны с наибольшей тщательностью, рассчитывая закончить войну в шесть недель, была подготовлена только в финансовом, но не в хозяйственном отношении.

Как вполне справедливо указывает Плаут,[1] „Великая война создала правило, что все народное хозяйство, все его органы, все задачи и средства должны быть направлены только к одной цели: выиграть войну“.

Так появился принцип экономической войны, основными объектами которой были уничтожение снабжения неприятельской страны продовольствием, сырьем и военными материалами (главным образом путем уничтожения ее внешней торговли), а также дезорганизация ее внутреннего рынка, денежного обращения и кредита и т. п. И только в войне 1914—18 гг. появилось понятие военного хозяйства в полном смысле этого слова, ибо за всю историю только эта война затронула в огромной степени все отрасли народного хозяйства и интересы

[1] Theodor Plaut. Deutsche Handelspolitik. Leipzig—Berlin. 1924.

гражданского населения. Эта война породила стремление полностью уничтожить торговлю и снабжение неприятеля нейтральными странами, и грандиозная блокада Германии союзниками явилась основным и самым действительным средством их экономической борьбы.

В истории было „только две всеобщих континентальных блокады, — говорит Зоммерлад,[1] — Наполеона I против Англии в начале XIX века и английская блокада против Германии в начале XX века“.

Поражение на Марне, заставившее Германию отказаться от плана победоносно закончить войну в первые же месяцы, вынудило ее перейти к хозяйственной обороне, и с этого момента инициатива в хозяйственной войне переходит к союзникам, в первую очередь — к Англии.

„Эта хозяйственная война имела двойное лицо, — пишет профессор Бернгард Гармс в предисловии к капитальному исследованию об экономической войне.[2] — Основная цель заключалась в том, чтобы путем полного разрушения мирохозяйственных связей Германии разбить ее военно-техническую и военно-хозяйственную способность к сопротивлению. Вторая сторона экономической войны заключалась в стремлении Англии настолько повредить хозяйственной жизни Германии, чтобы последствия этого чувствовались еще долгие годы или даже совсем лишили Германию возможности выступать в качестве конкурента Англии“.

Вполне отчетливо выявились эти стремления в реше-

---

[1] Theo Sommerlad. Die alte und die neue Kontinentalsperre. Halle, 1918.

[2] Der Wirtschaftskrieg. I Abtheilung England. Herausgegeben vom Königlichen Institut für Seeverkehr und Weltwirthschaft an der Universität Kiel. Jena, 1917.

ниях Парижской экономической конференции союзников, но наиболее ярким доказательством этого положения является Версальский мир.

В этой торговой войне с Германией Англии принадлежала руководящая роль: она проводила первой основные положения хозяйственной изоляции Германии, имевшие целью не только поразить немецкую обороноспособность, но и надолго лишить ее возможности выступать в качестве английского конкурента, что вызвало бы переход захваченных Германией рынков в руки английского капитала. В этом направлении союзники только слепо следовали за Англией.

Основной и наиболее легко выполняемой задачей в области уничтожения германской хозяйственной мощи являлись подрыв снабжения и дезорганизация германской промышленности путем уничтожения ее внешней торговли, что одновременно разрывало ее хозяйственные связи с иностранными рынками.

Это стремление союзников во главе с Англией выразилось в плане грандиозного окружения Германии, в планомерно проводимой гигантской блокаде, облегчавшейся еще тем обстоятельством, что в эпоху войны 1914—18 гг. понятие воюющего и невоюющего населения почти совпадало.

Помимо чисто-экономического интереса, изучение мероприятий союзников в этом направлении, а также оборонительных действий Германии, является чрезвычайно ценным, в особенности для стран, уже переживших однажды аналогичное положение абсолютной хозяйственной изоляции и могущих еще очутиться в положении экономически блокированных.

Мероприятия союзников, направленные к полной изоляции Германии и ее союзников, должны были развиваться по двум основным направлениям: во-первых,

полное уничтожение хозяйственных связей между странами союзной коалиции и центральными державами и, во-вторых, подрыв снабжения Германии нейтральными странами. Во втором случае опять-таки были две области действий: первая — недопущение ввоза и вывоза в блокированную страну путем военного вмешательства на путях, контролируемых союзниками, вторая — экономическое давление на нейтралов в целях сведения на-нет их торговли с блокировинными странами.

Развитие операций на суше кратко рисуется в следующем виде: в основе операций германской армии лежал знаменитый план графа Шлиффена. Этот план заключался в том, чтобы молниеносным ударом (в шесть недель) через Бельгию покончить с Францией, а затем обратиться всеми силами на Россию и уничтожить ее. Некоторые военные авторитеты полагают, что если бы этот план был полностью проведен в жизнь, то Франция заключила бы мир уже в сентябре 1914 г. Однако, несмотря на ряд крупных побед в первые недели войны, германское высшее командование совершило ошибку, величина которой могла быть по-настоящему оценена только в будущем: ослабив свое правое крыло на Западном фронте переброской пяти корпусов на защиту Лотарингии и Восточной Пруссии, германская армия не сумела добиться решительного успеха, и, будучи остановлена на Марне, отошла на р. Эн. С этого момента начинается позиционная война, где, по существу, Россия была принесена в жертву общесоюзническим интересам, ибо наиболее опасные и требовавшие крупных жертв операции проводились русской армией, тогда как на Западном фронте союзники не рисковали предпринимать серьезные наступления, выжидая и накапливая силы, зная, что время работает на них. Теперь уже можно признать, что имевшее место во время войны ходячее

мнение, что „Англия готова сражаться до последнего русского солдата“, вполне справедливо.[1]

Союзники правильно рассчитали, что с каждым месяцем их силы растут, а немецкие — уменьшаются; ставшее знаменитым выражение: „Победит тот, у кого нервы крепче“ и лозунг Германии: „Мы продержимся“ — правильно характеризовали положение вещей. В этой длительной борьбе ставка союзников на голодную блокаду Германии, на „измор“ ее, играла первенствующую роль. И нужно отдать справедливость Англии, руководившей этой борьбой, что если в области военных столкновений англичане были не всегда на высоте, то в экономической борьбе Англия показала прекрасную школу.

Естественно, что война уничтожила все торговые договоры между союзниками и центральными державами. Однако в условиях капиталистического хозяйства, когда интересы всего государства в целом далеко не всегда совпадают с интересами отдельных капиталистов, одно состояние войны могло целиком не нарушать торговых отношений между отдельными гражданами-подданными воюющих стран.[2] Поэтому английское правительство первое пошло по пути коренного уничтожения хозяйственных связей с Германией законодательным путем.

Старое английское обычное право рассматривало всех подданных неприятельских государств, как „врагов короля“ (Enemis of the King), т. е. каждый гражданин неприятельской страны считался врагом. Из такого по-

---

[1] „Еще в 1915 г. Антанта стремилась выиграть войну усилиями русских“, говорит Людендорф в своих „Воспоминаниях“.

[2] В воюющих странах появились, правда, специальные органы печати и общества для уничтожения неприятельской торговли, как Patria, Souvenez-vous, Лига Anti-Bosche и Anti-German-League. В Германии также существовало движение против неприятельских товаров, главным образом против предметов роскоши.

нимания вытекало, что не только государства, но и отдельные народные хозяйства принимают участие в войне.

Английский указ от 5 августа 1914 г. о торговле с врагом носил еще сравнительно мягкий характер, но уже указом от 9 сентября 1914 г. английское обычное право снова было обострено по отношению к врагу. Сентябрьским указом запрещалось платить денежные суммы в какой бы то ни было форме неприятельским подданным, а также суммы, могущие перейти в их распоряжение. Запрещалось вступать в сделки, вести совместные коммерческие дела и заключать договоры с неприятельскими подданными. Запрещалось доставлять товары, могущие попасть к подданным неприятельской страны или на неприятельскую территорию, а также запрещалось принимать товары от неприятельских подданных или товары, идущие из неприятельской страны. Британским судам было запрещено подходить к любой гавани или месту неприятельской территории. Законом от 18 сентября 1914 г. устанавливались строгие штрафы за каждые торговые сношения с врагом, причем закон предусматривал наказание вплоть до семилетнего заключения в исправительном доме. Первыми указами были запрещены все торговые сношения с подданными неприятельских государств, проживающими на неприятельской территории и в колониях. Позже к этим территориям были присоединены Турция, Болгария, а в июле и ноябре 1915 г. были запрещены торговые сношения с неприятельскими подданными в Китае, Сиаме, Персии, Марокко и др. [1]

[1] Wirtschaftskrieg, Englang, стр. 12 и дальше; см. также: A. Curti Handelsverbot und Vermögen in Feindesland, Berlin, 1916. Brodnitz. Die Wirtschaftsblokade im Weltkrieg. О России. „Der Wirtschaftskrieg — Zweite Abtheilung. Russland. Jena, 1918. Вестник финансов за 1915 и 1916 гг.

Эти меры привели к полному уничтожению торговли между Германией и ее главными противниками. Вывоз Германии составлял: [1]

	1913	1914	1915	1916	1917	1918
В Англию (в тыс. фунт.) . .	80 441	—	201	103	49	8
Во Францию (в млн франк.) .	1 068	—	7,9	4,3	2,5	—

Указом от 7 января 1915 г. запрещались все банковские операции с каждым неприятельским лицом, фирмой или обществом. Трем крупнейшим германским и двум австрийским банкам в Англии было разрешено еще продолжать операции, ибо в противном случае могли пострадать интересы английских подданных. Банки продолжали некоторое время свои операции под контролем правительственных агентов, но постепенно деятельность неприятельских банков была сведена на-нет.

Указами от 29 февраля, 26 апреля и 23 мая запрещалась торговля со всеми находящимися в нейтральных странах фирмами и обществами, которые были опубликованы в так называемых черных списках лондонских газет. Эта списки охватывали к середине 1917 г. около 3 тыс. фирм и обществ, причем в них попадали не только неприятельские, но и нейтральные фирмы, торговавшие с неприятелем. К вопросу о черных списках мы еще вернемся, пока же ограничимся указанием на то, что введением черных и серых списков Англия, уничтожив морскую торговлю Германии распространительными толкованиями понятий контрабанды и права блокады, пыталась также подорвать этим, весьма действенным методом, торговлю Германии с соседними нейтральными странами.

[1] Statesman's Jear-Book за 1917 и 1921 гг.

Англия не ограничилась только поражением внешней торговли Германии, она приступила также к ликвидации имуществ неприятельских подданных (одних акций английских акционерных обществ находилось в руках неприятеля на сумму почти в 400 млн руб.) на основании закона от 27 января 1916 г. За период с 3 марта 1916 г. по 30 марта 1917 г. в Англии было ликвидировано 434 немецких фирмы.

Одновременно с метрополией, или несколько позже, приступили и английские колонии к ликвидации имуществ и предприятий неприятельских подданных.

Были уничтожены права граждан неприятельских стран, вытекающие из патентов и изобретений.

Суровые меры были приняты и по отношению к находящимся в Англии во время войны немцам и австрийцам, которых насчитывалось 75 тыс. человек. 21 тыс. из них была отправлена на родину, 32 тыс. интернированы и 22 тыс. оставлены на свободе. Эти последние обязаны были проживать в определенном месте, не имея права отлучаться на расстояние более пяти миль без особых разрешений.

Франция последовала примеру Англии и декретом от 27 сентября 1924 г. запретила все торговые сношения с подданными неприятельских государств и приступила к секвестру всего неприятельского частного имущества. Законом от 4 апреля 1915 г. было установлено наказание от одного до пяти лет заключения и уплата денежного штрафа в размере от 500 франков до 20 тыс. каждому, кто вступит в те или иные экономические взаимоотношения с неприятельскими подданными.

По этому же пути пошла и Италия, декретом от 24 мая 1915 г. запретившая, под угрозой штрафа и конфискации, экспорт и импорт товаров из и в Австро-Венгрию. Декретом от 24 июня 1915 г. была запрещена

продажа недвижимости и другие юридические сделки с подданными Австро-Венгрии.

Русское антигерманское законодательство носило несколько своеобразный характер, причем наиболее характерным для него являлась его половинчатость и неопределенность. Это объяснялось, с одной стороны, стремлением итти в ногу с общей политикой союзников, направленной против центральных держав, а, с другой стороны, этому мешала большая экономическая зависимость дореволюционной России от Германии. Достаточно указать на то, что к началу войны в России находилось около двух миллионов немцев или лиц немецкого происхождения. К этому периоду в России числилось 3504 торговых и промышленных предприятия, находившихся в руках немцев и австрийцев. Одних немецких промышленных предприятий в России насчитывалось более 1100 с капиталом более 100 млн руб. Кроме того, имелось 364 акционерных общества, работавших с капиталом неприятельских подданных. Вообще доля немецких капиталов в русских акционерных обществах составляла около 800 млн руб.

В России были приняты также очень резкие меры против немецких и австрийских подданных и их имуществ. Однако законодательство в этой области было чрезвычайно неотчетливо и порождало разнообразные толкования. В ноябре 1914 г. было издано запрещение платежей в неприятельские страны, а также вывоза ценных металлов. Сенатским разъяснением в феврале 1915 г. было установлено, что подданные неприятельских держав не подлежат судебно-правовой защите. В 1915 г. были предприняты меры к закрытию и ликвидации торговых и промышленных предприятий неприятельских подданных, а также к отчуждению землевладений неприятельских подданных. Отчуждение землевладений распро-

странялось (сначала в пограничных областях, а потом и на всю Россию) и на колонистов, насчитывавшихся до 1,5 млн, из которых некоторые переселились еще при Екатерине. Законодательство в своей нелепости доходило до запрещения (указ от 18 августа 1914 г.) говорить в общественных местах на немецком языке и пользоваться им в корреспонденции, под угрозой штрафа в 3 тыс. руб. или 3-месячного ареста. И на ряду с этими суровыми мерами против неприятельских граждан, из которых многие давно перестали быть немцами, царское правительство в начале войны *не издавало никакого всеобщего запрещения торговли с неприятельскими подданными*, ограничиваясь только введением некоторых затруднений: предписанием Министерства финансов пошлины на товары, идущие из неприятельских стран, были подняты на 100%.

Ибо существуют условия, которые оказываются сильнее искусственно-раздуваемой национальной ненависти. Это — тесная экономическая связь между двумя народными хозяйствами. В 1913 г. Германия ввезла в Россию товаров на 650 млн руб., т. е. почти 50% всего русского ввоза, оставив далеко позади себя другие страны (следующая — Англия, ввозившая на 170 млн руб.) и ввозила из России на 454 млн руб. (следующая — Англия, ввозившая на 267 млн руб.), что составляло несколько меньше $^1/_3$ всего русского вывоза. Этим, а также и тем, что Россия сама оказалась на положении наполовину блокированной, объясняется то обстоятельство, что Россия очень медленно уничтожала свои внешнеторговые связи с Германией и Австрией.

18 марта 1915 г. постановление о поднятии пошлин на товары, идущие из неприятельских стран, было распространено и на транзитные товары, идущие из Германии, Австрии и Турции. В декабре 1915 г. был вообще запре-

щен ввоз товаров из неприятельских стран, при наличии значительного исключения для целого ряда товаров, как химикалии, краски, препараты, железная руда чугун, машины и т. п. В результате получилась странная картина, когда на внутреннем рынке воюющей с Германией России имелись карандаши Фабера, чернила Леонгардта, стальные изделия Золингена и другие товары немецкого происхождения.

Только 24 октября 1916 г. был издан закон, в котором, под страхом заключения от 2-х месяцев до 1 года 4-х месяцев и штрафа от 1 тыс. руб. до 25 тыс. руб., запрещались на будущее время всякие торговые и договорные отношения с неприятелем, как с частными лицами, так и с фирмами. Этим законом также была введена система черных списков для нейтральных стран. Однако царское правительство не спешило с проведением этого мероприятия в жизнь, и прошел почти год, пока были выпущены черные списки, содержавшие 581 торговую фирму (137 норвежских, 76 датских, 107 шведских и 207 голландских).

В результате германский ввоз в Россию во время войны, значительно уменьшившись, все же продолжал существовать. Так, по данным Департамента таможенных сборов, привоз в Россию в тыс. рублей составлял:[1]

ЗА ЯНВАРЬ — АПРЕЛЬ

	1915	1916	1917
Из Германии	7906	1308	4289
„ Австро-Венгрии	481	902	89

[1] „Вестник Финансов", 1917, № 37.

А всего из Германии было ввезено: в 1915 г. на 25,0 млн руб., в 1916 г. на 9,1 млн руб. и за 3 месяца 1917 г. на 4,3 млн руб. Эти цифры должны быть еще выше, если учесть ввоз германских товаров, шедших под видом посланных из Финляндии или из Швеции.

Мы ограничиваемся, за недостатком места, приведенными данными, на основе которых уже возможно констатировать, что план радикального уничтожения хозяйственных связей Германии с воюющими с ней странами был задуман достаточно широко и систематически проводился в жизнь. Даже ввоз в Россию, которая медленнее своих союзников разрушала свою торговлю с Германией, был по сравнению с довоенным совершенно незначительным Если же учитывать, что известное количество товаров из стран союзной коалиции и просачивалось в Германию и обратно, то это количество было настолько ничтожным, что его можно не принимать во внимание. Таким образом, можно признать, что торговля между Германией и союзниками была сведена на-нет. Прежде чем установить, каким это было чувствительным ударом для германской внешней торговли, необходимо рассмотреть, как распределялась внешняя торговля Германии по странам света (см. табл. на стр. 42).

В этой таблице прежде всего бросается в глаза колоссальное превосходство европейской торговли Германии над ее заокеанской торговлей. 76% всего германского вывоза шло в Европу, и 54,7% германского ввоза падало на ввоз из Европы. Это подтверждает уже знакомое нам положение о зависимости Германии от иностранных рынков, пока еще только в европейском, а не в мировом (подобно Великобритании) масштабе.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ПО ЧАСТЯМ СВЕТА И ПО ГЛАВНЫМ ТОВАРНЫМ ГРУППАМ В 1913 Г.[1]

Части света	В млн мар.	В процентах					
		Живой скот	Жизн. прип., напитки	Сырье	Полуобр. товары	Готов. издел.	Золото и сер. необраб.
			Ввоз				
Европа	6 221	4,6	26,4	33,2	11,3	19,2	5,4
Сев. Америка	1 796	0,0	26,8	40,5	24,4	8,0	0,3
Южная Америка	1 265	0,0	33,3	59,8	0,4	1,5	4,9
Азия	1 069	0,0	15,5	71,6	6,6	4,4	1,8
Африка	515	0,0	11,5	82,6	1,3	0,9	3,6
Австралия	328	0,0	8,6	80,8	10,4	0,1	0,0
Всего	11 206	2,6	25,0	44,6	11,3	12,6	3,9
			Вывоз				
Европа	7 760	0,1	11,8	14,7	10,7	61,7	1,1
Сев. Америка	776	0,1	5,7	17,7	5,6	70,8	0,0
Южная Америка	783	0,0	6,9	1,2	3,5	86,8	1,7
Азия	548	0,0	3,0	1,6	2,7	92,7	0,0
Африка	216	0,1	16,3	1,6	3,5	75,9	2,5
Австралия	104	0,0	3,4	2,6	4,6	88,8	0,7
Всего	10 199	0,1	10,5	12,7	9,1	66,5	1,0

Каков же должен был быть эффект прекращения импорта в Германию из стран союзной коалиции?

[1] Handelsstatistisches Material.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВВОЗ В ГЕРМАНИЮ В 1913 Г.

(без ввоза золота и серебра в миллионах золотых марок).

Из Англии	—	875,9
„ Австралии	—	296,1
„ Брит. Индии	—	541,8
„ Брит. Южн. Африки	—	69,6
„ Брит. Зап. Африки	—	134,5
„ Египта	—	118,4
„ Канады	—	64,3
„ Бельгии	—	344,4
„ Франции	—	583,2
„ Алжира, Марокко, Франц. Зап. Африки	—	63,6
„ Италии	—	317,6
„ России	—	1 424,6
„ Сербии	—	10,5
„ Японии	—	46,6
„ Португалии	—	25,3
„ Румынии	—	79,7

Таким образом, специальный ввоз приведенных выше стран в Германию составлял почти 5 млрд марок. Если же учесть, что этот ввоз по вступлении отдельных государств в войну с центральными державами падал (благодаря принятым мерам) до таких ничтожных размеров, что его можно не учитывать, то отсюда вытекает, что германский импорт должен был уменьшиться на 50% (специальный ввоз в Германию в 1913 г. составлял 10 770 млн марок). В 1913 г. Соединенные Штаты ввозили в Германию на 1711,1 млн марок, а ввоз Китая в этом же году составлял 130,5 млн марок; по вступлении этих стран в войну импорт в Германию должен был пасть еще на 1840 млн марок.

Из приведенных данных вытекает, что только на основе одного факта состояния войны с большим количеством государств, благодаря прекращению торговли с

ними, *импорт в Германию должен был снизиться до* 30% *своего довоенного размера.*

Чрезвычайно показательны те гигантские усилия, которые пришлось приложить правительствам Антанты для нанесения этого урона неприятелю. В условиях капиталистического хозяйства отдельным буржуазным странам не только трудно маневрировать, но даже для пресечения торговли своих граждан с неприятелем приходится создавать специальное законодательство, борющееся репрессивными и не всегда вполне действительными мерами с действиями своих граждан, противоречащими общей политике всего государства. Естественно, что в военных условиях торговая политика буржуазных стран будет тяжеловеснее, чем торговая политика страны, где внешняя торговля носит плановый характер. Необходимостью регулировать как внешнюю торговлю, так и все народное хозяйство в целом, с целью его увязки с интересами ведения войны, и объясняется тот своеобразный „военный социализм", который породила империалистическая война 1914—18 гг.

Однако прекращение импорта в Германию из воюющих с ней стран еще не означало полного уничтожения немецкой внешней торговли, ибо оставались еще нейтральные страны, которые если не целиком, то в значительной степени могли заменить своим экспортом убыль в области снабжения Германии сырьем и продовольствием. Примером того, как легко заменяют друг друга отдельные части мирового хозяйства, служит рост производства и сельского хозяйства в заокеанских странах взамен значительно упавшего из-за войны производства Европы.

Вопрос о недопущении снабжения Германии нейтралами, другими словами, вопрос об осуществлении абсолютной блокады Германии, решался раньше всего борьбой на морях, военно-морским превосходством.

После назначения Тирпица в 1898 г. морским министром германский флот показал гигантское развитие, став самым мощным после английского флота в мире. В 1890 г. весь германский флот состоял из двух маленьких броненосцев в 4 110 *т* водоизмещения каждый, а в 1913 г. германский флот имел более 1 млн *т* водоизмещения с личным составом в 73 тыс. человек. Последний довоенный закон устанавливал силу германского флота в 41 линейный корабль, 20 броненосных крейсеров, 40 легких крейсеров, 144 эскадронных миноносца и 72 подводных лодки.[1] Англия и Германия деятельно готовились к войне, и в этих все растущих вооружениях победа оставалась на стороне Англии, флот которой продолжал значительно превосходить немецкий. Это по существу и определило задачи обоих флотов во время войны: задача английского флота заключалась в том, чтобы, не принимая решительного боя, осуществлять блокаду всех морских подступов к Германии, задача же германского флота сводилась к стремлению разорвать эту блокаду и, разделив морские силы противника, постепенным ослаблением его сил достичь равновесия и вызвать англичан после этого на решительный бой.

Флоты других держав исполняли существенные, но более местного характера задачи: французский флот должен был блокировать в Средиземном море австрийский (что ему в значительной степени удалось), русский флот был связан тем, что немцы могли одновременно, через Кильский канал, действовать против английского и русского флотов.

Первые попытки германцев к активным действиям были подавлены англичанами, и отдельные бои в начале

---

[1] См. Энциклопедический словарь Граната, статья Доливо-Добровольского.

войны не дали решительных результатов. На океанах несколько германских крейсеров после ряда смелых выступлений уничтожаются англичанами, и германские колонии захватываются противником. К концу 1914 г. морская война концентрируется в европейских водах. Общественное мнение Германии, в связи с вынужденной бездеятельностью немецкого флота и относительным затишием на фронтах, требовало решительного боя с английским флотом, которого последний избегал. С целью вызвать англичан на битву, германские суда делают налет на английское побережие. 31 мая 1916 г. немцам удалось ввязаться в бой у Ютландского побережья (битва у Скагеррака). Это морское сражение было самым крупным в последнюю войну и величайшим морским сражением в истории. В результате Ютландской битвы потери англичан составили 170 тыс. *т*, а немцев — 61 тыс. *т*. Поэтому тактически эта битва считается выигранной Германией. Но стратегически немцы потерпели поражение, так как английское господство на морях не было уничтожено и блокада продолжалась. Таким образом, возможность проведения блокады обусловливалась английским военно-морским превосходством, которое немцам за все время войны поколебать не удалось. То обстоятельство, что англичанам сразу удалось приступить к осуществлению блокады, объясняется тем, что английский флот вступил в войну в полной готовности, ибо летом 1914 г. в Англии была проведена пробная мобилизация флота на Спитхедском рейде и люди были задержаны на судах.

Основные задачи английского флота отчетливо сформулированы его главнокомандующим — адмиралом Джеллико, который свел их к четырем основным пунктам:[1]

---

[1] Гельмерсен. Морская блокада.

1. „Обеспечить английским судам пользование морем без каких-либо ограничений; это требование жизни каждого островного государства, но в особенности такого, которое не в состоянии собственными силами обеспечить продовольствие страны.

2. *Оказывать постоянное экономическое давление на противника путем уничтожения его морских сообщений, дабы принудить его к миру* (подчеркнуто нами. *Я. И*).

3. Обеспечить перевозку войск и их снабжение.

4. Обеспечить страну и доминионы от вторжения неприятельских сил".

Уже в августе 1914 г. движение немецких судов в океане прекратилось из-за опасности конфискации; германский морской генеральный штаб предписал всем большим пароходам укрыться в нейтральные порты.[1] Великобритания проводила блокаду планомерно и систематически; с самого начала войны собственный заокеанский кабель Германии был перерезан англичанами. По выражению Людендорфа, „Рейтер должен был отрезать Германию от всего мира". Несмотря на постановление Гаагской конференции о том, что все найденные на неприятельских или нейтральных судах письма не должны просматриваться (что относилось только к письмам, но не к пакетам), Англия, несмотря на эти постановления, отбирала и просматривала всю найденную почту и

---

[1] Уже это обстоятельство должно было нанести чувствительный ущерб международному товарообороту, вследствие выпадения второго в мире по величине коммерческого флота. Так, на июнь 1914 г. тоннаж крупнейших торговых, паровых флотов составлял: Великобритания — 18 892 тыс. *т*, Норвегия — 1 957 тыс., Британские колонии — 1 632 тыс., Франция — 1 922 тыс., Германия — 5 135 тыс., Япония — 1 708 тыс., Соединенные штаты: океанские суда — 2 027 тыс., озерные суда — 2260 тыс. *т*.

пакеты. Несмотря на протесты Америки, Голландии и Дании, просматривание всей почты англичанами не прекращалось; они имели возможность этим путем ознакомиться с немецкой деловой корреспонденцией, что служило материалом для черных списков.

Морская блокада Германии облегчалась ее географическим положением. Германия имела два выхода из Северного моря в океан: в Юго-восточном углу Северного моря, между Данией и Голландией, или же через Скагеррак. Последний выход не был использован, так как Германия сама закрыла его минными заграждениями, опасаясь вторжения англичан в Балтийское море.

Таким образом, мировые морские пути Германии, Швеции, Дании, Норвегии и Голландии неизбежно должны были огибать берега Англии, и задача блокады Германии облегчалась тем обстоятельством, что одно присутствие английского флота у входа в Северное море было достаточным, чтобы запирать торговлю и сообщение неприятеля (Гельмерсен, цит. соч.).

Под блокадой обычно принято понимать „кордон или цепь судов, преграждающих доступ военным и коммерческим судам нейтральных держав в заблокированные проливы, бухты и т. п. неприятельского побережья". Повидимому, немецкий морской генеральный штаб представлял себе так будущую блокаду, разрабатывая план морской войны в соответствии с тесной блокадой. Однако, в виду невозможности держать свои крупные суда непосредственно перед базами неприятеля, ибо днем они могли быть уничтожены подводными лодками, а ночью — атаками миноносцев, — англичане остановились на дальней блокаде.

Определенного плана блокады у англичан не существовало, и он менялся в зависимости от условий. После нескольких удачных атак германских подводных лодок

линия блокады была перенесена севернее. Кроме того, было решено привлечь к несению блокадной службы коммерческие суда, вооружив их. В дальнейшем была признана нецелесообразность постоянных блокадных линий; вначале они менялись, чтобы сбить с толку противника, позже они были заменены поисками крейсерских эскадр, а в разгар подводной войны было осуществлено конвоирование нейтральных судов. Особенно сильно проводилась охрана Канала, в виду необходимости сохранить этот путь от посягательства неприятеля (перевозка войск, снаряжения, продовольствия и т. п.). Все приходящие и уходящие суда досматривались в Доунах, через которые шли $^3/_4$ торговли всей Северной Европы. Там ежедневно проходило от 100 до 120 пароходов. За период с 1915 г. до конца 1917 г. было досмотрено 121 707 судов. Досмотр заключался в следующем: описи товаров посылались на берег, там они рассматривались и по телеграфу передавались в утвержденный в 1914 г. Contraband Commiettee. Обычно обыскивался весь корабль; трюмы досматривались по нескольку на выдержку, причем содержимое их тщательно сличалось с документами. По английским данным, идущие на восток суда задерживались 1—3 суток, а идущие на запад—1 сутки. Однако по другим сведениям в начале войны нейтральные суда задерживались и до 1-го месяца.[1] 1 октября 1914 г. англичане закрыли все свои порты и 2 октября объявили о постановке минного поля перед восточным выходом из Канала. Благодаря этому, для судоходства оставалась только узкая полоса у английского побережья. Ни одно судно не могло ускользнуть от досмотра, если оно не хотело огибать

---

[1] П. Гельмерсен. Морская блокада. Л., 1925. См. также: O. Groos-der Seekrieg; die Blockade — der U — Bootkrieg. Handbuch der Politik, 1920.

всю Англию с севера. После постановки мин в Канале все большее количество судов предпочитало огибать Англию, проходя севернее Шетландских островов. Сильные бури и недостаток судов, несущих у англичан блокадную службу, давали им возможность избегать досмотра, и в Германию стало проникать все большее количество сырья и продуктов питания.

Самым лучшим выходом для англичан было требование, чтобы все нейтральные суда заходили в английские порты для досмотра. Это предложение адмирала Джеллико было отклонено адмиралтейством, как „чрезмерное расширение прав воюющей стороны".

По вступлении адмирала Фишера на должность первого лорда Адмиралтейства, предложение адмирала Джеллико немедленно было осуществлено: 2 ноября все Северное море было объявлено зоной военных действий. Так как на Северном море должны были быть поставлены минные заграждения и, кроме того, оно должно было тщательно обследоваться военными судами, то все суда, идущие в Балтийское море, в Норвегию, Данию и Голландию, должны были следовать по Английскому каналу и Дуврскому проливу. Другими словами, свободное плавание нейтральных судов по Северному морю стало невозможным, ибо все они подвергались риску уничтожения, если не следовали указанными Англией фарватерами.

„Как теперь известно, англичане обладали столь малым количеством мин, что были принуждены частью получать их из России, и, конечно, преградить минными заграждениями Северное море им оказалось не под силу..." [1] Но все же основная цель англичан была достигнута: Германия была заблокирована еще 2 ноября

[1] Гельмерсен, цит. соч., стр. 27.

1914 г., ибо объявлением Северного моря военной зоной „нейтральная морская торговля была пригвождена к пути по каналу вдоль побережья Англии и далее по единственному пути через Северное море“ — пишет Людендорф.[1]

С этого момента начинается „голодная блокада“ Германии.

Объявление Северного моря районом военных действий было явным нарушением международного права, ибо этим путем блокада распространилась и на нейтральное побережье. Совершенно естественные протесты нейтралов не произвели никакого действия, ибо САСШ их не поддержали. Англичане ссылались на то, что немцы первые нарушили международное право, немцы это отрицали и в свою очередь обвиняли англичан. Томсен указывает,[2] что англичане объявили Северное море районом военных действий на том основании, что якобы немецкие госпитальные суда и торговые суда под нейтральными флагами разбрасывали мины, что по его утверждению, совершенно не соответствует действительности. Наоборот, в южной части Северного моря и в Канале было найдено огромное количество мин английского происхождения.

Лондонская декларация, правда, не ратифицированная ни одним правительством, пыталась ввести военные действия в какие-либо нормы, главным образом в целях возможного выделения мирного населения из сферы тягот, вытекающих из условий войны. В самом начале войны Англия объявляла о верности принципам Лондонской декларации; еще крепче пыталась следовать за ними

---

[1] Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., М. 1923.

[2] Die englische und die deutsche Seesperre. Von dr. Thomsen, Berlin, 1917, стр. 13.

Германия, которой это было выгодно. На телеграфное предложение Америки от 6 августа признать положение Лондонской декларации Германия ответила согласием, Англия же согласилась признать ее только с известными изменениями. Логика событий оказалась сильнее всех искренних и лживых обязательств. Мы не считаем целесообразным излагать историю последовательного нарушения всех международных обязательств во время войны. Для нас не существенно, кто первый нарушил нормы международного права. Важно только то, что в ответ на „голодную блокаду" и объявление военной зоной Северного моря Германия 4 февраля 1915 г. объявляет районом военных действий все воды, омывающие Англию, а 18 февраля начинает знаменитую подводную блокаду (об этом подробнее в главе 4), что, в свою очередь, вызывает новые углубления и расширения методов блокады со стороны Англии. Чем ожесточеннее становятся приемы войны, тем меньше считаются с правом и справедливостью. Безразлично, кто и в какой степени нарушил международное право и отказался от своих прежних обязательств. В конце концов, если совершается убийство, то неважно, совершается оно по правилам или без них. То же можно сказать и о том великом преступлении, которое называют мировой войной 1914—18 гг. Не имеет значения, кто больше виноват — англичане, заставляющие женщин и детей умирать с голоду, или немцы, топящие их в открытом море. Виноваты те условия, которые могут порождать это безумие, и они подлежат уничтожению. Последовательное нарушение всех международноправовых норм и обязательств во время войны является прекрасной иллюстрацией того, в какой мере можно рассчитывать в будущем на „законность" капиталистического общества в случае нового мирового конфликта. И в этом ценность для нас опыта мировой войны.

Для того чтобы иметь возможность прекратить подвоз и Германию жизненных припасов, необходимо было признать законность нарушения интересов гражданского населения. И если такой грандиозной и всесторонней блокады, как блокада Германии, история еще не видела, то точка зрения попирания жизненных интересов частных лиц не была новой для англичан: еще в 1793 г. (во время войны с Францией) Питт заявил, что весь французский народ должен рассматриваться как враг и должен быть побежден из-за недостатка жизненных припасов. А 18 февраля 1915 г. Грей обосновывал запрещение ввоза в Германию средств питания тем, что „в Германии нет разницы между гражданским населением и военной силой". Объявив о конфискации всех грузов, „предназначенных неприятелю", англичане понимали под „неприятелем" всех лиц, „находящихся под контролем правительственных органов". Ясно, что продукты питания, идущие немецкому гражданскому населению, также могли конфисковываться, ибо все население находилось под контролем германского правительства.

Английскую политику окружения Германии патетически определяет Зоммерлад,[1] который говорит: „Длинная цепь Orders in Council открывает неутомимое стремление бросить через борт балласт международно-правовых обязательств и через все усиливающиеся правонарушения приводит к тому положению, которое характеризуется язвительным выражением Мефистофеля:

Война, торговля и морской разбой
Триедины, их не разъединить.

Таким образом, Германия была отрезана от заморского подвоза путем систематических мероприятий

---

[1] Sommerlad, цит. соч., стр. 15.

Англии и ее союзников, в своем стремлении изолировать Германию следовавших принципу: „цель оправдывает средства“, так как война союзников распространялась не только на военную силу Германии, но и на источники этой силы, т. е. на всю хозяйственную жизнь средне-европейских народов.

Германии оставались только торговые отношения с соседними нейтральными государствами на севере и западе Европы. Эти маленькие нейтральные страны, благодаря своему географическому положению, играли большую роль в товарообороте между своими крупными соседями. Швейцария являлась внутренней областью между великими державами: Англией, Францией, Германией, Австрией и Италией; Голландия — важнейшая торгово-морская держава в Северном море — географически примыкает к Германии; Дания со своими островами и полуостровом лежит между Северным морем и Балтийским, между Центральной и Северной Европой, между Англией и балтийскими странами; Швеция связана с Германией и русскими областями в Балтийском море и, кроме того, была посредником в англо-русском товарообороте. Если мы к этому перечню присоединим еще Норвегию и Румынию (до вступления последней в войну), то этим незначительным количеством нейтральных стран будет характеризоваться единственная оставшаяся Германии хозяйственная отдушина, через которую она могла сноситься с внешним миром, ибо на всех остальных торговых путях господствовали ее противники. Единственная оставшаяся великая держава — САСШ, которая могла бы до своего вступления в войну противодействовать английским мероприятиям, активно этому не противилась, и ее непосредственная торговля с Германией сошла фактически на-нет еще до разрыва с центральными державами. Это видно из следующих данных:

ВЫВОЗ И ВВОЗ ГЕРМАНИИ В САСШ
(в млн долларов)

	1913	1914	1915	1916	1917	1918
Вывоз	184	150	45	6	—	—
Ввоз	352	158	12	2	—	—

В результате хозяйственная война свелась к борьбе за нейтральные страны, где союзники стремились не допустить ввоза из них в Германию, а немцы пытались сделать нейтралов источниками своего снабжения.

Вот как характеризует создавшееся положение швейцарский профессор Peter Schmidt:[1]

„Поскольку голод и изоляция Германии явились вернейшим средством победоносно закончить войну, население нейтральных государств, лежащих между ведущими войну группировками держав, должно было втянуться в эту хозяйственную войну, хотело оно этого или нет". И дальше: „Необходимо отбросить легенду о спокойном существовании нейтральных стран, которых война будто бы слабо затрагивает. Конечно, нейтралам посчастливилось задержать войну у своих границ. Но все же нейтральные страны находятся в центре того кольца, который шествует рядом с кровавыми боями—хозяйственной войны. Маленькие страны Средней и Северной Европы—боевые зоны, а их границы — фронты этой войны".

Эти действия англичан, по заявлению самих немцев, были самыми действительными в общей политике англичан, направленной к хозяйственному удушению Германии. Кроме того, они являлись отголоском английской общей торговой политики, ибо „вопросы сырья... и проблема независимости по отношению к сырью и его переработке

[1] Der Wirtschaftskrieg und die Neutralen. Zürich, 1918, стр. 1 и 18.

играют в торгово-политической идеологии современной Англии большую роль. Поэтому и пыталась Англия подвести рынки сырья нейтральных стран под надзор английской торговли". „Одно из важнейших мест в системе военных мероприятий, направленных против Германии с хозяйственно-политическими целями, имеет контроль подвоза в Германию сырья. Запрещение вывоза сырья из самой Англии, как и общее запрещение торговли с неприятелем, не имеет такого большого значения, как недопущение ввоза в Германию из нейтральных стран".[1]

„Английская блокада — говорит Томсен[2] — была обострена благодаря огромному давлению на нейтральные страны, чтобы уничтожить морской ввоз из них в Германию. И если Германия, несмотря на эти мероприятия, еще живет и борется и немецкие женщины и дети еще не умерли с голоду, то это объясняется совсем не доброй волей Англии".

С каждым месяцем продолжения военных действий союзники все более отходили от постановлений Лондонской конференции, расширяя понятия условной и абсолютной контрабанды. Уже постановлением от 14 октября 1915 г. почти все важнейшие виды сырья, получаемые Германией из-за границы, значились на английских контрабандных листах. Дальнейшими постановлениями 27 января, 12 апреля, 27 июня, 13 октября и 23 ноября 1926 г. понятие контрабанды было распространено еще на целый ряд товаров. „В истории не было подобного примера распространительного толкования контрабанды".

1 марта 1915 г. английское и французское правительства заявили, что будут задерживать все суда и приводить в свои гавани все суда с грузами, имеющими назна-

---

[1] Wirtschaftskrieg, I Abtheilung.
[2] Цит. соч., стр. 4.

чение неприятелю, являющимися вражеским имуществом или неприятельского происхождения. В связи с полным уничтожением различия между абсолютной и условной контрабандой, с невозможностью для нейтральных судов входить в германские гавани, Германия, стоявшая перед угрозой голодного истощения своего населения, могла рассчитывать только на снабжение со стороны соседей — маленьких нейтралов, путем реэкспорта из них. Англичане это прекрасно учитывали и подвергали все нейтральные суда самому строгому контролю. Все суда досматривались не в море, а отправлялись в порты. Чтобы избежать длительных задержек, необходима была регистрация в одном из трестов, образованных в нейтральных странах (о которых ниже). Даже грузы, фактически не являвшиеся контрабандой, задерживались в английских портах под тем предлогом, что контрабанда могла быть спрятана под ними.

Число досмотренных нейтральных судов составляло: [1]

Годы	Число остановл. судов	Число судов с обнаруж. контрабанд., направл. в англ. базы
1915	3 098	743
1916	4 148	1 230
1917	1 333	190

В 1917 г. приемы блокады изменились из-за усилившейся немецкой подводной войны. Нейтральные суда совершали свои рейсы под охраной судов Антанты, вследствие чего блокадная служба заменилась системой конвоирования нейтральных и собственных судов.

7 июля 1916 г. французское и английское правитель-

[1] Гельмерсен, цит. соч.

ства совсем отказались от „продырявленной как сито" Лондонской декларации.

В дальнейшем суда всех соседних с Германией нейтральных стран должны были под страхом наложения ареста сами являться в одну из гаваней союзных государств для досмотра.

В связи с отказом от всех норм международного права, нейтральное судно, идущее из нейтральной гавани в нейтральную гавань, могло быть задержано, и все товары, которые покажутся назначенными Германии, конфискованными. Подводная война, считавшаяся Антантой „морским разбоем", еще более нарушала интересы нейтралов.

Протесты нейтралов, указывавших, что даже при наличии эффективной блокады (чего на самом деле не было) мероприятия союзников противоречили бы основам международного права, ни к чему не привели. САСШ, которые могли бы оказать более серьезное давление, хотя и протестовали, но недостаточно энергично. И союзники систематически осуществляли свой план экономической изоляции Германии, обостряя свои мероприятия ссылками на ответную (подводную) блокаду, проводимую немцами.

Германия была отрезана от всех морских путей, за исключением (как указывалось выше) соседних нейтральных стран. Немцы ввозили оттуда их товары и находили в нейтральных странах сбыт своим товарам, что, естественно, увеличивало способность центральных держав к сопротивлению. Разумеется, это вызывало возмущение в странах Антанты. Нейтралов называли „гиэнами экономической войны". 9 июня 1916 г. австралийский министр-президент Hughes заявил: „Все нейтральные страны, которые в какой-либо форме помогают врагу, должны быть сметены. Мы должны пересмотреть международное

право. Как можем мы связывать себя международно-правовыми нормами, которые оставляют свободу врагу, презирающему эти нормы? Мы должны выбирать: или мы растратим напрасно все наше богатство, принесем в жертву тысячи наших драгоценных жизней и увидим гибель Франции, или мы окружим врагов стальным кольцом".

Конечно, „гибель Франции" и международное право для Англии, забывшей о его существовании, явились только красивыми фразами, смягчавшими истинный смысл этого заявления: необходимо прекратить подвоз в Германию из нейтральных стран. Ясно, что Германия была заинтересована в обратном, и маленькие нейтральные страны подвергались двустороннему нажиму, реальность которого усугублялась их экономической зависимостью от обеих воюющих группировок. Уже по одному своему географическому положению эти страны должны находиться в тесной хозяйственной связи с воюющими державами.

Так, товарооборот Швейцарии в 1912 г. составлял:

Страны	Ввоз в млн фр.	% общего ввоза	Вывоз в млн фр.	% общего вывоза
Германия	647,2	32,7	307,0	22,6
Австро-Венгрия.	122,4	6,2	88,7	6,5
Франция	376,3	19,0	137,9	10,2
Италия	192,6	9,7	90,6	6,7
Англия	116,8	5,9	230,0	16,9

Таким образом, центральные державы ввозили в Швейцарию 38,9% всего ее ввоза и поглощали 29,1% ее вывоза. Соответственные цифры для швейцарской торговли с тремя странами Антанты составляли: 34,6% и 33,8%.

Германия играла самую крупную роль в торговле Голландии; в торговле скандинавских стран — Англия.

В 1912 г. ввоз в Голландию из Германии составлял 28,7% всего голландского ввоза.

ВЫВОЗ ГОЛЛАНДИИ
(в млн гульд.)

	Германия	Англия	Франция	Россия
В млн гульд . .	1 511	604,7	25,1	25,1
В %	48,5	19,4	0,8	0,8

ВЫВОЗ СЕВЕРНЫХ СТРАН В 1912 г. (Швеция в 1911 г.)
(в млн крон)

Страны	Англия	Германия	Россия	Франция
Дания	373	182	16	3
Норвегия	95	75	13	5
Швеция	193	134	34	49

Отсюда видно, как велика зависимость нейтралов от обеих борющихся групп.

Со стороны Антанты нейтралы находились в зависимости от ввоза важнейших средств питания, прежде всего зерновых хлебов и сырья для их текстильной индустрии. Но и блокированная Германия была необходима нейтралам. Германия удовлетворяла значительную часть потребности Швейцарии в угле и коксе; немцы ввозили туда железо, сталь, цинк и олово для швейцарской металлопромышленности; сахар, картофель, бензин, полуфабрикаты красящих веществ, аптекарские товары, специальные машины, соду, аммуницию всех видов, калийные соли и т. п.

Голландия также не могла бы закрыть свои границы

с Германией, ибо это значило бы для страны отсутствие лекарств, железа, угля (а значит и газа и остановку железных дорог), не говоря уже о том, что при прекращении экспорта в Германию следствием была бы безработица и обеднение населения. Северные страны также зависели от Германии в области ввоза лекарств, соли, красок, химикалий, калийных солей для их сельского хозяйства, железа и стальных изделий для металлообрабатывающей и судостроительной промышленности. В возникшей борьбе союзники стремились помешать проникновению в Германию доставляемых ими нейтральным странам жизненных припасов и сырья, а Германия боялась усиления Антанты, благодаря вывозу туда нейтралами немецкого железа и химикалий, и всячески препятствовала этому.[1] Германия нуждалась в скоте, сыре, рыбе, железной руде и алюминии, а союзники — в лесе, в гильзах для гранат, в машинах.

Кроме того, нейтралы должны были предоставить союзникам значительную часть собственного коммерческого флота. Собственная экономика нейтральных стран все больше подчинялась хозяйственной войне; на ряду с ввозом необходимых для мирной работы товаров рос соответственно вывоз военных материалов.

В связи с борьбой за торговлю с нейтралами, вспыхнула вся прежняя конкуренция и стремление повредить нейтральной торговле под видом уничтожения немецкой торговли. В Nottingham, предприятия которого издавна конкурировали с предприятиями швейцарского St. Halle, местные коммерсанты требовали строгого ограничения ввоза швейцарских товаров под тем предлогом, что швейцарские фирмы выдают якобы полученные ими немецкие товары за собственные. Во Франции прессой был под-

---

[1] См. Schmidt, цит. соч., стр. 22—24.

нят целый поход против швейцарской шелковой промышленности, причем в особенности патриотически были настроены лионские шелкопромышленники, издавна конкурирующие с базельскими. „Морнинг Пост" называл германскую торговую организацию вампиром, высасывающим у Великобритании кровь из жил, и заявлял, что „это чудовище пробирается под плащом голландских, датских и швейцарских фирм".

Уничтожение подвоза в Германию сырья, на котором работали крупнейшие немецкие экспортные отрасли промышленности, должно было нанести значительный ущерб интересам заокеанских стран. И чрезвычайно показательно, что Англия на этом очень много выиграла, монополизовав торговлю важнейшими товарами. Так, объявив хлопок контрабандным товаром, англичане тем самым стали контролировать эту важнейшую экспортную индустрию Соединенных штатов, от которой там зависят 25 млн человек. Американские торговцы, нуждавшиеся в сбыте на европейских рынках, вынуждены были стать членами Ливерпульской хлопковой биржи, с обязательством не ввозить в Германию хлопка. То же самое произошло и с каучуком. САСШ получали 70% всей своей потребности в каучуке из английских владений и 30% из Бразилии, большая часть добычи которой и торговли находится под контролем английского капитала. После объявления резины контрабандой, американские фабриканты могли ее получать только через „Rubber Club of America", с обязательством никуда не вывозить ее кроме Англии, перерабатывать полученную резину только на своих фабриках и не вывозить никаких фабрикатов из этого сырья во враждебные Англии страны. То же самое проделала Англия по отношению к американским металлам, прежде всего по отношению к меди; то же и с торговлей шерстью. Граничащие с Германией

государства могли получать товары только через Англию, и покупатель в этой стране был отрезан от американского продавца, получая груз через английского посредника. Следующим мероприятием Англии был отказ давать уголь нейтральным судам в английских портах, если владельцы не докажут, что принадлежащие им суда не имеют никаких торговых отношений к неприятельской гавани или фрахт не неприятельского происхождения и не предназначается неприятелю. Вообще Англия снабжала нейтральные страны углем в зависимости от их уступчивости. В этом отношении нижеприведенные данные более или менее показательны:

ВЫВОЗ АНГЛИЕЙ УГЛЯ
(в млн тонн)

Годы	Норвегия	Дания	Швеция	Испания	Голландия	Греция
1913	12,8	3,0	4,6	3,6	2,0	0,7
1915	17,6	3,1	2,7	2,1	1,8	0,0
1913—1915 .	+4,8	+0,1	—1,9	—1,5	—0,2	—0,7

Германия следовала этому примеру: она прекращала доставку угля нейтральным фирмам, доставлявшим союзникам военный материал.

Английскими положениями от 29 февраля, 26 апреля и 23 мая 1916 г. были запрещены торговые отношения со всеми проживающими в нейтральных странах лицами, которые были опубликованы в так называемых черных списках лондонских газет. Кроме того, в эти списки попадали фирмы не только неприятельские, но и нейтральные, а также нейтральные акционерные общества, где часть акций находилась в руках немецких граждан. Вначале „черные списки“ составлялись только из евро-

пейских фирм, но позже они были распространены на все части света. К 30 марта 1917 г. „черные списки“ охватывали 2 982 фирмы, из них приходилось на Европу 1269, Африку — 244, Америку — 1007 и Азию—462. [1]

Кроме того, имелись еще „серые списки“, в которых перечислялись те лица и фирмы, торговля с которыми не была запрещена, но была нежелательна. [2] Это мероприятие было весьма действительным ударом по германской торговле с нейтральными странами, ибо фирма, попавшая в „черные списки“, подвергалась торговому бойкоту, что являлось достаточно реальной угрозой, так как весь подвоз в Европу совершался под английским контролем и англичане могли давать или не давать данной фирме нужные ей импортные товары.

В эти списки включались не только немецкие фирмы в нейтральном государстве, но и нейтральные фирмы, имевшие торговые связи с Германией, которые, при наличии некоторой зависимости от морского ввоза, рисковали остаться без идущих морем импортных товаров. Особенно повредили эти меры заграничному кредиту германских фирм, а также нейтральных, ибо Англии легко было оказать давление на банки с целью прекращения кредитования неугодных ей торговых организаций. Нужно отметить, что эти „черные списки“ составлялись не всегда правильно, на основе сообщений недостаточно осведомленных агентов, на что жаловались нейтралы, заявлявшие, что они рассматривают эти действия союзников как неприкрытое насилие и никогда не признают их правильными.

Немцы применяли систему „черных списков“ реже. В качестве примера можно привести факт бойкота не-

---

[1] Wirtschaftskrieg England, стр. 16 и 17.

[2] Имелись еще и „белые списки“, носившие обратный характер: они разрешали торговлю с перечисленными в них подданными центральных держав в некоторых заокеанских странах.

мецкими часовыми фирмами 15 швейцарских торговцев часами из-за доставки последними военного материала союзникам. Эти „черные списки“ облегчали союзникам контроль над импортом граничащих с Германией нейтральных стран, ибо, при наличии подозрения о назначении данного груза в Германию, судно заносилось в указанные списки и груз конфисковывался.

Все эти мероприятия привели к контингентированию ввоза в нейтральные страны для полного уничтожения возможности реэкспорта в Германию, что явилось неслыханным нарушением прав самостоятельных государств. Годовые контингенты для отдельных товаров устанавливались заседающей в Париже комиссией из представителей Англии, Франции, Италии и России. Для того чтобы выяснить, не направляется ли данный товар неприятелю, в Англии существовали две системы: „Intelligence“, или „Evidential system“, когда, при наличии сведений, что груз направляется в Германию, он конфисковывался, и „Rationing system“, опиравшуюся на серьезную исследовательскую работу. При Министерстве блокады (учрежденном летом 1916 г.) был организован Trade statistical Departament, внимательно учитывавший все грузы, идущие в нейтральные страны. Увеличение количества товара, по сравнению с импортом его в мирное время, уже могло служить основанием для конфискации его.

В дальнейшем, для того чтобы вывозить товары, нейтральные страны должны были иметь удостоверения какого-либо присутственного места или торговой палаты в том, что данные товары действительно являются собственными изделиями экспортирующей их страны. В последний год войны контроль был еще более усилен, и Англия требовала уже, чтобы при вывозе из нейтральных стран грузы имели разрешительные сертификаты, выданные английскими консулами в экспортирующей

стране. Аналогичное требование предъявило 15 апреля 1918 г. французское генеральное консульство в Швейцарии. Ясно, что условия военной обстановки и перечисленные мероприятия не могли отрицательно не отразиться на торговле нейтральных стран. [1] Прилагаемая таблица иллюстрирует развитие внешней торговли нейтральных стран за годы войны.

Страны	1913	1914	1915	1916	1917	1918 [2]
Голландия (в млн гульд.)						
Импорт	3903	2827	1874	1715	965	608
Экспорт	3065	2494	1739	1344	3819	381
Баланс	— 838	— 333	— 135	— 371	— 145	— 227
Дания (в млн крон)						
Импорт	777	718	1029	1250	1024	910
Экспорт	637	780	979	1177	970	710
Баланс	— 140	+ 62	— 50	— 73	— 54	— 200
Норвегия (в млн крон)						
Импорт	541	551	852	1340	1658	1250
Экспорт	384	394	661	975	788	752
Баланс	— 160	— 157	— 191	— 365	— 870	— 498

[1] Гельмерсен цитирует остроумное заявление одного английского автора, который говорит: „В начале войны были превосходные законы но не было организации, а в конце — была превосходная организация но уже не было законов“.

[2] Специальная торговля (импорт для внутреннего потребления и экспорт без реэкспорта), без торговли благородными металлами.

Страны	1913	1914	1915	1916	1917	1928
Швейцария (в млн франк.)						
Импорт	1860	1431	1673	2367	2393	2392
Экспорт	1371	1184	1667	2446	2321	1963
Баланс	— 489	— 247	— 6	+ 79	— 72	— 429
Швеция (в млн крон)						
Импорт	847	727	1143	1139	759	1233
Экспорт	817	772	1316	1556	1350	1350
Баланс	— 30	+ 45	+ 173	+ 417	+ 591	+ 117
Испания (в млн пезет)						
Импорт	1306	1023	968	913	734	590
Экспорт	1058	868	1242	1362	1311	1000
Баланс	— 248	— 155	+ 274	+ 449	+ 577	+ 410

Приведенные данные о внешней торговле нейтральных стран выражены в денежных единицах, и на первый взгляд может показаться странным, что, за исключением Голландии и Испании, ценность внешнеторгового оборота остальных нейтралов повысилась. Однако если учесть повсеместное и значительное повышение цен во время войны (что подтверждается прилагаемой таблицей), то картина станет совершенно иной и тем катастрофичнее покажется падение ввоза и вывоза Голландии и Испании (см. табл. на стр. 68 — Движение цен).

Это положение подтверждается другой таблицей, где за основу мы берем уже другие показатели, а именно тоннаж пришедших в гавани судов.

*

ДВИЖЕНИЕ ЦЕН (ОПТОВЫХ)
(относительные числа в процентах к 1913 г.)

Индексы в среднем за	Швеция	Норвегия	Дания	Голландия	Германия
1913	100	100 [1]	100	114	100
1916	185	233	206	255	152,6
1918	339	345	292	448	216,8

Так, тоннаж пришедших в порты нейтральных судов составлял (в тыс. тонн, с чистым грузом):

В среднем за месяц	Голландия	Испания	Норвегия
1913	1422	988	313
1914	1028	874	320
1915	532	677	326
1916	373	616	306
1917	142	375	156
1918	114	255	136
1919	480	394	211

Тоннаж прибывших из других стран судов в порты европейских нейтральных стран:

Годы	(Дания) Копенгаген	Годы	(Голландия) Роттердам	Годы	(Греция) Пирей	Годы	(Испания) Барцелона
1910	3 135 000	1913	12 302 000	1910	39 000 000	1913	2 641 000
1918	792 700	1918	1 164 000	1917	93 000	1917	1 056 000 [2]

[1] 1914 г.

[2] Характерно, что торговля воевавших внеевропейских стран пострадала во время войны меньше, чем торговля нейтральных европейских

Приведенные цифры не требуют комментариев; из них отчетливо вытекает, что с каждым годом войны падало количество грузов, поступающих в порты европейских нейтральных стран.

При описании мероприятий союзников по ограничению вывоза из нейтральных стран в страны Четверного согласия нельзя не остановиться на специальных контрольных организациях, созданных для более радикального учета и наблюдения за ввозом и потреблением нейтралов. В виду того что весь морской подвоз находился в руках союзников, прежде всего англичан, нейтралы вынуждены были согласиться на создание этих организаций, чтобы обеспечить себе импорт продуктов питания и сырья и избавить свое население от голода. Эти организации представляли для союзников ту ценность, что они давали гарантии в том, что ввезенные ими товары не попадут в Германию. Так возникли до сих пор не имевшие образца в истории голландский NOT (Nederlandsche Oversee Trust Maatschappy), швейцарское SSS (Société Suisse de Surveillance économique), в Дании — Dansk Merchant Quild, в Швеции — компания Transito, пользовавшиеся колоссальной властью и, как голландский NOT, ставшие чут ли не вторым правительством. В Норвегии функции контроля выполнялись согласованными действиями государственных органов с союзническими консулами.

Эти импортные, тресты были своего рода монополистическими организациями, созданными благодаря хозяй-

---

стран. Тоннаж судов, входящих в порты следующих заокеанских стран, составил в среднем за месяц (в тыс. тонн с грузом и балластом) в 1913 и 1918 гг.:

Соединенные штаты — 4440, 3659; Япония — 2060, 1487; Британская Индия — 565, 313; Южная Африка — 446, 249; Австралия — 447, 205.

ственной зависимости нейтральных стран от обеих воюющих группировок.

Голландский NOT является типичным для аналогичных организаций в других нейтральных странах. Он был создан крупными голландскими судовыми компаниями, банками и крупными торговыми фирмами с капиталом в 2 400 тыс. флоринов. Этот трест имел задачу, „невзирая на состояние войны, обеспечивать безостановочный ввоз грузов“. Его основная задача заключалась в гарантировании недопущения в Германию грузов, ввезенных им в Голландию. Трест обязывался, под угрозой штрафа (до пятикратной стоимости товара) и под залог векселей и ценных бумаг, не продавать ввезенные товары неприятельским державам. Колоссальный аппарат этой организации, находившийся в Гааге, контролировал по существу всю экономическую жизнь страны. Он подвергал отдельных торговцев штрафам, в случае неповиновения заносил отдельные фирмы в „черные списки“, вследствие чего они подвергались экономическому бойкоту. Несмотря на то что его деятельность носила двусторонний характер, выражаясь в торговых отношениях и с Германией, он, по утверждению Плаута, не только не допускал продажу немцам импортных товаров, но запрещал реализацию в Германии продуктов голландского сельского хозяйства. Организация и задачи голландского треста типичны и для других аналогичных учреждений в других нейтральных странах.

С течением времени ввоз в нейтральные страны все более затруднялся обеими группами. В начале 1916 г. Швейцарией был предоставлен заем в 50 млн франков для Франции, что послужило сигналом, и борющиеся державы обусловливали импорт в нейтральные страны в зависимости от предоставления кредита. Все эти затруднения, содействовавшие уменьшению нейтрального

импорта, а также недостаток сырья, рабочей силы и неблагоприятное положение валюты вызвали сжимание потребления, в первую очередь предметов роскоши. Для борьбы с экономическим насилием, применяемым воюющими, нейтралы имели одно серьезное оружие — потребность союзников и Германии в их собственных продуктах. Они предлагали в обмен на свои экспортные товары ввезти нужные им самим продукты и сырье. И отсюда вырос компенсационный товарооборот, принявший в последние годы войны широкие размеры. Чаще всего пользовалась этим методом Германия, но и союзники вступали в такого рода соглашения. В качестве примера можно привести соглашение Англии, нуждавшейся в красящих веществах, с четырьмя швейцарскими фирмами, где она обязалась предоставить фирмам необходимые для выделки красок материалы, взамен готовых изделий. Давление на нейтралов должно было, по замыслу противников Германии, способствовать ее полной экономической изоляции, если бы не более или менее удачные ответные мероприятия Германии, которые мы рассмотрим ниже. Однако и удачное сопротивление Германии, проявившей огромную жизнеспособность, могло только на время отсрочить поражение немцев в этой экономической войне, ибо после вступления САСШ в войну блокада стала не чем иным, как эмбарго, ибо к этому времени против Германии воевал почти весь мир.

По выражению Гельффериха, „Континентальная блокада Наполеона была детской игрой по сравнению с торговой и голодной блокадой (Германии), превратившей большую страну в центре Европы в осажденную крепость".

Содержание и сущность всеобщей блокады были отчетливо сформулированы постановлениями Парижской экономической конференциии от 14—17 июня 1916 г., при участии представителей Англии, Франции, Италии,

России, Бельгии, Португалии, Сербии и Японии. Эта конференция была созвана в противовес подготовляемого Германией Таможенного союза держав Срединной Европы, как „навязывающего другим странам абсолютно неприемлемую гегемонию". Оба проекта — германский и союзников — были совершенно нереальны, нарушали даже относительную гармоничность мирового хозяйства и противоречили интересам как мирового рынка, так и отдельных стран, вследствие чего оба не получили осуществления. Для нас представляют интерес главным образом резолюции конференции о мерах на время войны, в которых сформулированы основы всеобщей планомерной блокады центральных держав.

Прежде всего, в указанной резолюции подчеркивается необходимость согласованных мероприятий, направленных на уничтожение неприятельской торговли, в связи с чем:

1. Союзники запрещают всем своим гражданам всякую торговлю с гражданами неприятельских стран, как со всеми проживающими в этих странах, независимо от национальности, так и со всеми подданными их, независимо от места проживания, а также с лицами, торговыми домами и обществами, операции которых контролируются неприятельскими подданными.

2. Запрещается ввоз всякого рода товаров, исходящих из неприятельских стран.

3. Принимаются меры к полному уничтожению договоров с неприятельскими подданными.

4. Неприятельские торговые дома и фирмы подлежат секвестру.

5. Объединяются списки военной контрабанды, а также пополняются запрещения вывоза, принятые отдельными союзниками.

6. Принимается ряд мер к недопущению перепродажи нейтралами в Германию импортных товаров.

В постановлениях конференции переходные мероприятия на период восстановления торговли, промышленности, сельского хозяйства и пароходства в союзных странах представляли собою комплекс мер, направленных к устранению всякого экономического влияния центральных держав. Другими словами — и после перемирия экономическая война с Германией должна была продолжаться, и Германия оставалась бы блокированной. К числу мероприятий на постоянное время принадлежал таможенный союз, преследовавший цель полного обеспечения союзников не только источниками снабжения, но и независимости всей их торговой и финансовой организации — словом, мероприятия, ведущие к полной экономической независимости союзников.

Этот проект бесконечной дальнейшей экономической борьбы, продиктованный бессмысленной национальной ненавистью и жадностью, был заранее осужден на неудачу и ожесточал только еще больше Германию: немцы заявляли, что они не могут заключать мира, пока у них не будет гарантии спокойного развития их хозяйственной жизни, а Vorwärts, пользуясь им для запугивания германского пролетариата, писал в феврале 1918 г.: „До тех пор пока правительства Антанты будут придерживаться таких идей, немецкий рабочий будет бороться против нее за свой ежедневный кусок хлеба“. (См. Schmidt. цит. соч.)

Мероприятия Германии в области хозяйственной самообороны, а также воздействие блокады на торговлю Германии и все ее народное хозяйство в целом будут нами рассмотрены в следующей главе.

Приведенных данных достаточно, чтобы уяснить себе весь колоссальный размах плана гигантского экономического окружения Германии, где союзники, не считаясь ни с правом, ни со справедливостью, упорно, систематически создавали такую обстановку для своего против-

ника, при которой мощная промышленная и торговая страна не только не могла помышлять о снабжении из заокеанских стран, но должна была бороться за возможность торговых отношений со своими ближайшими нейтральными соседями.

В 1913 г. Германия имела вторую в мире по величине внешнюю торговлю. В 1870 г. внешнеторговый оборот Германии составлял 4 240 млн марок, а в 1913 г.— 20 900 млн марок. Немецкий торговый флот поднялся с 1,4 млн нетто-тонн в 1888 г. до 3,2 млн нетто-тонн в 1913 г. В 1888 г. в немецкие гавани вошло 9 442 судна, а в 1913 г.— 27 103.

„И все это блестящее развитие было сразу разрушено“, говорит проф. Шмидт.

Правда, Германия имела против себя гигантскую коалицию держав, но инициатива и руководство всей экономической войны, без сомнения, принадлежали Великобритании. Поистине, английская буржуазия еще раз ярко проявила свою способность не только ненавидеть, но и реализовывать свою ненависть.

И в этом отношении опыт блокированной Германии весьма поучителен.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ГЕРМАНИИ И ВЛИЯНИЕ БЛОКАДЫ НА ЕЕ НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Характерным следствием войны, в частности войны экономической, был регресс в области международного товарообмена, вернувшегося к уже, казалось, навсегда исчезнувшим условиям прошлого столетия. Война не только разрушила международные торговые связи и привела к замкнутому товарообмену в пределах борющихся групп, когда торговля с нейтралами принимала формы средневекового товарооборота, она не только создала значительную пассивность торговых балансов воюющих стран, она привела к новому протекционизму, совершенно противоположному господствовавшей до войны системе. Были сметены все старые представления о торговой политике. Все прежние стремления, заключавшиеся во всемерном благоприятствовании экспорта и в затруднениях в области импорта, стали резко противоположными. Воюющие страны пытались максимально расширить ввоз, затрудняя в то же время вывоз ряда товаров. В связи с этим они должны были расстаться с рядом пошлин на импортные товары. Так условия экономической войны привели к уже забытой системе запрещений ввоза и вывоза. Ибо основным требованием войны было нормальное снабжение армии и населения, что, в свою очередь, выдвигало необходимость плановой организации ввоза и вывоза.

Все перечисленные условия, сопутствовавшие войне, должны были особенно резко отразиться на внешней

торговле Германии, которая в значительной степени была предоставлена собственным хозяйственным возможностям, тогда как противники ее имели возможность пользоваться ресурсами остального нейтрального мира.

Уже 31 июля 1914 г., когда было провозглашено „состояние усиленной опасности войны", в Германии было запрещено вывозить целый ряд товаров, прежде всего необходимых для снабжения армии, особенно корм и продовольственные продукты. Списки запрещенных к вывозу статей все росли и к 1915 г. составляли уже 69 страниц, а в январе 1918 г. были заменены значительно меньшим списком разрешенных к экспорту товаров. Ибо естественным следствием войны был недостаток всех продуктов повседневной жизни, который и стимулировал рост запрещений вывоза, а также контроль над внутренним потреблением.

Законом от 4 августа 1914 г. был разрешен свободный, беспошлинный ввоз всех кормов, продуктов питания и вкусовых веществ, а также лошадей, керосина и прочих минеральных масел. И с каждым годом войны облегчались условия ввоза и затруднялись условия вывоза.

Однако одних этих мероприятий было абсолютно недостаточно, ибо грандиозная система экономической изоляции Германии проводилась союзниками с угрожающей последовательностью. Уже одно это обстоятельство диктовало необходимость регулирования германской внешней торговли, не говоря о том, что вскоре у Германии осталась свободная торговля только в Балтийском море, чему проникшие туда английские подводные лодки не могли серьезно мешать, и она очутилась перед неизбежностью тяжелой борьбы за рынки граничащих с ней нейтральных стран, ставшими для нее единственными возможными источниками снабжения. В борьбе за нейтраль-

ные рынки у Германии также были серьезные козыри, как уголь, сталь, краски, калий, медицинские средства и т. п., и дело шло о том, чтобы воспользоваться ими с наибольшей выгодой. Немецкие покупатели на нейтральных рынках конкурировали между собой, вздували цены и увеличивали требовательность нейтральных торговцев. С другой стороны, ограниченная покупательская способность Германии вызывала необходимость экономить иностранную валюту для закупки самых необходимых Германии товаров. Помимо этого, ввоз необходимых товаров из нейтральных стран в значительной степени зависел от германского вывоза туда. Все эти обстоятельства диктовали необходимость централизации германской внешней торговли.

В связи с перегруженностью министерства внутренних дел в феврале 1916 г. была создана новая должность — государственного комиссара по ввозу и вывозу. Первым комиссаром был Дельбрюк, прежний управляющий статистическим департаментом. Специальные делегаты были посланы в Швейцарию и Вену, и были образованы импортные отделения при германских посольствах. Кроме того, специальные уполномоченные были в крупных промышленных центрах: Нюрнберг (карандаши) и Дюссельдорф (железо). Аппарат, созданный для контроля, продолжал расти. Особенно увеличивались бюро, созданные промышленными объединениями, вспомогательных органов. Закупки были сосредоточены в руках Zentraleinkaufs-Gesellschaft (Центрального закупочного общества) или, короче, ZEG, которое договорилось с австрийским Kriegs-Getreide-Verkehrsanstalt и венгерской Kriegs-Produkten-Aktien Gesellschaft о единообразных выступлениях. Преимущества этой системы для германских закупок сказались немедленно: самые разнообразные торговцы, коммуны и общества, закупившие для потребностей армии

мясо, сало, масло, сыр и т. п., вздували цены, причем нейтральные продавцы спекулировали и придерживали товары. Единообразное выступление центральных держав осенью 1915 г. привело к тому, что цена на масло, напр., в 275 крон за 50 *кг* вскоре упала до 152 крон и закупки Германии и Австрии смогли значительно увеличиться. В Румынии ZEG удалось закупить в декабре 1915 г. и в марте 1916 г. около 2 700 тыс. *т* хлебов по сравнительно приемлемым ценам и, несмотря на серьезные затруднения, благодаря энергичным мерам доставить центральным державам закупленный хлеб до вступления Румынии в войну. [1] Преимущества централизации были налицо.

28 августа 1918 г. выступила Румыния, и кольцо блокады вокруг центральных держав неожиданно для союзников этим самым было несколько прорвано, ибо разгром Румынии дал Четверному союзу хлеб и нефть. Для Германии наступила некоторая передышка в „войне на истощение".

В виду невозможности уничтожить блокаду Германии оставалось только стремиться к расширению хозяйственной территории, и в этой области ей удалось достигнуть значительных успехов благодаря военным победам. Однако снабжение из оккупированных областей облегчало положение Германии и укрепляло ее способность к сопротивлению, но не являлось радикальным разрешением продовольственной проблемы, и Германия вынуждена была вступить в настоящую борьбу за единственно еще доступные ей рынки Швейцарии, Голландии и Скандинавии. Эта борьба облегчалась для немцев значительной зависимостью этих стран от Германии: приблизительно $^{1}/_{3}$ их ввоза шла

[1] Всего Центральным закупочным обществом было закуплено пищевых и кормовых продуктов: в 1916 г. — 1 864 818 *т*, в 1917 г. — 574 042 *т*, в 1918 г. — 412 725 *т*.

из Германии и около $^1/_4$ вывоза — в Германию (Голандия — почти $^1/_2$).

Примером может служить следующий факт: осенью 1916 г. под давлением Антанты Швейцария прекратила ввоз в Германию ряда товаров. Немцы ответили на это прекращением экспорта в Швейцарию ряда необходимых ей товаров, как уголь, железные изделия и т. п., и, в результате, Швейцария пошла на уступки. В Голландии внешнеторговые отношения с Германией проводил тот-же NOT, деятельность которого носила таким образом двусторонний характер. В Швейцарии из-за неуступчивости Антанты было организовано специальное общество для торговли с Германией — Treuhandstelle. Швеция до начала 1917 г. испытывала незначительное давление со стороны Антанты и снабжала Германию железной рудой. Нейтралы, как мы уже видели, зависели в равной мере в хозяйственном отношении как от Антанты, так и от Четверного согласия, главным образом от Германии. Они не могли подчиниться требованию Германии, боявшейся продажи ее железа и угля неприятелю, прекратить торговлю со странами союзников, ибо это грозило голодом населению нейтральных стран и, в равной мере, не решались отказаться от товарообмена с Германией. Немцы воспользовались зависимостью нейтралов от германского вывоза и стремились придать своим торговым отношениям с нейтральными странами характер компенсационного товарообмена, боясь перепродажи своего железа и угля в неприятельские страны. Этот товарообмен значительно облегчался для Германии плановой организацией ее ввоза и вывоза. Пример такого товарообмена: Швейцария поставляет в Германию 40 тыс. голов скота, а Германия взамен 20 тыс. *т* угля. После мира Германии с Украиной также был установлен товарообмен между учрежденными с обеих сторон прави-

тельственными организациями, где Украина давала хлеб, а Германия сельскохозяйственные машины и промтовары Экспортная промышленность Германии стремилась поддержать хозяйственные связи с заграницей путем устройства и во время войны Лейпцигской ярмарки, которая оживленно посещалась торговцами нейтральных и союзных Германии стран. Не имея возможности подробнее останавливаться на организации внешней торговли Германии во время войны, мы считаем уже возможным установить, что благодаря планомерной организации германского ввоза и вывоза, придавшей методам борьбы за возможность торговли с нейтральными странами значительную гибкость, а также, благодаря наличию у Германии такого сильного экономического оружия, как железо, уголь, машины, изделия химической промышленности и др., которыми она искусно маневрировала, пользуясь огромной потребностью в них своих нейтральных соседей, словом, благодаря наличию двух условий: планомерной организации своей внешней торговли и высокому развитию своей обрабатывающей и добывающей промышленности, Германии удалось, несмотря на колоссальное давление на нейтралов со стороны Антанты, не только сохранить свой товарооборот с соседними нейтральными странами, но даже его увеличить. Особенно резко сказалось увеличение товарооборота между Германией и ее нейтральными соседями в первые годы войны, когда Антанта не сумела еще мобилизовать все свои силы для огромного нажима на нейтралов.

По сообщению Morning Post от 18 января 1916 г. из Соединенных штатов было экспортировано (см. табл. на стр. 81.):

Огромное увеличение импорта в нейтральные страны товаров, в которых особенно нуждалась Германия, свидетельствует о несомненном транзите этих товаров в

	1913	1915	
Пшеницы			
В Германию	12 000 000	15 000	бушелей
„ нейтральн. европейские страны	19 000 000	50 000 000	„
Муки			
В Германию	140 000	—	боченков
„ нейтральн. страны . . .	1 417 000	5 100 000	„
Ветчины			
В Германию	1 100 000	273 000	фунтов
„ нейтральн. страны . . .	30 900 000	91 500 000	„
Ботинок			
В Германию	471 000	—	пар
„ нейтральн. страны . . .	462 000	4 800 000	„
Хлопка			
В Германию	1 700 000	194 000	баллов
„ нейтральн. страны . . .	53 000	1 100 000	„
Автомобилей			
В Германию на	775 000	2 800	долларов
„ нейтральн. страны на . .	1 300 000	20 000 000	„

Германию.[1] Интересно отметить, что в 1915 г. в Бремене было образовано специальное общество для торговли контрабандным хлопком с капиталом в 4 млн марок.

В виду того, что официальных статистических материалов о внешней торговле Германии за 1914—18 гг. не имеется, мы вынуждены пользоваться данными отдельных авторов. По утверждению Гельффериха,[2] ввоз Германии из соседних нейтральных стран в импорте в Германию составил во время войны около 70% по сравнению с

[1] См. В. Майский. Германия и война. М., 1916.

[2] Vom Kriegsausbruch bis zum uneingeschränkten U-bootkrieg. Berlin, 1919, стр. 215—221.

10% 1913 г. По некоторым отдельным товарам соседние нейтралы вполне заменили Германии импорт из стран союзников и отрезанных от Германии нейтральных стран. Это в особенности относится к продуктам сельского хозяйства, высоко развитого в Голландии и Дании.

Ввоз в Германию свиного мяса, включая ветчину, поднялся с 21 600 *т* в 1913 г. до 98 200 *т* в 1915 г. Ввоз масла, больше половины которого доставлялось до войны из Сибири, поднялся с 54 200 *т* до 68 500 *т*. Одновременно ввоз молока и сливок значительно уменьшился. Ввоз сыра поднялся с 26 300 *т* до 67 300 *т*, ввоз сельдей с 1 228 тыс. бочек до 2 883 тыс.

Гельфферих указывает, что увеличение вывоза нейтральных стран в Германию должно было неизбежно производиться за счет кого-то другого, и утверждает, что этот импорт в Германию увеличивался за счет Англии. Он приводит следующие данные:

ВЫВОЗ ГОЛЛАНДИИ
(в тоннах)

Годы		в Германию	в Англию
Масла	1913	19 000	7 900
	1915	36 700	2 500
	1916	31 500	2 200
Сыра	1913	16 100	19 100
	1915	63 300	8 400
	1916	76 200	6 800
Свиного мяса	1913	11 000	34 000
	1915	55 100	7 600
	1917	25 100	10 300
Яиц	1913	15 300	5 800
	1915	25 200	7 800
	1916	36 400	800

Также развивалась борьба между Англией и Германией на датском рынке.

ВЫВОЗ ДАНИИ
(в тоннах)

Годы		в Германию	в Англию
Масла	1913	2 200	85 300
	1915	25 200	66 300
Свиного мяса	1913	3 800	9 400
	1915	17 900	1 900
Яиц	1913	1 200	30 000
	1915	13 000	18 800

В Швейцарии и Швеции Германия также не только не потеряла, но даже укрепила свои позиции, что относится не только к продуктам скотоводства и рыболовства, но и некоторым важнейшим видам сырья. Швейцария снабжала Германию алюминиумом, Швеция железной рудой, медью, целлюлозой, Норвегия — никкелем.

„Мы не сумели—пишет Гельфферих—разрушить британскую морскую блокаду, мы остались за все время войны отрезанными от заморских рынков, однако попытка Англии втянуть наших нейтральных соседей в систему блокады, чтобы подвести блокаду непосредственно к нашим границам, потерпела неудачу, несмотря на беспримерное давление Антанты. Мы победоносно обеспечили себе нейтральные подступы к нашей осажденной крепости“.

Указание Гельффериха на то, что увеличение ввоза из нейтральных стран в Германию шло в значительной степени за счет нейтрального импорта в Англию, находит себе косвенное подтверждение в прилагаемой таблице,

*

иллюстрирующей товарооборот нейтральных стран и Англии в годы войны.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ АНГЛИИ

(по странам происхождения и назначения; в тыс. фунтов стерлингов)

Годы	Нейтральные страны							
	Голландия		Дания		Швейцария		Швеция	
	Ввоз							
1913	27913	3,6%	24053	3 1%	11070	1,4%	14213	1,9%
1914	37705	5,4%	25526	3,7%	10064	1,4%	14124	2,0%
1915	38103	4,5%	22894	2,7%	15252	1,8%	19802	2,3%
1916	41221	4,3%	29954	2,4%	15510	1,6%	20606	2,2%
1917	37237	3,5%	18338	1,7%	11310	1,0%	14939	1,4%
1918	17318	1,3%	5339	0,4%	13095	1,0%	22375	1,7%
	Вывоз							
1913	22794	4,3%	6061	1,1%	4212	0,8%	8220	1,6%
1914	28398	6,6%	6092	1,4%	2998	0,7%	7768	1,8%
1915	24266	6,3%	8035	2,1%	3602	0,9%	6279	1,6%
1916	32533	6,4%	11873	2,3%	4561	0,9%	6574	1,3%
1917	28103	5,3%	7210	1,4%	6445	1,2%	3074	0,6%
1918	22662	4,5%	3697	0,7%	8630	1,7%	2628	0,5%

Сравнение данных за 1918 г. с данными за 1913 г. создает отчетливую картину падения вывоза из перечисленных четырех нейтральных стран в Англию за годы войны. Если же учесть, что импорт в Англию в целом также несколько уменьшился за военный период, то станет очевидным, что импорт в Англию из соседних с Германией нейтральных стран уменьшился относительно и абсолютно.

Другой вопрос, насколько это могло повредить интересам самой Англии. Англия на время войны находилась на иждивении у Соединенных штатов, и уменьшение импорта из маленьких нейтральных стран не могло серьезно отразиться на ее снабжении. Но в экономической войне, где роли соседних с Германией нейтралов в плане окружения Германии придавали большое значение, особенно тогда, когда Антанта в последнее время войны подошла к контингентированию ввоза в нейтральные страны, что было по существу определенной блокадой,— в этой экономической войне сохранение Германией своих торговых связай с нейтралами являлось серьезной победой.

Выше уже отмечалось, какой колоссальный ущерб внешней торговли Германии должно было нанести прекращение торговли со странами враждебной ей коалиции. Импорт из России, Франции, Англии, Бельгии, Италии, Соединенных штатов, Британской Индии и Австралии составлял около 57% всего германского ввоза, а экспорт в перечисленные страны составлял около 51% всего германского вывоза. Импорт из союзных Германии стран составлял 9%, а вывоза туда — 12% германского ввоза и вывоза.

Голландия, Швеция, Швейцария и Дания давали Германии 9% ее ввоза и 15% вывоза. Если учесть, что Германия была очень скоро отрезана от всей заморской торговли, то по вступлении в войну Соединенных штатов и Румынии ей оставалась только торговля со своими союзниками и с нейтральными соседями, т. е. около 18% ввоза и около 25% вывоза. Не имевшее прецедентов в истории давление Антанты на нейтральные страны должно было свести и этот товарооборот до ничтожных размеров. Каков же был на самом деле реальный эффект блокады Германии?

По данным Гельффериха торговля Германии за время войны составляла:[1]

	В млн бумажных марок						В млн зол. марок
	1914	1915	1916	1917	1918	С 1/VIII—14 до 31/XII—18	С 1 VIII—14 до 31/XII—18
Ввоз	3300	7100	8400	7100	5900	31800	22800
Вывоз	3200	8100	3800	3400	3000	16500	11700
Превыш. ввоза	100	4000	4600	3700	2900	15300	11100

По данным профессора Конрада в „Jahrbücher für National Ökonomie und Statistik“ за 1923 г.[2]

ТОРГОВЛЯ ГЕРМАНИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ
(в млд золотых марок)

Годы	Ввоз	Вывоз	Превышение ввоза над вывозом
1913	10,77	10,10	0,67
1914	8,51	7,45	1,06
1915	5,94	2,54	3,39
1916	6,45	2,94	3,50
1917	4,18	2,03	2,15
1918	4,20	2,78	1,41

Эти цифры совпадают с данными германских официальных материалов, достоверность которых подтверждается тем соображением, что не в интересах их составителей было преувеличивать германский импорт во время войны.

[1] Гельфферих, цит. соч., стр. 215 и 216, ср. Plaut, цит. соч., стр. 124.

[2] Цитир. по Нахимсону. Мировое хозяйство до и после войны.

В виду значительного интереса, который представляет официальное заключение по этому вопросу, мы выписываем его целиком.[1]

„Во время войны германский торговый баланс дал (еще более) значительный пассив. Экспорт подвергся сильному сокращению не только вследствие блокады, а главным образом потому, что производство было лишено большей части своей рабочей силы из-за призыва в армию; во-вторых от того, что отрасли промышленности, работавшие на экспорт, вынуждены были широко перестроиться, чтобы отвечать требованиям войны и работать таким образом для удовлетворения внутренних потребностей; *вопреки строгим ограничениям цифры оставались значительными. В итоге, за период с 1 августа 1914 г. до конца декабря 1918 г. импорт исчислялся в круглых цифрах в 23 млрд золотых марок* (подчеркнуто нами. *Я. И.*), к которым надо прибавить около 4-х млрд золотых марок, представляющих импорт союзников Германии, произведенный за ее счет. Так образовался пассив приблизительно в 15 млрд золотых марок“.

Если отбросить 4-миллиардный импорт для союзников Германии, то оставшиеся цифры целиком совпадают с приведенными выше данными о германском импорте за военный период.

В довоенные годы Германия также имела пассивный торговый баланс, равнявшийся в 1911 г. — 1,6 млрд золотых марок, в 1912 г. — 1,7, в 1913 г. — 0,7 (все годы не считая золота и серебра). Однако превышение импорта сбалансировывалось так называемым „невидимым“ экспортом от прибыли с германской собственности в иностран-

---

[1] Экономическое и финансовое положение Германии. Изложение последствий мировой войны по официальным материалам Германского статистического департамента, М., 1924.

ных бумагах и предприятиях за границей, а также от доходов от международной торговли, банков и транспорта. Этот „невидимый“ экспорт составлял в 1913 г. 1,6—1,8 млрд марок. Таким образом, в 1913 г. пассив в 0,7 млрд марок дает в расчетном балансе актив почти в 1 млрд марок.

Естественно, что большая часть „невидимых“ поступлений во время войны отпала, и противники Германии могли указать на большую победу, одержанную ими в экономической войне: пассив в 15 млрд марок за четыре года войны являлся огромным ущербом для народного хозяйства Германии.

Все же, несмотря на это, основной цели своей экономической войны — абсолютной хозяйственной изоляции Германии союзники не достигли: в последний год войны, несмотря на все усилия и гигантские возможности союзников, импорт в Германию уменьшился только несколько меньше, чем в два раза, экспорт — в три раза.

Плаут указывает, что за все время войны Германия никогда не была целиком отрезана от остального мира. В начале 1915 г. был захвачен целый ряд областей в Бельгии, России, Франции, доставлявшие сырье и продовольствие. Вступление в войну Румынии и ее поражение принесло румынский хлеб, победоносное наступление в России — все Царство Польское, поражение Сербии — Малоазиатскую Турцию. Кроме того, обмен изделий Швейцарии и северных стран на германский уголь носил постоянный характер, и даже итальянские южные фрукты для поднятия настроения общества доставлялись за уголь. „Германия — говорит Плаут — не была на самоснабжении во время войны, и этого не могло быть“.

Таким образом грандиозный план Антанты *абсолютной* экономической блокады Германии потерпел неудачу. Однако если союзникам и не удалось совершенно уни-

чтожить внешнюю торговлю Германии, но результатом их мероприятий было все же значительное падение импорта в Германию за годы войны (а в особенности за последние два года), что не могло не отразиться болезненно на германском народном хозяйстве и, следовательно, на ее способности к сопротивлению.[1]

Прежде чем перейти к описанию результатов хозяйственной блокады Германии, необходимо установить в области ввоза каких товаров и в какой степени Германия находилась в зависимости от импорта.

В начале прошлого века Германия представляла собою сельскохозяйственную страну, с крайне отсталой техникой ведения сельского хозяйства, незначительным развитием городской жизни и с низким уровнем развития промышленности. Выше нами уже указывалось на колоссальное развитие германской промышленности во второй половине XIX века. Уже в 1913 г. Германия занимала третье место в мире по добыче угля, второе место по выплавке чугуна и стали, третье место по производству текстильных изделий, и ее химическая промышленность была самой большой по сравнению со всеми остальными.[2]

Такое же блестящее развитие показывала и ее внешняя торговля. Весь ввоз и вывоз Германии в 1830 г.

---

[1] Несмотря на отсутствие опубликованных данных об импортных операциях Германии за годы войны, все растущее сокращение норм потребления дают также основание судить, что импорт из Украины и Румынии не разрешил продовольственного кризиса в Германии.

[2] Если исходить из того, что потребление металла характерно для степени промышленного развития данной страны, то следующие данные весьма показательны: в 1861 — 70 гг. потребление чугуна на голову населения в Германии составляло 30,9 *кг*, а в 1913 г. — 276,6 *кг*.

составлял только 660 млн марок, в 1850 г. — 2 100 млн марок, а в:

Годы	Ввоз	Вывоз
	(в млн марок)	
1872	3 464,6	2 492,2
1879	3 888,1	2 820,8
1891	4 403,4	3 339,8
1900	6 043,0	4 752,6
1905	7 436,3	5 841,8
1913	10 769,7	10 097,2

Если исчислять национальный доход Германии в 40 млрд марок, то вывоз Германии будет равняться около 25% всего народного дохода.

По отношению к 1872 г. в 1912 г., т. е. за 40 лет, произошло следующее увеличение германской внешней торговли по основным группам в процентах:

Наименование	Ввоз	Вывоз
Продукты питания, вкусов. вещества и т. п.	267,2	58,3
Промышл. сырье, полуфабрикаты и т. п.	251,1	201,4
Готовые изделия	126,7	463,5[1]

Эти данные устанавливают, что с 1872 г., т. е. с переломного года, с которого начинается особенно бурный расцвет германского народного хозяйства, раз-

[1] Bernhard Harms. Die Zukunft der deutsche Handelspolitik. Jena, 1925, т. I, стр. 47.

витие ввоза и вывоза основных групп товаров происходило неравномерно. За 40 лет увеличение ввоза продуктов продовольствия превзошло больше, чем на 200% вывоза таковых, а рост ввоза сырья и полуфабрикатов превысил на 50% вывоза этих же групп. Наоборот, увеличение вывоза готовых изделий было за эти годы почти на 350% больше увеличения их ввоза.

Ясно, что Германия все больше превращалась в страну, импортирующую продовольствие и сырье и экспортирующую готовые изделия.

Как распределялся ввоз и вывоз Германии по основным группам в последний довоенный год, видно из прилагаемой таблицы:

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ ГЕРМАНИИ В 1913 г.

(В абсолютных цифрах и в %% ко всему ввозу и вывозу)[1]

Наименование	Ввоз		Вывоз	
	Ценность в млн марок	В % к общ. ввозу	Ценность в млн марок	В % к общ. вывозу
Сырье	5 003,0	46,5	1 518,1	15,0
Полуобраб. товары	1 239,0	11,5	1 139,4	11,3
Готовые изделия	1 478,8	13,7	6 396,3	63,3
Продукты питания и вкусов. вещества	2 759,2	25,6	1 036,0	10,3
Животные	289,7	2,7	7,4	0,1
Итого	10 769,7	100	10 097,2	100
Золото и серебро	436,4	—	101,4	—

[1] „Statistisches Jahrbuch“ 1921/22.

Таким образом, в 1913 г. ввоз сырья в Германию превышал вывоз его на 3 484,9 млн марок, ввоз полуобработанных товаров превышал вывоз на 99,6 млн марок, ввоз продовольственных продуктов превышал вывоз на 1 723,2 млн марок и ввоз скота превышал вывоз его на 282,3 млн марок.

Вывоз же готовых изделий превышал ввоз их на 4 917,5 млн марок.

Отсюда видно, что Германия ежегодный дефицит сырья на 3,5 млрд марок и дефицит продовольственных продуктов и скота на 2 млрд марок покрывала излишком вывоза готовых изделий на 5 млрд марок.

Оборот внешней торговли Германии составлял более 20 млрд марок, и в этом направлении Антанта готовила главный удар в своей хозяйственной войне: огромная зависимость Германии от ввоза продовольствия обрекала ее население на голод в случае прекращения импорта, а прекращение ввоза сырья могло вызвать остановку ее промышленности и, следовательно, тех отраслей ее, которые работали на вывоз и тем самым прекращала огромный экспорт германских готовых изделий, сбыт которых был нужен для необходимого ввоза.

Мы рассмотрим подробнее зависимость Германии от ввоза продовольствия и сырья.

Несмотря на огромный рост промышленности, Германия продолжала развивать и свое сельское хозяйство. Посевная площадь, дошедшая почти до предела в конце прошлого века, хотя и медленно, но продолжала увеличиваться: в 1909 г. посевная площадь под пшеницей, рожью, ячменем, овсом, картофелем составляла 17 241,8 тыс. гектаров, а в 1913 г. — 17 892,6 тыс. гектаров.

Также росла и урожайность (в квинталах на гектар):

Наименование	1909	1913
Пшеница	20,5	23,6
Рожь	18,0	19,6
Ячмень	21,2	22,2
Овес	21,2	21,9
Картофель	140,5	158,6

Увеличивался и сбор хлебов.

ВАЛОВЫЕ СБОРЫ ХЛЕБОВ И КАРТОФЕЛЯ В ГЕРМАНИИ

(в млн тонн)

Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Картофель
1901	3,0	8,16	3,32	7,65	48,7
1913	4,66	12,22	3,67	9,71	56,5

По производству свекловичного сахара Германия была на первом месте в мире: в 1913—14 гг. 2 618 тыс. *т.*

Аналогичный рост показывало и количество лошадей и скота:

	(В млн голов)	
	1900	1912
Лошади	4,1	4,5
Рогатый скот	18,9	20,2
Свиньи	16,8	21,9
Козы	3,3	3,4

С 70-х годов прошлого столетия Германия превращается в большую промышленную страну. Растет насе-

ление вообще и в особенности в городах, также увеличивается и потребление. Все это создает такое положение, при котором германское сельское хозяйство, несмотря на значительное развитие (при наличии еще серьезной конкуренции России и заокеанских стран), не в состоянии удовлетворять внутреннюю потребность в продовольственных продуктах и Германия вынуждена расширять ввоз их из-за границы.

Рост ввоза зерновых хлебов превышал рост их внутренней продукции. Германия вывозила также зерновые продукты; однако за последние 20 довоенных лет превышение ввоза над вывозом главных хлебов (за исключением ржи) неизменно увеличивалось, что следует из прилагаемой таблицы.

Превышение ввоза над вывозом или вывоза над ввозом (—) в германской торговле четырьмя главными хлебами в 1890 и 1912 гг.:

	1890		1912	
	В тоннах	В млн марок	В тоннах	В млн марок
Пшеница	672 887	104,1	1 974 833	332,4
Рожь	879 784	98,1	— 481 583	— 81,6
Овес	187 256	21,8	280 727	29,7
Ячмень	728 867	96,7	2 969 413	404,4
Излишек ввоза . .	2 468 794	320,7	4 742 390	684,9

За рассматриваемый период в 22 года Германия значительно увеличила вывоз ржи, превосходивший ввоз на 480 тыс. *т*, недостаток же пшеницы, овса и ячменя продолжал расти, и в 1912 г. излишек ввоза над вывозом по этим хлебам (за вычетом излишка вывоза ржи) достигал 4,7 млн *т*.

Рассмотрим теперь, какую роль играл ввоз этих продуктов по отношению к общей потребности в них.

ВНУТРЕННЯЯ ПРОДУКЦИЯ И ПРЕВЫШЕНИЕ ВВОЗА И ВЫВОЗА В ГЕРМАНИИ[1]

(в 1890 и 1912 гг. в млн тонн)

	Пшеница		Рожь		Овес		Ячмень	
	1890	1912	1890	1912	1890	1912	1890	1912
Собственная продукция Германии	2,83	4,36	5,87	11,60	4,91	8,52	2,28	3,48
Превышение ввоза или вывоза (—)	0,67	1,99	0,88	— 0,48	0,18	0,28	0,73	2,97
Общая потребность	3,50	6,35	6,75	11,12	5,09	8,80	3,01	6,45
Процентн. отношение излишка ввоза или вывоза (—) к общему потреблению	19,1	31,2	13,0	— 4,3	3,5	3,6	24,2	46,0

Эта таблица отчетливо иллюстрирует зависимость Германии от ввоза зерна. Только по ржи Германия настолько увеличила собственное производство, что в 1912 г. вывоз ее превышал ввоз на 480 тыс. *т*, что составляло 4,3% общего потребления ржи. По остальным трем хлебам, несмотря на значительное увеличение собственной продукции, наблюдается относительный и абсолютный рост ввоза. Ввоз пшеницы за вычетом вывоза составлял в 1912 г. 31,2% общего потребления, ввоз овса — 3,6% и ввоз ячменя — 46%. Излишек ввоза над

[1] Harms, Die Zukunft der deutsehen Handelspolitik. Jena, 1925, стр. 38.

вывозом всех зерновых продуктов (включая жмыхи и отруби) составлял 16,3% общей потребности, по отношению же к потребности в главнейших кормовых продуктах (ячмень, отруби, овес и жмыхи) ввоз составлял более 27% всего потребления внутри страны. [1]

За годы 1909—13 излишек (+) или недостаток (—) на единицу населения составлял (в пудах): пшеница — 1,9, ячмень — 3,0, рожь + 0,2, овес — 0,0.

1/5 ввоза пшеницы шла из России, 90% ввоза ячменя доставляла Россия, 90% ввоза ржи давала также Россия, она же играла важнейшую роль во ввозе гороха и чечевицы.

Более 60% ввоза важнейших продовольственных продуктов шло до войны из стран, с которыми Германия вступила в войну. На основе приведенных данных можно установить значительную зависимость Германии от иностранного ввоза хлебов. Во ввозе же главнейших вкусовых веществ Германия целиком зависела от заграницы. В 1913 г. было ввезено 168 тыс. *т* кофе, 53 тыс. *т* какао и 4,3 тыс. *т* чая. Всех трех продуктов на 295 млн марок. [2]

Из приведенных данных вытекает, что, несмотря на значительную зависимость Германии от ввоза иностранного хлеба, немцам удалось создать собственный солид-

---

[1] Кроме того Германия ввозила в 1913 г. еще 918 тыс. *т* кукурузы. Излишек ввоза над вывозом стручковых плодов составлял 253 тыс. *т*, масличных плодов — 1 734 тыс. *т*, наоборот, вывоз ржаной и пшеничной муки превышал ввоз на 400 тыс. *т*.

[2] В миллиардах калорий Германии требовалось в год: растительная пища — 61 666, животная пища — 26 993, а всего 88 649 млрд калорий. На долю ввоза из-за границы приходилось 12 021 млрд калорий, или около 20% калорий. На самом же деле действительное потребление в мирное время значительно превосходило нормальное потребление (цит. по Биншток. Вопросы продовольственного снабжения в военном хозяйстве Германии).

ный базис в области внутреннего производства продуктов земледелия.[1] Эти значительные успехи в области развития своего сельского хозяйства соответствующие круги приписывали наличию в Германии системы высокого аграрного протекционизма. Однако Тышка[2] указывает, что именно эта система таила в себе серьезные опасности в случае конфликта и изоляции Германии, ибо она препятствовала образованию хлебных запасов, что и подтвердилось незначительностью запасов пшеницы, имевшихся налицо в Германии после прекращения ввоза. Кроме того, Германия зимой и весной бывает почти лишена хлебных запасов, так как пшеница ввозится неравномерно: ввоз пшеницы в июле достигает максимальной цифры, а в феврале ввоз равняется половине июльского ввоза. Самые большие количества ржи вывозятся в сентябре, самые меньшие приходятся на июль. Отсюда видно, что возникновение войны в июле месяце было весьма благоприятным для Германии, ибо, если бы война началась зимой или весной, положение с запасами хлебов было бы гораздо хуже.

Выше нами приводились данные о росте скота в Германии. Однако рост количества скота несколько отставал (за исключением свиноводства) от роста населения. Помимо этого, население привыкло к хорошему питанию, причем увеличение потребления шло по линии роста потребления животных продуктов за счет растительных. С 1897 г. по 1912 потребление мяса на единицу населения увеличилось с 36 *кг* до 52 *кг*.

---

[1] Необходимо отметить, что значение ввоза иностранной пшеницы покажется больше, если учесть, что в ней содержится бо́льшее количество клейковины, и иностранная пшеница, следовательно, более питательна.

[2] Мирохозяйственная проблема современных индустриальных государств. Русский перевод, М. 1924.

Превышение ввоза лошадей, скота и мяса с 1905 г. до 1913 г. представляется в следующем виде:

	1905	1912
Лошади	123 835	124 963
Быки	71 821	39 358
Коровы	126 100	34 360
Молодой скот (до $2^1/_2$ лет)	104 902	67 692
Свиньи	67 389	127 159
Волы	9 479	6 741
Мясо (в центн.)	523 340	718 432

В 1910 г. превышение ввоза над вывозом скота и продуктов животного происхождения на голову населения в марках составляло:

Скот 1,55
Масло 1,40
Жиры 1,46
Мясо 0,40
Сыр 0,40
Яйца, желток 2,55
Молоко, сливки . . . 0,50

В абсолютных цифрах ввоз мяса и продуктов животного происхождения был значителен, но по отношению ко всему потреблению значение ввоза этих продуктов было невелико (ввоз мяса составлял всего 4,6% всего потребления).

Казалось, что в этой области Германии нечего было бояться блокады. *Однако это благополучие было только кажущимся,* ибо если уменьшилась зависимость Германии от ввоза мяса и животных продуктов, то *одновременно увеличилась ее зависимость от ввоза кормовых средств.* [1]

[1] Какое значение имеет наличие кормов, характеризуется следующими данными: Германия располагала ежегодно (в среднем) около 30 млн *т* зерновых продуктов, из них 13 млн *т* шло на прокорм скота и, кроме того, 5,6 млн *т* жмыха, отрубей и различных отбросов продуктов. До войны из среднего ежегодного урожая картофеля в 45,6 млн *т* на корм скота шло 20 млн *т*.

„Гораздо хуже было положение с кормовыми продуктами“, указывают уже цитированные нами составители официального исследования о войне 1914—18 гг.[1] „Ежегодно их ввозилось почти на миллиард марок, главным образом из России (1875 г. — 54 *кг* на голову населения, в 1913 г. — 93 *кг*). В случае прекращения этого ввоза огромный недостаток в обеспечении Германии мясом, жирами и молоком был неизбежен“. И это немедленно сказалось во время войны, когда отсутствие заграничных кормовых продуктов повело к уменьшению скота, главным образом свиней, в Германии.

Было еще одно существенное обстоятельство в области зависимости Германии от иностранного ввоза, создававшее еще одну серьезную угрозу германскому сельскому хозяйству при наличии блокады: зависимость Германии от ввоза удобрений. Германия обладала большими запасами некоторых видов удобрительных веществ, не только покрывавшими ее внутреннюю потребность, но и составлявшими экспортные излишки,[2] однако азотистых удобрений в естественном виде в Германии не было, и ей приходилось их импортировать в значительных количествах. Чилийской селитры она ввезла в 1913 г. 774 тыс. *т* на 172 млн марок (в 1878 г. — 51 тыс. *т*) и фосфоритов 734 тыс. тонн на 46,5 млн марок.

Зависимость Германии от импорта удобрений была велика, и прекращение ввоза их должно было бы чрезвычайно болезненно отразиться на германском земледелии, если бы не высокий уровень ее науки и велико-

---

[1] Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914—1918 гг. Erster Band.

[2] В 1913 г. вывоз фосфатной муки превышал ввоз. Калийных солей было добыто в 1913 г. 12 млн *т*, а вывезено 1 700 тыс. *т* на 63,7 млн марок. Кроме того, она вывозила сернокислого калия на 70 млн марок и почти на 70 млн марок других азотных и фосфорных соединений.

лепное развитие ее химической промышленности, которым (как мы увидим ниже) в известной степени удалось смягчить наступивший в этой области кризис.

„В общем, состояние германского сельского хозяйства давало возможность Германии держаться некоторое время без особого ущерба для народного питания“ (Reichsarchiv. Der Weltkrieg), „тем более, что германское сельское хозяйство обладало резервом в виде высокого развития свиноводства и рогатого скота“. „Но уже в следующий год войны должна была наступить опасность уменьшения средств питания, ибо уменьшение рабочих рук, рабочего скота и импортных удобрений должно было отрицательно отразиться на сборе хлебов, вследствие чего должен был появиться недостаток в продуктах питания. Поэтому, в интересах народного питания — заканчивают составители цитируемого исследования — было желательно закончить войну возможно скорее“.

Итак, несмотря на значительный рост германского сельского хозяйства, перспективы снабжения населения продовольствием в случае продолжительной войны и при наличии блокады были неблагоприятны. Какова же была зависимость Германии от импорта промышленного сырья?

В этой области зависимость германского народного хозяйства от импорта была еще больше. Достаточно указать на то, что ввоз сырья и полуфабрикатов составлял 57% всего германского ввоза, тогда как ввоз продуктов питания, вкусовых веществ и скота составлял только 28% всего ввоза. Несмотря на значительное развитие добывающей промышленности, рост ее не поспевал за ростом обрабатывающей. Германия, по выражению Гриневича, постепенно превращалась в „мировую мастерскую“.

Ввоз отдельных видов сырья повышался с каждым годом, что подтверждается нижеследующими данными:

ВВОЗ В ГЕРМАНИЮ ПРОМЫШЛЕННОГО СЫРЬЯ
(ценность в млн марок)

Сырье	1909	1913
Медь	189,8	335,3
Железн. руда	126,6	227,1
Камен. уголь	166,3	204,6
Нефть очищен.	63,0	69,9
Олово	36,7	58,2
Хлопок-сырец	532,2	607,1
Шерсть, сырая	356,8	412,7
Шелк-сырец	157,8	158,0
Кожи рогат. скота и буйвол.	162,2	321,8

Правда, германский вывоз промышленного сырья и полуфабрикатов был также значителен и также увеличивался, как например:

ВЫВОЗ ПРОМЫШЛЕННОГО СЫРЬЯ ИЗ ГЕРМАНИИ
(в млн марок)

Сырье и полуфабрикаты	1909	1913
Каменный уголь	313,0	516,4
Меха	158,3	225,4
Железо полосовое	96,8	204,6
Кокс	70,4	146,7
Листовое железо	51,7	102,8
Кожи рогат. скота и буйвол.	56,5	81,4
Овечья шерсть, сырая	44,0	49,6

Но все же, несмотря на рост вывоза сырья и полуфабрикатов, он намного отставал от ввоза этих двух групп (в 1913 г. ввоз — 6242 млн марок, вывоз — 2657,5 млн марок). Обеспечение германской промышлен-

ности иностранным сырьем находилось в центре всех вопросов германского народного хозяйства, поскольку как обеспечение населения всеми необходимыми предметами ежедневного домашнего обихода, так и снабжение армии важнейшими военными материалами зависело от ввоза сырья.

„Германия в отношении к важнейшим видам сырья достигла той степени зависимости от заграницы, которая для ее промышленной продукции имела решающее значение“, говорит Harms.

Крупным козырем Германии были ее огромные угольные ресурсы, представлявшие собою непобедимый источник энергии, могущий заменить в значительной степени другие источники ее, как нефть, белый уголь, натуральный газ и т. п. Превышение вывоза над ввозом каменного угля, бурого угля и кокса в 1913 г. составляло несколько меньше 450 млн марок. С железной рудой, несмотря на то, что Германия добывала ее больше любой другой европейской страны, положение было хуже, и Германии приходилось ввозить ее в значительных количествах (в особенности руду с большим процентом содержания металла), ибо чугуна и стали выплавлялось еще больше. Превышение ввоза над вывозом равнялось 11,411 тыс. *т.*

Совсем плохо было положение с марганцевой рудой, которой в Германии почти не было. В 1913 г. ее ввезли 680 т. *т* на 29 млн марок, причем 70% шло из России (Грузия).

Благодаря наличию собственных залежей, Германия не зависела от ввоза цинка; несколько хуже обстояло дело со свинцом, и совсем катастрофически с остальными цветными металлами. Потребность в меди, в этом чрезвычайно важном для изготовления военных материалов металле, покрывалась на $^9/_{10}$ заграничным ввозом, который в 1913 г. достиг 225 тыс. *т* на 335,3 млн марок. Собственная добыча олова Германии давала только

4-5% внутреннего потребления, и его ввозилось ежегодно на 58 млн марок. Алюминия Германия добывала всего около тысячи тонн, а в 1913 г. ввезла 15,3 тыс. *т*. В ввозе никкеля зависимость Германии также была велика.

Текстильная промышленность Германии показала блестящее развитие, не только покрывая внутреннее потребление в хлопчатобумажных и шерстяных изделиях, но и создавая возможность вывоза их на 600 млн марок ежегодно.[1] Однако больным местом германской текстильной индустрии была ее растущая зависимость от ввоза иностранного сырья. В 1913 г. Германия потребляла 193 905 *т* шерсти, 486 171 *т* хлопка и 54 096 *т* льна. Из этого количества внутри страны добывалось только 11 600 *т* шерсти, 3 560 *т* льна, а хлопка не было совсем. Превышение ввоза над вывозом хлопка, джута, льна и конопли составляло несколько менее 800 тыс. *т*, превышение ввоза шерсти почти 200 тыс. *т*, шелка — 3,4 тыс. *т*. Всего за это сырье Германии пришлось уплатить за границу 1 276,5 млн марок.

Кожевенная промышленность должна была удовлетворять свою потребность в кожах и шкурах на $^2/_3$ заграничным ввозом, в дубильных веществах — почти целиком.

ТОРГОВЛЯ ГЕРМАНИИ КОЖЕВЕННЫМИ ТОВАРАМИ

(в 1913 г. в млн марок)

	Шкуры крупн. рогат. скота	Телячьи шкуры	Овечьи и козьи шкуры
Ввоз	321,7	94,6	72,6
Вывоз	81,3	22,3	9,5

[1] В 1840 г. потребление хлопка на голову населения составляло 0,34 *кг*, а в 1912 г. — 7,56 *кг*.

Превышение ввоза над вывозом кожевенного сырья составляло 380 млн марок. Наоборот, кожевенных изделий Германия вывозила на 250 млн марок больше, чем ввозила.

Германская деревообделочная индустрия зависела на $^1/_3$ от импорта. Хотя вывоз бумаги всех видов значительно превышал ввоз, однако бумажная масса изготовлялась главным образом из привозного леса, которого в 1913 г. Германия ввозила на 400 млн марок.

Сложнее была сырьевая проблема в химической промышленности. Для изготовления ряда химикалий достаточно было собственных ресурсов, но производство серной кислоты зависело от ввоза сицилийской и испанской серы, а для производства азотной кислоты требовалась чилийская селитра.

Зато совершенно отчетливо было положение с нефтью и каучуком, этими важнейшими видами сырья; хотя Германия и реэкспортировала некоторое количество этого сырья, но в области удовлетворения внутренней потребности в них она целиком зависела от заграницы. В 1913 г. превышение ввоза над вывозом нефти оценивалось в 170 млн марок, превышение ввоза каучука сырого и изделий оценивалось в сумме около 150 млн марок.

На основании этого беглого обзора можно уже притти к выводу, что блокада была для германского народного хозяйства чрезвычайно серьезной угрозой.

„Каждая помеха, а в особенности уничтожение ввоза должно было нанести тяжелый ущерб общему хозяйственному процессу и самым решительным образом сказаться на изготовлении военных материалов“ („Der Grosse Krieg 1914—1918“). И это положение подтвердилось во время войны.

„Мы были наказаны за нашу зависимость от иностранного ввоза“, пишет Людендорф.

Однако к пониманию необходимости реорганизации всего народного хозяйства и планомерному распределению запасов в зависимости от требований сложившейся экономической обстановки правящие круги Германии пришли далеко не сразу.

Против центральных держав боролись 27 государств, которые больше всего рассчитывали на хозяйственное сокрушение Германии в соответствии с правилом Серриньи: „Если поражена страна, поражена и ее армия". Немцы предвидели возможность грандиозной блокады, но, рассчитывая на непродолжительность войны, не проводили серьезной хозяйственной подготовки, ибо и весь военный план был построен также на предположении о быстром окончании войны. Оптимистические представления о скором окончании войны сыграли роковую роль в деле хозяйственной обороны Германии, и ценность проводимых в этой области мероприятий значительно понижалась именно из-за того, что они всегда запаздывали.

На том положении, что Германия к хозяйственной войне не была подготовлена, сходятся все авторы, начиная от Гельффериха и кончая Диксом, и это — несмотря на то, что военные авторитеты предвидели необходимость хозяйственной независимости Германии на случай войны. Дикс в своей книге — „Война и народное хозяйство по опыту Германии", цитирует следующее интересное заявление старого Мольтке: „В тот момент, когда в случае войны немецкое сельское хозяйство больше не было бы в состоянии прокормить армию и население независимо от заграницы, в тот момент мы проиграли бы любую кампанию еще до того, как раздался бы первый выстрел".

С течением времени Германия все больше предоставлялась собственным силам, в то время как „в распоряжении ее противников находились все продуктивные

силы мирового хозяйства", и тогда медленно стало проникать в сознание правящих кругов понимание возможности полной изоляции Германии, но только через полгода после начала войны стали проводиться регулирующие мероприятия, тормозившиеся к тому же страхом правительства „внести беспокойство в хозяйственную жизнь страны" плановой организацией производства и распределения. Действительно, только очень серьезная опасность могла привести к вмешательству буржуазного государства в „нормальную" свободную игру интересов капиталистического общества, выражающуюся в стремлении получить наибольшую прибыль.

„Нужда вызвала необходимость мероприятий, которые рассматривались бы до войны как бредни утопического социализма", говорит Гармс.

Раньше всего необходимо было разрешить основную задачу народного хозяйства в условиях военного времени — нормальное снабжение продовольствием и предметами первой необходимости населения и армии, а также приозводство предметов, необходимых для специальных потребностей армии.

Сложнее всего для государства было регулирование сельского хозяйства из-за его распыленности. В Германии насчитывалось 5,5 млн крупных и мелких хозяйств. Кроме того, хотя в Германии и существовали союзы сельских хозяйств, соответствующие промышленным картелям (напр. молочный ринг, поднявший цены на молоко), а всего в 1914 г. в Германии было более 3,5 тыс. сельских товариществ, в мирное время торговля продовольственными продуктами менее всего была подвержена регулированию частнокапиталистических организаций. Правительство в своих распоряжениях ограничивалось стремлением к максимальному использованию рабочей силы и земельной площади. Но и в этой области

правительство использовало далеко не все возможности, и его основная и крупнейшая ошибка заключалась в том, что оно устремляло больше свое внимание на организацию *распределения*, оставляя почти в стороне регулирование *производства*.

Продовольственные затруднения Германия стала ощущать вскоре после начала войны, но явные признаки голода появились в 1916 г., явившимся вообще чрезвычайно тяжелым годом для Германии. Именно в этом году начинает сильнее ощущаться влияние блокады, выражающееся в уменьшении снабжения Германии нейтральными странами под давлением союзников. С другой стороны, продуктивность германского сельского хозяйства систематически падала, и в 1916 г. произошел неурожай важнейшего для народного хозяйства Германии продукта — картофеля.

Уменьшение урожаев в Германии вытекало из целого ряда причин, из которых основная была — недостаток рабочих рук вследствие мобилизации (за время войны в Германии было мобилизовано более 13 млн человек). С этим пытались бороться прикреплением сельскохозяйственных рабочих к их основной работе, привлечением городских рабочих в деревню, откомандированием солдат в деревню во время самой острой нужды в рабочих руках, работой военнопленных и т. д. Но все же заменить всех оторванных от сельского хозяйства рабочих было невозможно. Помимо этого, уменьшилось количество рабочего скота (более миллиона лошадей поглотила армия), работоспособность которого к тому же падала из-за недостатка кормовых средств. Применение сельскохозяйственных машин также затруднялось недостатком горючего (бензина и угля). Количество удобрений также уменьшалось. Потребление *калийных солей* составляло в 1913 г. — 10 280 тыс. *т*, в 1915 г. —

6 764 тыс. *т*, в 1917 г. повысилось до 8 425 тыс. *т*. Труднее было с азотистыми удобрениями, которые ввозились из-за границы. Из этого положения вышли расширением старых установок для фабрикации цианамида и замечательным открытием Габера, заключающимся в получении аммиака из азота и водорода.

Хуже всего было положение с фосфористыми удобрениями, необходимыми для получения суперфосфатов. Из-за прекращения импорта в 1918 г. было произведено 96 тыс. *т* суперфосфатов вместо 1 818,7 тыс. *т* в 1913 г. И, наконец, последняя из основных причин, повлиявших на ухудшение состояния германского сельского хозяйства, была причина социального порядка: твердые цены и система принудительного хозяйства уничтожали у сельских хозяев стимул к расширению производства. В годы войны противоречия между городом и деревней в Германии проявились наиболее отчетливо.

Перечисленные условия привели к значительному падению урожайности. Сбор с гектара в центнерах упал: яровой пшеницы с 25,2 до 16,6; озимой пшеницы — с 25,2 до 18,3; озимой ржи — с 19,0 до 13,8; яровой ржи — с 13,4 до 9,3; озимого ячменя — с 24,7 до 18,4; картофеля с 168,3 до 111,8 и сахарной свеклы — с 307,4 до 246,3.

УМЕНЬШЕНИЕ ПОСЕВНОЙ ПЛОЩАДИ

(в тыс. гектаров)

Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Картофель
1913	1974	6414	1654	4438	3412
1918 [1]	1433	5746	1365	3266	2720

Соответственно уменьшались и урожаи:

[1] Без Эльзас-Лотарингии.

СБОР УРОЖАЯ

(в тыс. тонн)

Годы	Пшеница	Рожь	Картофель	Сахарная свекла	Овес	Ячмень	Клевер
1913	4 418	12 130	52 855	16 877 (1914)	9 504	3 565	10 930
1916	2 999	8 903	24 691	10 138	6 928	1 957 (1917)	10 052
1918	2 458	8 009	29 470	9 884	4 681	2 258	6 585

Самый низкий урожай был в 1917 г., даже меньше, чем в 1918 г.[1] При этом нужно еще учесть колоссальное уменьшение ввоза, который по одним зерновым продуктам составлял почти 6 млн *т* ежегодно.

Со скотом положение было несколько лучше.

ЧИСЛЕННОСТЬ СКОТА

(в тысячах)

	1913	1918
Лошади	3 435[2] (1914)	3 426
Рогат. скот	20 994	19 579
Овцы	5 521	5 996
Козы	9 548	5 105
Свиньи	25 699	10 911

[1] Уже цитированные нами Гармс и Дикс отмечают недостатки статистики, особенно сельскохозяйственной. Урожаи часто бывали значительно меньше их предварительной оценки. В 1917 г. оценка урожая картофеля колебалась между 24 и 50 млн *т*.

[2] Без армии.

Количество лошадей не уменьшилось, а овец даже возросло. Рогатый скот стал уменьшаться только с 1917 г., и только количество свиней уменьшилось в 2,5 раза. Качество скота значительно ухудшилось. Средний вес быка в 1914 г. в 250 *кг* упал до 137 *кг* в декабре 1918 г. Средний убойный вес свиней (кроме поросят) упал с 85 *кг* в 1913 г. до 79 *кг* в 1918 г. В мясе, молоке, жирах и яйцах острый недостаток стал ощущаться уже в 1916 г. Потребление вкусовых веществ также резко уменьшилось. Потребление пива в 1917 г. составляло 35 литров на голову населения вместо 102 литров в 1913 г. из-за уменьшения производства с целью использования излишков сырья для питания населения.

Особенно резко сказалось влияние блокады на потреблении таких важных для питания населения Германии вкусовых веществ, как кофе и какао. Какао в Германии было потреблено (в тыс. тонн) в 1913 г. — 51,0, в 1917 г. — 1,2, в 1918 г. — 0,0; кофе (в тыс. тонн) в 1913 г. — 164,0, в 1917 г. — 13,0, в 1918 г. — 2,0. За эти годы на голову населения приходилось кофе соответственно 2,4 *кг*, 0,19 *кг*, 0,03 *кг*. Именно здесь сказалось особенно резко влияние блокады. И весьма показательно, что Англия и Франция увеличили в то же время свое потребление этих продуктов. Так, потребление какао в тыс. тонн составляло:

Страны	1913	1917	1918
Англия	28,0	51,0	62,0
Франция	28,0	47,0	41,0

В общем количество продовольствия в Германии, по вычислениям Бардаха, [1] уменьшалось в такой последо-

[1] См. Бардах. Итоги голодания Германии и Австрии. Одесса, 1923.

вательности: 1913 г. — 100, 1914/15 г. — 90; 1915/16 — 78; 1916/17 — 66.

В своем тяжелом продовольственном положении немцы не могли рассчитывать на помощь своих союзников. В Австрии голод был еще сильнее чем в Германии, и Германия, снабжавшая своих союзников углем, железом и военными материалами, вынуждена была еще помогать Австрии продовольствием. В Венгрии продовольствия было достаточно, и она снабжала большую часть австро-венгерской армии, но и слышать не хотела о помощи голодающей Австрии.

Положение Болгарии было лучше, несмотря на отсталость сельского хозяйства. Все же самое большее, на что могли рассчитывать немцы, — что Болгария справится собственными силами. Турция, главным образом европейская часть, сама голодала из-за первобытного состояния земледелия и никуда негодной продовольственной системы. Возникший в 1916 г. проект создания единого продовольственного органа для всего Четверного союза не был осуществлен именно из-за боязни немцев, что все жили бы за их счет.

Большую помощь принесли Германии оккупированные области: Бельгия, Польша, Прибалтика, которые в значительной степени снимали с немцев заботу о снабжении армии, но в отношении снабжения всей страны их роль была невелика.

К 1916 г. петля английской блокады затянулась туже, продовольственное положение резко ухудшилось, и Германия, не имея возможности прорвать ее на море, стремилась это сделать на суше, т. е. стремилась к собственному хозяйственному расширению. И в этом отношении Германия добилась существенного успеха, прорвав блокаду разгромом Румынии и выходом из войны России. Румынский хлеб и нефть значительно поддержали Герма-

нию и Австрию, но все же дали им только передышку. „В апреле и мае 1917 г. — говорит Людендорф — несмотря на одержанную победу на р. Эн и в Шампани, только русская революция спасла нас от гибели“ (стр. 21). Впрочем, дальше он меланхолично констатирует, что „русская революция была не на пользу юнкерской Германии“.

„Германские войска на Украине были настоятельно необходимы для защиты от большевиков — признается Людендорф — *и для экономического использования страны* (подчеркнуто нами). Расчеты Германии на вывоз до 600 вагонов продовольствия в день не оправдались из-за недостаточного наличия хлеба, изношенности украинского транспорта и крестьянских восстаний. Все же оккупация Украины принесла центральным державам большое облегчение.

„Хотя надежды на помощь Украины оказались преувеличенными и раньше всего пришлось давать продукты питания умирающей с голоду Австрии, все же ввоз украинского продовольствия принес значительную помощь“. [1]

С марта по конец сентября 1918 г. из Украины было вывезено в Германию и Австрию одного продовольствия: 9 323 вагона хлеба, 1 458 вагонов фуража, 3 732 вагона сахара, 707 вагонов яиц, 14 132 вагона рогатого скота и 3 754 прочего продовольствия. Кроме того, на Украине имели возможность прокормиться несколько сот тысяч человек оккупационной армии.

Таким образом, хотя блокада и не отрезала Германию совершенно от ввоза продовольствия, она не только мешала необходимому Германии в военных условиях увеличению ввоза, но свела к минимуму возможность снабже-

---

[1] Der Grosse Krieg 1914 — 18. — Herausgegeben von M. Schwarte, 1923, т. 9, стр. 41.

ния Германии извне. Германии больше всего приходилось рассчитывать на свои собственные силы.

„Это наше счастье, что мы на ряду с индустриализацией обладали и высоко развитым сельским хозяйством — пишет Гармс — и если в последние годы войны Германия стояла в полном смысле слова перед голодом, то это не противоречит сказанному, ибо растущий недостаток рабочей силы, удобрений, машин и орудий естественно должен был постоянно уменьшать производительность земли“.

В связи с неверными представлениями о том, что война кончится раньше, чем иссякнет продовольствие, в Германии не был осуществлен проект организации широкой сети хлебных магазинов, кроме этого, в первые недели продукты продовольствия не экономили, хлеб и картофель, каждый грамм которых впоследствии строго учитывался при снабжении населения, шел в огромных количествах на корм скоту. На основании этого опыта необходимо притти к заключению, что в случае войны нужно немедленно приступить к экономному распределению *всех без исключения имеющихся запасов*, независимо от оптимистических представлений о непродолжительности войны и в особенности в тех странах, которые не могут рассчитывать на значительную помощь из-за границы.

В этом отношении печальный опыт Германии должен быть учтен полностью.

Только 24 августа было объявлено об учете запасов предметов повседневного потребления, особенно о продовольственных и кормовых средствах, а также о сырых натуральных продуктах, отопительных и осветительных материалах.

4 ноября были введены предельные цены на хлеб, ячмень и отруби. 25 ноября было учреждено военно-

хлебное общество (Kriegsgetreidegesellschaft), за которым законом от 21 января 1915 г. закрепляются все запасы пшеницы и ржи, которые реквизируются государством. Законом от 28 июня 1915 г. реквизируется также и весь хлеб на корню и поступает в распоряжение объединений местных общин (Kommunalverbände). Наблюдение переходит к Государственному управлению зерновыми продуктами. В марте 1915 г. была централизована торговля кормовыми средствами (специальная организация немецких сельских хозяев с правительственными полномочиями).

В декабре 1914 г. распоряжением правительства была введена обязательная примесь картофельной муки при выпечке хлеба. Если картофельной муки было более 5%, то на хлебе должен был быть оттиск буквы „К“. Примесь картофельной муки в 1915 г. достигала 30%, а позже и 40%. Уже с зимы 1916 г. к хлебу стали примешивать репу, солому, иногда древесную муку. Довоенная мука была 65-процентного помола, а в 1917 г. — 82-процентного помола, в 1918 г. — 94-процентного.

С 31 декабря 1914 г. предельные цены подымались 1-го и 15-го числа каждого месяца на 1,5 марки за тонну хлеба и на 0,50 марок за двойной центнер отрубей. Правительство рассчитывало, что фактические цены будут ниже максимальных, эти же последние вскоре превратились в твердые цены. Появилась спекулятивная торговля из-под полы, принявшая грандиозные размеры. В апреле 1915 г. создается Центральное управление по снабжению картофелем, а в марте 1916 г. — Управление пищевыми жирами. Летом хлебная 1917 г. монополия охватывает почти все зерновые и стручковые продукты сельского хозяйства.

Тяжелое положение с продовольствием диктовало необходимость большей централизации, и 22 мая 1916 г. по постановлению Союзного совета организуется ведом-

ство продовольствия, которому подчиняются все управления, общества и организации, регулирующие отдельные отрасли сельского хозяйства. К концу войны в области регулирования только пищевых продуктов существовало 16 государственных управлений и, кроме того, 26 коммерческих обществ с ограниченной ответственностью.

Явный недостаток зерновых хлебов вызвал стремление всемерной замены их избыточными продуктами: картофелем, сахарной свекловицей и брюквой. Казалось, что запасы сахара неисчерпаемы, и распоряжением правительства от 4 марта 1915 г. площадь посевов под сахарной свекловицей была уменьшена на 33% с целью замены ее посевами зерновых хлебов. Однако сбор сахарной свеклы с гектара упал с 318 двойных центнеров до 240, потребление увеличилось; из-за недостатка жиров вырос спрос на мармелад, увеличилось производство спирта из-за недостатка бензина. Кроме того увеличился спрос военного ведомства, ибо при изготовлении сахара получается глицерин, необходимый в качестве теплохранителя для походных кухонь, а также для производства одного из важнейших взрывчатых веществ. Добывать же глицерин из жиров было почти невозможно из-за огромного недостатка в них и, наконец, сахар и сахарная свекла скармливались скоту. Все эти причины повели к тому, что уже летом 1916 г. сахара стало явно нехватать, в 1916/17 г. сахарный паек содержал уже 800 г на голову в месяц и в промышленности приходилось заменять сахар сахарином. Регулирование потребления картофеля наступило на 8 месяцев позже начала войны, когда появились явные признаки недостатка и картофеля (в 1916 г. устанавливается ограничение потребления картофеля и брюквы), тогда как наступление картофельного голода можно было бы задержать, если бы к регулированию приступили своевременно.

*

Зерновые хлеба считались недостаточным продуктом, их всемерно заменяли картофелем и сахарной свекловицей, которые тратились безрассудно; в результате уже с 1916 г. наступает недостаток и этих двух продуктов.

С потреблением мяса произошло то же самое (см. ниже).

Это второй урок, получаемый на основе опыта Германии: замена достаточных продуктов недостаточными ведет к усиленному потреблению последних, которых в свою очередь начинает нехватать. Отсюда вывод: *в условиях войны и блокады необходимо в равной степени экономное и плановое распределение как недостаточных продуктов, так и продуктов, имеющихся в избытке.*

Ярким примером взаимной зависимости всех отраслей народного хозяйства друг от друга является положение со скотом в Германии во время войны. В Германии было достаточно мяса, но нехватало фуража. Выше нами приводились данные, из которых явствовало, что из продуктов продовольствия наибольшей была зависимость Германии от ввоза кормов. Недостаток кормовых средств, появившийся в самом начале войны, вызвал стремление ко всяческой замене их суррогатами, как торфяное сено, торфяная мука и кормовая известь. Первые два служили только для примеси к особо питательным средствам, как сахар и др. Один из авторов уже цитированного нами большого коллективного исследования (Der Grosse Krieg 1914 — 1918. Изд. Schwarte) констатирует, что немецкая наука принесла огромную пользу в области создания кормовых суррогатов, однако промышленность по изготовлению суррогатов не была достаточно использована, так как сжималась из-за недостатка угля и развернулась только к наступлению мира. По предложению некоего учителя из Тюрингии, осенью 1917 г. была использована в качестве корма листва, которой набрали к началу авгу-

ста 1918 г. более 900 тыс. центнеров (главным образом ученики городских школ). При смешивании с некоторыми другими веществами это количество соответствовало 21 тыс. *т* готового корма. Одновременно правительство уменьшило производство пищевой промышленности с целью направления излишков для непосредственного питания (уменьшение производства пива, уменьшение посевов свеклы). Потребление пива в Германии уменьшилось до 23 876 тыс. гектолитров в 1918 г. (в 1913 г.—68 818 тыс. гектолитров).[1]

Все же эти мероприятия не могли значительно уменьшить фуражный кризис, болезненно задевавший и остальные отрасли сельского хозяйства. Для замены неввезенных кормов потребовалось бы 26 млн *т* картофеля, т. е. половина урожая мирного времени. С другой стороны, с призывом в армию 11 млн человек высокое потребление мяса еще более увеличилось. Цены на мясо оставались высокими, так как аграрии сопротивлялись установлению твердых цен. Все эти условия вели к скармливанию скоту зерна, картофеля и свекловицы. Правительство вначале пыталось сохранить имевшееся наличие скота, но в связи с тем, что уже в 1915 г. урожай грубых кормов сократился на 20% по сравнению с урожаем 1914 г., остро встал вопрос, что важнее: сохранение скота для обеспечения мясом населения или уменьшение скота (в первую очередь свиней), чтобы помешать скармливанию скоту необходимых для питания людей продуктов.

В результате этой „конкуренции“ свиней в январе 1915 г. было издано постановление о частичном убое свиней, и к апрелю 1915 г. количество свиней уменьшилось по сравнению с декабрем 1914 г. на 35% (8,7 млн штук).

---

[1] Эта мера вызвала увеличение потребления вина и значительный рост цен на вино.

Уменьшение свиней повысило цены на свинину, а это толкало к усиленному производству свиней и, следовательно, к скармливанию им картофеля и других продуктов. Получился порочный круг. Благодаря противоречивым и нерешительным действиям правительства ему так и не удалось установить равновесие между скотом и кормом. С 1916 г. приходится уже стремиться к сохранению существующего количества скота из-за недостатка мяса. С лета 1916 г. начинается регулирование убоя скота и потребления мяса. Но было уже поздно. В 1917 г. нехватает ни мяса, ни кормов. В 1917 г. из-за отсутствия картофеля снова начинается усиленный убой скота. Весной 1918 г. Мюнхенское общество врачей потребовало оставить на всю Германию лишь 7-8 млн свиней. Это требование не было осуществлено, так как оно повлекло бы уменьшение (из-за увеличения убоя) рогатого скота. Мясо мелкого скота не было нормировано, что создало значительный рост мелкого животноводства. Широкое развитие получило изготовление колбас из козьего мяса.

С октября 1915 г. вводится ограничение потребления мяса, а с августа 1916 г. — жесткие нормы: 250 *г* мяса с костями и 200 *г* мяса без костей в неделю на человека. Для производителей нормы были выше — $^5/_3$ общей. Эти нормы составляли в среднем уменьшение в четыре раза по сравнению с довоенным временем. Качество молока значительно ухудшилось.

Рыба не сыграла большой роли в качестве замены мяса. Очень плохо обстояло дело с жирами. Ввоз сала, ввозившегося из САСШ, по вступлении их в войну в 1917 г. прекратился. Имели место попытки добывать в пищу жир из различного рода отбросов и трупов животных. Растительные жиры пробовали добывать из плодовых зерен, буковых желудей и т. д.

Выше нами уже приводились данные о катастрофиче-

ском падении потребления кофе и какао в Германии из-за прекращения вывоза их нейтральными странами под давлением Англии. [1]

Отсутствие этих продуктов было чувствительным ударом для населения Германии, потреблявшего 23% всего мирового потребления какао и (вместе с Австрией) половину всего европейского потребления кофе. Основанное в апреле 1916 г. специальное Военное бюро по снабжению кофе, какао, чаем и их суррогатами реквизировало все запасы кофе, превышавшие 600 *кг.* на одного владельца. Кофе и какао шли в продажу только по определенным ценам и в определенной смеси с суррогатами. Еще хуже было положение с чаем. Весной 1916 г. весь чай в Германии в количестве 3 500 *т* был реквизирован, но большая часть шла армии и флоту, население же пило липовый и др. „немецкие" чаи. Все эти меры не отвратили полного кризиса в снабжении этими продуктами.

На фрукты также существовали твердые цены (сначала на сливы, яблоки, а затем и на все остальные). Имперское бюро по снабжению фруктами распределяло варенье и „военное желе" (варенье, смешанное с морковью). Положение с фруктами было сравнительно благоприятно, ибо бюро удалось довести импорт фруктов до уровня мирного времени. В табаке, этом важном продукте, в особенности для потребности армии, чувствовался большой недостаток. По данным Statistisches Jahrbuch за 1921/22 г. потребление готового к производству сырого табаку составляло [1] (см табл. на стр. 120):

---

[1] Заслуживает внимания то обстоятельство, что нейтралы поддавались давлению союзников в области прекращения ввоза в Германию именно тех продуктов, которые они сами получали из заокеанских стран: кофе, какао, нефть, каучук и т. д. Наоборот, ввоз в Германию продуктов собственного производства, как сыр, масло, яйца и т. п., несмотря на все усилия союзников, увеличили (см. стр. 82).

Годы	Общее потребление (в тоннах)	На голову населения (в кг)
1913	104 394	1,5
1917	82 332	1,2
1918	45 928	0,7

Недостаток табака привел к созданию „табака военного времени“ из 85% буковых листьев и 15% табака.

Огромный недостаток в естественных предметах продовольствия вызвал организацию специальной суррогатной промышленности. К моменту окончания войны было разрешено изготовлять 10 695 суррогатов предметов питания, распределявшихся на 87 групп. Основные: колбасных суррогатов — 837, супов — 849, кофе — 511, порошков для печений — 511, пива — 277, лимонадов 1 535, чая — 190 и т. п. (Гриневич. Народное хозяйство Германии).

Раньше чем перейти к описанию результатов „голодной блокады“ Германии, необходимо остановиться на характере производства и распределения продовольствия в Германии во время войны. Несмотря на то, что в Германии за этот период существовал своего рода „военный социализм“, все мероприятия правительства, исходившие в основном из стремления экономно расходовать скудные запасы продовольствия, проходили под знаком зависимости правительства от аграриев, прибыли которых падали от этих мероприятий, под знаком противоположности интересов сельских хозяев и остального населения, под знаком противоречий между деревней и городом.

Как правильно указывает Гриневич, в первый год войны государство стремилось в области установления предельных цен сделать их „соразмерными“, т. е. помешать спекуляции из-за отсутствия конкуренции, не особенно сдерживая аппетиты производителя и торговца,

Это повело к сильному повышению цен на продукты первой необходимости.[1] Тогда в июле 1915 г. устанавливается принцип „справедливой цены“, заключающийся в том, что прибыль производителя и продавца не должна превышать средней нормальной прибыли мирного времени. Повышенная прибыль запрещается и рассматривается как прибыль ростовщическая. Несмотря на относительную „справедливость“ этой „справедливой“ цены, правительство вынуждено было систематически повышать цены, чтобы способствовать увеличению производства необходимых продуктов, ибо при несоответствии цен продукты исчезали с рынка; картофель и хлеб скармливались скоту, коровье масло портилось и сдавалось в качестве смазочного материала и т. п.

Иллюстрацией того, насколько велико значение правильного регулирования цен при наличии мелкой частнособственнической системы является следующий факт: весной 1916 г. германское правительство совершило ошибку, установив заготовительную цену на картофель в 4 марки за центнер (центнер — 100 немецких фунтов, немецкий фунт — 500 г) и 2,5 марки за центнер брюквы. Этим самым оно вызвало уменьшение площади под картофелем почти на 30%, ибо с одного моргена (около 1/4 десятины) можно собрать в лучшем случае 80 — 100 центнеров картофеля или 350 — 450 центнеров брюквы. Засевая поле картофелем, крестьянин получал в лучшем случае 320 — 400 марок, а брюквой — 875 — 1 125 марок. Это было одной из основных причин сокращения урожая картофеля вдвое по сравнению со средним урожаем довоенного времени. В 1917 г. было установлено, что даже

[1] По расчетам Кальвера, если среднюю стоимость недельного потребления семьи из 4-х человек принять за 100, то рост цен будет следующий: 1914 г. — 103,21 марки, 1915 г. — 145,84 марки, 1916 г. — 202,34 марки, 1917 г. — 217,71 марки, 1918 г. — 234,75 марки.

из катастрофически малого урожая картофеля в 24 млн *т* — 6 млн *т* пропало бесследно. Оказывается, крестьяне предпочли кормить картофелем своих свиней, так как при высоких ценах на мясо это им приносило больше прибыли, чем доставка картофеля в голодающие города.[1] Питание производителей было значительно выше, чем остальной массы населения. Как указывает Ларин,[2] помещики и крупные крестьяне оставляли для себя больше продовольствия, чем им полагалось по закону, они припрятывали припасы и сбывали их зажиточным горожанам прямо или через особые агентуры по нелегальной торговле продовольствием. Считается, что благодаря объединению зажиточных города и деревни эти последние, представляющие около $^{1}/_{5}$ всего населения Германии, питаются немногим хуже, чем в мирное время, остальные же $^{4}/_{5}$ населения получали в 1917 г. на $^{1}/_{4}$ меньше того количества пищи, которое они могли бы иметь при вполне справедливом распределении. Несмотря на то, что германской организации снабжения продовольствием удалось обеспечить население минимальным количеством продуктов, главной ошибкой было то, что к всеобъемлющей централизации приступили слишком поздно и проводили ее слишком нерешительно. Поэтому, если бы и не наступило перемирия, германскую систему снабжения хлебом все равно через несколько месяцев ожидало крушение.

В 1917 г. Германия переживала уже явный голод. В среднем на человека приходилось в день 250 *г* хлеба, иногда немного меньше, мяса — 250 *г* в неделю, картофеля — 500 *г* в день, в периоды достаточного снабжения

[1] См. Р. Мюллер. — Мировая война и германская революция. Русский перевод, М., 1927, т. I, стр. 72.

[2] Государственный капитализм военного времени в Германии. Гиз, 1928, стр. 225.

яиц — 1 штука в неделю, затем 1 штука в месяц, затем выдача их совсем прекратилась. Молоко получали только дети, больные, беременные и кормящие матери, сахар заменялся сахарином. По данным министерства народного здравия потребление до войны и установленные нормы составляли:

ДО ВОЙНЫ

Мяса	1 050 г	в неделю на чел.
Хлеба	320 „	в день (без отр.)
Масла	20 „	+ 8 г раст. масла

ЛЕТОМ 1918 г.

Мяса	135 г	в нед. на челов.
Хлеба	100 „	в день (с отр.)
Масла	7 „	(масло и марг.)

В общем, в последний год войны потребление населения Германии упало более чем на $^1/_3$ по сравнению с мирным временем. Только рационы раннего детского возраста были достаточны. Д-р Бардах указывает, что голодная блокада уменьшила питание с 3 650 — 3180 калорий на единицу населения в мирное время до 1 800 — 1 000 калорий во время войны. Довоенное потребление слагалось из 83,0 белков, 99,0 жиров и 467,0 углеводов; военный рацион содержал 57,0 белков, 31 жиров и 308,0 углеводов.[1]

Продовольственное положение армии было несколько лучше, хотя вкусовые вещества почти исчезли и пища была слишком однообразна.

Порцион хлеба был установлен в 750 г. В марте 1917 г. он был снижен до 500 г. Прежний размер был

[1] Для сравнения приведем данные о потреблении в Англии на голову населения в неделю (в английских фунтах, до войны и в 1918 г.): хлеб и масло — 6,12, 6,57; мясные продукты — 2,50, 1,54; сало — 0,51, 0,45.

оставлен только находящимся в бою частям и, в течение 10 дней, частям, вернувшимся из боя. Порцион мяса в армии составлял 250 *г*, считая 6 мясных дней, причем на передовых линиях он подымался до 300 *г*. Особенно ухудшилось положение с жирами. В мае 1918 г. находившиеся в боях части должны были в течение 15 дней снабжаться вместо жиров мармеладом и искусственным медом.

Зато правительство обеспечило семьи своих борцов. Жена простого солдата в первые месяцы войны до октября получала 9 марок, затем дети и родственники по восходящей линии получали по 6 марок. Для семьи с двумя детьми это соответствовало $^1/_{10}$ среднего месячного заработка берлинского рабочего-металлиста!

Приведенные выше данные об уменьшении потребления населения Германии во время войны представляют собою *средние* величины. Однако иная картина получиться, если рассматривать рационы различных групп населения.

Весьма интересные данные приводятся Лариным. Он указывает, что если сравнить средний душевой рацион „аграрного" населения (24%) всего населения) и средний душевой рацион всех остальных 76% населения, то получится, что средний рацион „аграрных" на третьем году войны составит 2 500 калорий в день, а средний рацион прочих жителей 2 000 калорий (подчеркиваем, что в 1917 и 1918 гг. нормы были еще меньше). Иначе говоря, аграрное население не только наживается на счет потребителя, но и питается на четверть лучше. [1] Однако и среди остальных 76% населения потребление было не равномерно, ибо состоятельные классы могли увеличивать свое потребление за счет ненормированных продуктов,

[1] Ларин, цит. соч., стр. 256 и 258.

а также за счет нелегальных покупок по высоким ценам.

По данным Ларина в абсолютных цифрах средние душевые рационы Германии на третьем году войны (в калориях и без мобилизованных) составляли: для малоимущих — 1951 калорию, для зажиточных — 2 348, для всего населения — 2125. Если сравнить отношение фактического потребления к необходимому физиологическому минимуму, то получится, что малоимущее население в общем получало в 1916 г. на 17% меньше чем ему необходимо, а зажиточные получали на 21% больше, чем с них было бы достаточно при их образе жизни, если бы ограничить их физиологическим минимумом. Эти данные выпукло обрисовывают то положение, что по существу длительная война ведется за счет недопотребления народных масс. По данным „Комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля“ при русском министерстве торговли и промышленности потребление населения Германии уменьшилось не менее чем на 5 — 7 млрд марок в год (некоторые авторы повышают это цифру до 15 млрд). Эти сбережения, а также ежегодные обычные сбережения (более 8 млрд марок в год) в значительной степени могли оплатить стоимость войны. Этим и объясняется грандиозный успех германских внутренних займов.

Результатом голодной блокады Германии было уменьшение работоспособности населения, понижение сопротивляемости и увеличение заболеваемости. До войны в Германии на 10 тыс. человек умирало от туберкулеза 14 человек, а в 1918 г. — 32. Особенное распространение получили желудочно-кишечные заболевания, болезни печени и обмена веществ. Отсутствие дезинфекционных средств повело к распространению заразных болезней. Смертность увеличивалась с каждым годом; по сравне-

нию с 1913 г. процент увеличения будет следующий: 1915 г. — 9,5%, 1916 г. — 14,3%, 1917 г. — 32,2%, — 1918 г. 37%, а всего за четыре года увеличение смертности по сравнению с нормальной составляет более 760 тыс. человек. Уменьшение рождаемости за четыре года войны германское министерство здравоохранения определяет около 4 млн, считая, что $^1/_4$ этого числа — следствие блокады. Не говоря уже об угрозе будущему культурному и материальному развитию германского народа, физическое истощение германского населения ослабляло способность Германии к сопротивлению. Людендорф жалуется, „что упадок патриотизма и пацифисткие настроения в некоторых кругах немецкого народа“ в значительной степени объясняются недоеданием. „Неприятельская голодная блокада торжествовала, — говорит он, — она обедняла нас не только физически, но и морально“ (стр. 281). В последний год войны войска кричали идущим в атаку частям: „затягиватели войны“, „штрейкбрехеры“ и т. п.

Представитель юнкерских кругов — Людендорф не понимает, что Германия во время войны представляла собою достаточно благоприятную почву для развития революционных процессов, противоречия классовых интересов проявились здесь с достаточной яркостью и никакой военный „социализм“ не сумел уменьшить эту остроту. Буржуазное государство не сумело сгладить все эти противоречия, особенно отчетливо выступившие на фоне общей нужды, хотя и делало известные попытки в этом направлении, ибо это было необходимо в интересах ведения войны.

Мы уже видели, как аграрии наживались во время войны на общем недостатке средств питания. Прибыли предпринимателей также сильно увеличивались на ряду с отставанием реальной заработной платы пролетариата

от роста цен при наличии чудовищной эксплуатации (см. ниже).

Война ведется против интересов народных масс и за счет этих масс, это опасная игра для буржуазии, и в этой игре германская буржуазия просчиталась, так же как и буржуазия некоторых других стран.

Буржуазии ненадолго удалось установить „бургфриден“ (примирение классов). „Как только машина современной войны заработала и превратила весь мир в человеческую бойню, — пишет Мюллер. — капиталистические фабрики, работающие на войну, стали процветать, а нужда масс взывать к небу, патриотический угар исчез и продолжительное похмелье охватило общество“.

Выше нами уже было отмечено, что германская промышленность находилась в еще большей зависимости от ввоза иностранного сырья, чем питание населения — от ввоза продовольствия. Сельскохозяйственная база Германии была формально менее уязвима в этом отношении, чем ее промышленная база.

Все же, хотя планомерное регулирование военной промышленности стали проводить более своевременно и вмешательство государства было здесь значительно глубже, и в области организации германской промышленности во время войны также наблюдался ряд жестоких просчетов и ошибок. При этом нужно отметить, что плановая организация промышленности гораздо менее сложна, чем такая же организация сельского хозяйства с огромным количеством мелких собственников и распыленностью всего производства. Это преимущество планомерной организации промышленности в особенности относится к Германии, где концентрация промышленности зашла очень далеко (уже в 1907 г. насчитывалось более 1 400 огромных предприятий со средним количеством более 1 тыс. рабочих на одно предприятие) и где в 1913 г.

вместе с местными соглашениями насчитывалось 600 картелей, а важнейшие отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности, как по добыче угля, так и химическая, металлообрабатывающая и др., были почти целиком синдицированы.

Разразившийся в первые недели войны серьезный кризис угрожал гибелью хозяйственной сопротивляемости Германии в ближайшее же время, и, вероятно, Германия не долго могла бы продолжать борьбу, если бы правительство и руководители ее промышленности не попытались предотвратить катастрофу путем планомерной организации всей германской промышленности.

Уже 8 августа 1914 г. был образован Военный комитет германской промышленности, образованный двумя главными промышленными организациями Германии: центральным объединением германской промышленности и союзом промышленников, который ставил себе следующие основные задачи в области хозяйственной мобилизации (цит. по Диксу. Война и народное хозяйство).

„Планомерное сотрудничество всех существующих промышленных организаций для полного привлечения и целесообразного использования всех национальных хозяйственных сил не только для целей военной обороны страны, но и для обеспечения на время войны внутренних потребностей. Обеспечение систематического распределения рабочей силы в интересах как промышленности, так и сельского хозяйства. Поддержку и предоставление заказов пострадавшим от войны отраслям промышленности; организацию возможно более быстрого размещения государственных заказов ведомств.

В этом пункте коренилась одна из основных задач Военного комитета, заключавшаяся в постоянной связи с военным и морским министерствами для обеспечения своевременного и аккуратного исполнения заказов и по-

ставок на военные цели. Кроме Центрального возник ряд местных военных комитетов. Высокая техника облегчила переход промышленности на изготовление военных материалов. Велосипедные фабрики стали изготовлять кровати для лазаретов, электрические предприятия — пуговицы, швейные фабрики — шрапнели и т. д. Даже игрушечная промышленность приспособилась к требованиям войны, изготовляя запалы. Почти одновременно с Военным комитетом при прусском военном министерстве был учрежден отдел по заготовке сырья, созданный по инициативе Вальтера Ратенау, который один из первых учел длительность войны и необходимость хозяйственной независимости Германии. Вначале этот отдел состоял из трех человек вместе с самим Ратенау, после его ухода [его заменил майор Кет (Koeth), оставшийся на этой должности до самого конца войны] отдел военного сырья был уже основой всей военной промышленности. Отдел военного сырья приступил к учету всех имеющихся запасов промышленного сырья и к планомерному их распределению. Его роль в области снабжения германской промышленности сырьем была чрезвычайно велика.

На ряду с указанным отделом был организован ряд военносырьевых обществ, формально представлявших собою акционерные общества с определенным капиталом, вложенным их участниками. На их обязанности лежало, кроме регулирования распределения, также борьба с повышением цен. Постепенно эти организации все более превращались в органы государственного управления, работающие на коммерческих началах. С течением времени и Военный комитет со всеми подчиненными ему обществами становился органом государственной власти, хотя и сохранял формально свою самостоятельность.

Так с каждым следующим годом войны усиливалась централизация управления всей промышленностью и все

больше переплетались государственные формы регулирования с частнохозяйственными. В первые два года войны если и удалось организовать работу промышленности и ликвидировать безработицу, которая к началу 1916 г. совершенно исчезла и сменилась острым недостатком рабочих рук, с чем боролись вовлечением в производство подростков и женщин, — все же в этот период организация военного хозяйства еще далеко не отвечала всем требованиям военной обстановки. Также как и в снабжении продовольствием, в области регулирования промышленности Германии сильно вредили оптимистические представления о быстром окончании войны. По вступлении Гинденбурга и Людендорфа в главное командование ими было выдвинуто летом 1916 г. требование об интенсификации промышленности и создана так называемая программа Гинденбурга — новая колоссальная программа вооружений. Все вопросы снабжения армии были сконцентрированы в учрежденном в октябре 1916 г. Военном управлении (Kriegsamt) во главе с генералом Гренером (после него — Шейхом).

Военный отдел по заготовке сырья вошел со всеми своими подразделениями в Военное управление; кроме него были образованы: отдел, ведавший мобилизацией рабочей силы, отдел продовольственный, отдел по ввозу и вывозу и самый важный — отдел по доставке оружия и аммуниции — Wumba (Waffen und Munitionsbeschaffungsamt).

С этого времени начинается более планомерное регулирование всей хозяйственной жизни Германии, меняются основы распределения сырья между предприятиями: оставляются только наиболее производительные, а менее продуктивные закрываются. И как завершение этой системы, милитаризируется все гражданское население страны законом от 22 ноября 1916 г. об отечественной

вспомогательной службе, на основании которого каждый мужчина-немец от 17 до 60 лет, если он не работает в отраслях народного хозяйства, служащих прямо или косвенно целям войны, может быть призван к несению отечественной вспомогательной службы. Этим законом почти никаких новых рабочих кадров в народное хозяйство не вливалось; он был нужен правящим классам для прикрепления пролетариата к работе для военных нужд.

Такова в общих чертах не имевшая до этого времени образца в истории система организации германского народного хозяйства во время войны. Она дала Германии возможность с невиданным упорством сопротивляться против более сильных противников, но одновременно таила в себе, как мы увидим ниже, глубокие внутренние противоречия, неизбежным результатом которых рано или поздно должна была быть гибель всей системы и поражение Германии.

Мы уже видели, что самым слабым местом Германии была ее огромная зависимость от ввоза продовольствия и в особенности промышленного сырья. Даже без наличия блокады, одно состояние войны с союзниками должно было значительно уменьшить снабжение германской промышленности сырьем. Одна Россия, например, давала 50% леса, почти целиком лен, коноплю и паклю, в значительном размере кожи, шкуры, нефть и т. д. Из Англии шло более 50% германского ввоза шерсти, резины, каменного угля, 30% хлопка и 100% джута и т. п. По вступлении в войну Соединенных штатов должен был прекратиться совершенно ввоз хлопка, меди и т. д. Несмотря на эти угрожающие признаки, до лета 1915 г. не было определенного разработанного плана организации снабжения промышленности сырьем на длительный срок. Предположения о скором окончании войны и значительные запасы сырья, захваченные в оккупиро-

*

ванных областях (в Бельгии было захвачено на десятки миллионов франков шерсти, хлопка, кож и другого сырья, в Польше—значительные запасы хлопка, в северной, промышленной Франции было реквизировано товаров на сумму до 1 млрд франков), создавали ложное представление о сравнительной обеспеченности сырьем. Нужно добавить, что в первый год войны блокада далеко не была полной, нейтралы усиленно торговали с Германией и выступление Соединенных штатов казалось мало вероятным. За этот период не было еще достаточного учета имеющихся запасов, не принималось мер к увеличению собственного производства и уменьшению потребления, а также к установлению равновесия между имеющимися запасами и потребностью. В это время снабжение военной промышленности сырьем опиралось на так называемое „наложение запрещения“. Это новое, созданное войной понятие означало, что данное сырье находится в распоряжении военного ведомства. Однако из „наложения запрещения“ не вытекало, что данный товар подлежит безусловному отчуждению; владельцы обязаны были только вести точный учет имеющихся у них запасов, имея право продавать его, перевозить и т. д., но только с одним условием: подвергшееся „наложению запрещения“ сырье должно было итти исключительно на военные цели.

Только с середины 1915 г. руководящие круги в Германии поняли, что предстоит длительная и жестокая экономическая борьба, и отрезанная от ввоза Германия сможет ее выдержать только при наличии самых решительных мер в области планового регулирования промышленности и экономного расходования имеющихся незначительных запасов сырья.

Полковник Кет, руководивший после Ратенау всем снабжением германской промышленности сырьем до са-

мого конца войны, в своей статье в „Handbuch der Politik“ за 1920 г. (Oberst Koeth, Rohstoffbewirtschaftung) указывает, что изолированная Германия должна была вести эту „борьбу за существование“ в условиях неизвестной продолжительности войны. Именно поэтому, при регулировании снабжения сырьем, нельзя было создавать фантастические планы, а требовалось оперирование точными числами.

Была составлена формула: $D = \frac{M}{V - Z}$, где большое D означало срок обеспечения, время покрытия в месяцах (Deckungsdauer in Monaten), большое M — наличие запасов (Mengen in Mobilen Beständen), V — месячное потребление (Monatlicher Verbrauch) и Z — месячное увеличение (Monatlicher Zuwachs).

Под наличием запасов (M) понималось все количество сырья, которое было в твердом распоряжении, путем ли наложения запрещения, ввоза из оккупированных областей или нейтральных стран, покупок и т. п. Подсчет этих данных не встретил особенных затруднений. Сложнее было раскрыть V — месячное потребление. Здесь необходимо было учесть значительную разницу между потреблением на военные цели и потреблением на мирные цели. Установить первые потребности было много труднее из-за неопределенности и непостоянства военной обстановки. Все же, это неизвестное после длительной и упорной работы удалось заменить более или менее достоверными цифрами. В определении большого Z также не было ясности: не было данных о планомерном расширении внутреннего производства и данных о целесообразном использовании имеющихся внутри страны запасов сырья. Только после нескольких мало удачных вычислений с коэффициентами пришли к сравнительно приемлемым результатам. Но главное затруднение в по-

строении хозяйственного плана заключалось в неизвестности длительности войны. Эту неизвестность нужно было заменить каким-то сроком, ограничить длительность войны определенным временем. И тогда возник хозяйственный план, рассчитанный еще на три года войны, считая с 1/I — 1916 г.

При замене неизвестных имеющимися данными получилась ясная картина степени обеспеченности Германии промышленным сырьем еще на три года войны, причем отчетливо выявилась опасность нехватки сырья на указанный срок из-за слишком большого V (месячного потребления). Отсюда вытекала необходимость приложить все усилия к увеличению M (наличных запасов) и Z (месячного прироста) и к уменьшению V (месячного потребления).

При помощи вычисленных данных была создана трехлетняя программа снабжения сырьем и разбита на полугодия, на основе которых вычислялись месячные контингенты. Программе была придана известная гибкость, необходимая в военных условиях, когда при изменении военного положения менялись и потребности.

Летом 1916 г. была создана „программа Гинденбурга“, по словам полковника Кет, превосходившая хозяйственные возможности страны, и с этого момента начинается третий и последний период организации управления и снабжения промышленности Германии, вся тяжесть которого ложилась на вновь организованное Военное управление.

Теоретически установив угрозу остановки германской промышленности из-за недостатка сырья, вследствие слишком большой потребности по сравнению с имеющимися запасами, немцы энергично взялись за сокращение потребления путем более планомерного распределения и экономного использования — с одной стороны, и за всемерное увеличение запасов сырья — с другой.

Были использованы все уже не разрабатывающиеся рудники и шахты внутри страны, у союзников, в оккупированных областях, а также приняты все меры к поднятию добычи в работающих копях. В Саксонии стали добывать вольфрам, увеличили добычу лотарингской руды, стали добывать медь в Сербии, привели в порядок нефтяное хозяйство в Румынии, увеличили производство алюминия, которым заменяли медь, увеличили посевы масличных растений и т. д. (Характерно, что Голландия из-за высоких цен, платимых немцами, увеличила свои посевы льна в 1916 г. вдвое по сравнению с 1914 г.) На ряду с этим приступили к реквизиции у гражданского населения всех изделий из недостающего сырья, которые обращали в сырье для нужд военной промышленности. Были реквизированы церковные колокола, медные крыши, медные печные заслонки и дверные ручки, домашняя посуда, волокнистые материалы. Изъяты из обращения никкелевые монеты... старые фабричные здания ломали для получения железного лома...

Но этого было недостаточно, и тогда вводятся жесткие ограничения в области потребления гражданским населением кожевенных и шерстяных изделий (сдача населением всей одежды выше установленных норм, карточная система), на ряду с принудительным уменьшением производства изделий из шерсти, хлопка и кожи для нужд гражданского населения. Позже эти мероприятия распространяются и на все остальные виды сырья, необходимого для нужд военной промышленности, как металлы, каучук, химпродукты, керосин и т. д. И, наконец, самым существенным мероприятием изолированной Германии была замена недостающего сырья суррогатами, принявшая во время войны такие размеры, что все хозяйство Германии в этот период может быть названо „суррогатным хозяйством". Огромным достижениям в

этой области Германия обязана блестящему развитию ее науки и техники, давшим возможность изолированной Германии четыре с половиной года бороться против превосходящих ее силами противников.

Выше нами уже приводились данные об огромном значении для Германии ввоза чилийской селитры, необходимой в качестве удобрений и для производства взрывчатых веществ. Недостаток в этом продукте был замещен открытием Габера, создавшим возможность добывать азот из воздуха. Недостаток хлопчатой бумаги покрывался заменой ее целлюлозой. Помимо селитры и хлопчатой бумаги германское производство взрывчатых веществ было лишено из-за блокады также ряда других необходимых продуктов, но и здесь германской технике удалось парализовать этот недостаток рядом ценных открытий.[1]

Серную кислоту, добывающуюся из серного колчедана, немцы стали добывать из гипса. Были сделаны попытки получения резины из спирта (не вполне удачные), а спирт добывали вместо растительных продуктов из угля и извести и отбросов целлулоидного производства. Особенно тяжело было положение с каучуком, потребление которого катастрофически падало: в 1913 г. 14,4 млн *т*, в 1916 г. — 3 млн *т*, в 1917 г. — 2 млн *т*, в 1918 г. 1 млн *т* (на ряду с этим потребление каучука в Великобритании за те же годы почти не изменилось, во Франции — поднялось больше чем в два раза). В связи с колоссальным недостатком резины в потреблении гражданского населения она заменилась целиком суррогатами. Резиновые изоляторы заменялись изоляторами из бумаги. Автомобильные шины заменялись пружинящими

---

[1] Об этом см. Die Organisation der Kriegsführung, изд. Schwarte, Erste Abteilung, 1921, стр. 89 — 93.

металлическими шинами. Очень тяжелое положение было с нефтью, недостаток которой к концу войны принял катастрофический характер. Недостаток керосина привел к переходу некоторых небольших городов и деревень на электрическое освещение, но все же в большинстве деревень население по вечерам сидело в темноте. Движение легковых автомобилей все более ограничивалось, грузовиков сокращалось. Движение частных автомобилей почти совсем прекратилось. Значительным облегчением было занятие Румынии, где немцам удалось поднять добычу нефти, несмотря на значительные разрушения, произведенные англичанами.

Все же топливный вопрос оставался наиболее острым и, по свидетельству германских военных авторитетов, сильно затруднял ведение войны. Можно признать, что из всех видов сырья болезненнее всего Германия ощущала влияние блокады на снабжении ее нефтью.

„Немцы имели уголь в изобилии, но у них было мало нефти, — говорит Скотт Ниринг (Нефть и микробы войны). — Немецкие армии продвигались в поездах, либо пешком. Союзники имели нефть в изобилии. Их армии отличались большей подвижностью; их воздушный флот был лучше снабжен топливом; их субмарины имели в изобилии движущую энергию, а их боевой флот стал быстро переходить на нефтяное топливо“.

Недаром Керзон в ноябре 1918 г. заявил: „Союзники плыли к победе на волнах нефти“.

Бензин заменялся спиртом и добывался не из картофеля из-за недостатка его, а из сахара. Кальций-карбид заменял в освещении керосин. Хотя бензол и не годился для самолетов и подводных лодок, но его приходилось применять из-за нехватки бензина. Усилилась добыча и других побочных продуктов коксования: дегтярных масел, толуола, ксилола. В связи с этим в Гер-

мании увеличилось коксование: в 1914 г. — 12 млн *т* кокса, в 1918 г. — 34,4 млн *т*. Технические масла стали добывать из касторки, из нее же добывались твердые жиры. Машинное масло получали из рыбьего жира. Удалось поставить производство смазочных масел и питательных жиров из отбросов. Недостаток кожи вызвал замену кожаных приводов приводами из гибкой стали, оказавшимися лучше кожаных.

Очень тяжелое положение было с цветными металлами, особенно с медью и оловом.

Хотя добыча меди поднялась с 49 тыс. *т* в 1913 г. до 74 тыс. *т* в 1917 г., но импорт меди упал за эти же годы с 231 тыс. *т* до 12 тыс. *т*. В результате, общее потребление сократилось с 271 тыс. *т* в 1913 г. до 83 тыс. *т* в 1917 г. Добыча свинца упала с 188 тыс. *т* в 1913 г. до 86 тыс. *т* в 1917 г. За этот же период импорт свинца упал больше чем в три раза. Общее потребление свинца в Германии сократилось в 1917 г. до 102 тыс. *т* вместо 430 тыс. *т* в 1913 г.

Значительно лучше обстояло дело с цинком, хотя добыча его также сильно упала, но в связи с огромным сокращением экспорта цинка (1913 г. — 110 тыс. *т*, в 1917 г. 21 тыс. *т*) общее потребление только незначительно уменьшилось.

Наоборот, производство алюминия Германия значительно увеличила (в тыс. больших тонн) в 1913 г. — 1,0, в 1916 г. — 8,0, в 1917 г. — 20,0, в 1918 г. — 25,0.

Угрожающий недостаток ряда металлов был парализован изобретательностью германской техники. Медь и олово заменялось железом, литейной сталью, твердым деревом, медь — металлом кадмием. Белая жесть уступила место цинку и свинцу. Марганец в стали заменялся натрием и кальцированным карбидом и т. д.

Особенное развитие получили суррогаты волокнистых

веществ, ибо блокада совершенно прекратила ввоз хлопка и шерсти. Пряжу изготовляли из крапивы, из волокон торфа и водорослей, хмеля, ивовой коры, дрока и главным образом из бумаги. Бумажная пряжа выделывалась из древесного волокна: 60—65% древесной целлюлозы (окисленной) и 40% отбросов различных волокнистых веществ. Из нее изготовляли материи и ботинки с деревянной подошвой.

Из приведенных примеров видно, какую огромную пользу принесла Германии ее наука, сыгравшая решающую роль в деле обороны страны, находившейся в течение длительного периода войны в значительной степени изолированной от всего остального мирового хозяйства.

Замечание уже цитированного нами автора книги о германском народном хозяйстве во время войны — Дикса о роли науки в Германии в период блокады настолько интересно, что мы приводим его целиком: „В широких кругах довольно мало известно, чем мы обязаны науке,— пишет Дикс. — Вследствие прекращения ввоза мы должны были из окружающей нас природы добывать все необходимое сырье... Отрезанные от внешнего мира мы были бы раздавлены через несколько месяцев нашими врагами, обильно снабженными американскими снарядами, если бы мы не применили достижений науки к практическим потребностям. Профессора техники и химии хотя и не смогли прорвать кольца блокады, но оказались способными в течение пятидесяти месяцев настолько ослаблять ее уничтожающее влияние, что последовавшее в конце концов крушение объясняется не столько материальными, сколько морального свойства причинами“ (стр. 10 и 11 цит. соч.).

К „моральным“ причинам крушения мы еще вернемся, что же касается оценки значения науки, то нельзя

не согласиться с тем, что германская наука во время войны была использована целиком и результаты применения науки для военных целей были колоссальны. Еще в самом начале войны был основан Институт военно-технических знаний, имевший целью „путем совместной работы лучших научных и военных сил страны содействовать естественно-научными и техническими средствами ведению войны“. Гигантские достижения германской науки и техники во время войны объясняются „умением немцев ставить науку на службу хозяйству“ (Дикс), существованием широкой сети научно-исследовательских институтов и наличием значительных кадров специалистов-химиков и техников, обеспечивавшихся лабораторным методом преподавания в высших школах.

Все же, несмотря на огромные усилия, положение Германии во время войны было чрезвычайно тяжелым, и ее способность к сопротивлению поддерживалась только невероятным напряжением всего народного хозяйства. И на ряду с великолепной организацией в регулировании германского военного хозяйства наблюдается ряд грубых просчетов. Мы уже видели, что просчеты были в области регулирования производства и снабжения продовольствием. К рациональному использованию важнейших видов сырья приступили также только в середине 1915 г., когда в них появился уже недостаток. Такая же участь постигла уголь и железо, этих „властителей мира“, и основное сырье тяжелой индустрии, от нормальной работы которой зависит возможность продолжать военные действия. Металлургическая база центральных держав была могущественна; Германия и Австро-Венгрия в 1913 г. выплавляли на 1,5 млн *т* больше чугуна, чем Великобритания, Франция и Россия вместе.

Казалось, что угля и железа будет всегда излишек, но при проведении „программы Гинденбурга“ выясни-

лось, что их также недостаточно, и это несмотря на оккупацию Северной Франции, Бельгии и Домбровского района, где добыча угля была велика.

По данным „Statistisches Jahrbuch“ за 1921/22 г. потребление каменного угля, бурого угля, железной руды и чугуна менялось следующим образом (в тыс. метрич. тонн):

Годы	Добыча	Ввоз	Вывоз	Общее потребление.
Каменный уголь				
1913	190 109	10 540	34 598	166 051
1916	159 170	1 325	19 120	141 375
1917	167 747	506	15 230	153 023
1918	158 254	194	13 003	
Бурый уголь				
1913	87 233	6 987	60	94 160
1916	94 180	5 296	37	99 439
1917	95 543	3 917	25	99 434
Железная руда				
1913	34 984	14 024	2 613	46 395
1916	27 099	6 225	314	33 010
1917	25 018	9 004	28	33 994
Чугун	Выплавка			
1913	19 207	440	1 053	18 594
1916	13 228	265	447	13 045
1917	13 111	965	353	13 722

Выплавка стали в Германии упала с 18 925 тыс. *т* в 1913 г. до 14 104 тыс. *т* в 1918 г.

В этой таблице бросается в глаза, что цифры импорта

хотя и сильно упали, но все же оставались значительными. В этом находят себе подтверждение приводившиеся выше данные о том, что абсолютной изоляции Германии союзникам достигнуть не удалось. С другой стороны, обращает на себя внимание значительный экспорт каменного угля, уменьшившийся в 1917 г. только немного более чем в два раза по сравнению с экспортом 1913 г. Значительная величина экспорта угля объясняется тем, что нуждавшаяся в нем сама Германия вынуждена была вывозить уголь в больших количествах, чтобы в обмен на него получать из нейтральных стран необходимое ей сырье и продовольствие. Особенно сильно уменьшилось внутреннее потребление железа и чугуна, менее сильно— каменного угля, а потребление бурого угля даже несколько увеличилось.

Уменьшение добычи каменного угля и железной руды (главным образом из-за недостатка рабочих рук и падения производительности труда) наносило серьезный ущерб обороноспособности Германии, так как спрос на них за время войны вырос, из-за общих условий военной обстановки, а также в связи с необходимостью для Германии снабжать своих союзников углем и железом. Таким образом, в последние два года войны Германия испытывала недостаток и в угле, что мешало производству других необходимых продуктов и отражалось на работе железных дорог. Пришлось сократить движение пассажирских поездов и товарных поездов для частных грузов. Немцам приходилось очень бережно расходовать уголь, устанавливая точные месячные контингенты; было уменьшено уличное освещение в городах, для домашнего потребления были введены карточки на уголь и т. п. Все же уменьшение угля и железа было только затруднением, быть может и значительным, но до катастрофы, как с продовольствием, было еще далеко. Мощная промышлен-

ность Германии на протяжении всех четырех с половиной лет войны давала чувствовать своим противникам свое могущество.

Германия находилась в большей зависимости от ввоза сырья, чем от ввоза продовольствия. Казалось, что прекращение ввоза промышленного сырья должно повести к полной гибели всей германской промышленности. Однако экономное расходование имевшихся запасов, использование всех возможностей для увеличения количества сырья внутри страны, у союзников Германии и в оккупированных областях и, наконец, блестящие успехи германской техники сделали изолированную Германию на 50 месяцев более или менее независимой от внешних рынков. „Зависимость Германии от ввоза промышленного сырья была огромна“, говорит Кет. Война мыслилась как краткосрочная. Англия планомерно проводила блокаду, и уже к концу 1914 г. Германия была отрезана от ввоза необходимого ей сырья. И все же более четырех лет отрезанная Германия вела войну полная сил. По словам Кет, если бы не прекращение ввоза из Румынии и Австро-Венгрии минеральных масел, то даже при самых отрицательных условиях можно было покрыть потребность в сырье имеющимися запасами до июня 1919 г. „С сырьем — говорит Кет, — не было затруднений“.

В финансовом отношении Германия не испытывала сколько-нибудь значительных затруднений. Ранее уже указывалось, что в этой области Германия была достаточно подготовлена: золотой запас имперского банка составлял к концу 1914 г. около двух миллиардов марок, и золотое покрытие достигало несколько менее 50%.

Чисто военные расходы Германии по различным источникам составляют от 130 до 160 млрд марок, вторая цифра, вероятно, более достоверна.

Покрытие военных расходов может происходить путем увеличения налогов, увеличения выпуска бумажных денег и займами. К концу 1917 г. в Германии находилось в обращении денежных знаков на 11,5 млрд марок, такую же сумму дали прямые и косвенные налоги за 1914—18 гг. Отсюда видно, что не поступлениями из этих источников правительство стремилось финансировать войну, учитывая, видимо, опасности, вытекающие отсюда, ибо значительное увеличение налогов могло вызвать недовольство населения, увеличение выпуска бумажных денег — обесценение их. Оставались внутренние займы, так как значительных внешних займов Германия заключить не могла.

Мы не будем здесь рассматривать вопроса, насколько отсутствие внешних займов отрицательно отражается на народном хозяйстве ведущей войну страны, затрагивает ее основной капитал или нет и т. п. По нашему мнению, наличие блокады в известной степени облегчало Германии покрытие ее военных расходов, ибо война и блокада прекратили экспорт капиталов за границу, уменьшили возможность размещения ежегодного накопления в доходные предприятия, а главное, значительно уменьшили потребление населения, обеспечив помещение образовавшихся вследствие этого на руках денежных излишков в военные займы. Этим обстоятельством и объясняется огромный успех германских внутренних военных займов, которых всего за годы войны было выпущено девять на 100 млрд марок, что покрывало $^2/_3$ военных расходов Германии. Значительное количество подписок свидетельствует о том, что размещение облигаций займа проникало в широкие круги населения. С наибольшим успехом прошли VI военный заем на сумму 13,1 млрд марок, где число подписчиков достигло 7 млн, и VIII — на сумму в 14,7 млрд марок с числом подписок в 6,5 млн.

Таким образом недопотребление широких масс населения Германии во время войны было одним из существеннейших условий, обеспечивающих приток денежных средств в государственную казну и кредитование военных действий. В то же время реальная заработная плата в среднем была ниже довоенного уровня, несмотря на попытки правящих классов заигрывать с рабочими. Стоимость продуктов, продаваемых по твердым ценам, поднялась к концу 1918 г. на 134,7%, заработная же плата во всех отраслях промышленности, за исключением электро-технической, была ниже этого уровня.

Рабочий класс эксплуатировался как никогда, раньше всего женщины, число которых в металло-промышленности, напр., к осени 1916 г. увеличилось на 300% по сравнению с 1913 г. Все постановления, касающиеся защиты женского труда, были отменены, одновременно с отменой постановлений, охраняющих труд детей и молодежи. „Предприниматели могли эксплуатировать своих наемных рабов без всяких препятствий, — говорит Мюллер. [1] — 12-часовая смена для женщин не была редкостью. И в то же время, предъявляя работоспособности женщин те же требования, какие в свое время предъявлялись мужчинам, предприниматели платили женщинам 25%, в лучшем случае 50% того, что прежде платили мужчинам". Это обстоятельство еще больше уменьшало доход рабочей семьи, ибо заработок женщин и подростков стал играть гораздо большую роль чем до войны. Кроме того, уровень заработной платы исчислялся по отношению к росту твердых цен, но ведь оплата продуктов „вольного" рынка неизбежно должна была также иметь место в бюджете рабочей семьи, понижая этим самым ее скудный доход. Таким образом, тяжесть веде-

[1] Цит. соч., стр. 27.

ния войны падала прежде всего на трудящихся, в то время как прибыли предпринимателей увеличивались с каждым месяцем. „Все население и хозяйство были втянуты в войну, — говорит Рихард Левинсон, [1] — население от этого пострадало, промышленники выиграли“. По данным Левинсона, чистая прибыль почти во всех отраслях промышленности в Германии уже в 1915 г. значительно увеличилась по сравнению с 1914 г. Прибыли некоторых заводчиков достигли гигантских размеров. Так, чистая прибыль Круппа выросла с 33,9 млн марок в 1913 г. до 86,4 млн марок в 1914 г. Кельн-Ротвелерские пороховые заводы дали чистой прибыли: в 1913 г.— 1,7 млн марок, в 1914 г. — 4,4 млн марок и в 1915 г.— 14,5 млн марок.

Естественно, что с каждым годом классовая борьба обострялась, и если в 1914 г. было всего 26 стачек и 6 тыс. рабочих в затронутых стачками предприятиях, то в 1918 г. число стачек подымается до 500 и число рабочих в затронутых стачками предприятиях до 3,2 млн.

Однако, несмотря на огромные прибыли и усиление эксплуатации пролетариата, предприниматели сопротивлялись усилению влияния государства на частную промышленность, боясь не настоящих, а будущих „принципиальных“ опасностей проделываемого опыта. Эти опасения в свое время сформулировал теперешний германский министр иностранных дел Густав Штреземан, который говорил: „Я предостерегаю правительство от преувеличения понятия концентрации, иначе мы на всех парусах поплывем в социалистическое царство будущего. Принудительные монополии и синдикаты — этапы этого пути. Теперешняя структура принудительного синдицирования должна быть решительно отвергнута“ (цит. по Гриневичу).

---

[1] Перемещение капиталов в Западной Европе.

Это заявление не требует комментариев; опасения предпринимателей вполне понятны: они готовы отказаться даже от повышенных прибылей, лишь бы избавиться от ужасающего их призрака. Ибо даже некоторые буржуазные авторы постепенно начинают осознавать все преимущество планового управления народным хозяйством, хотя пока еще только в периоды разрухи... „Социализм военного времени, конечно, не оставит в Германии сладких воспоминаний, — пишет бар. Б. Нольдэ.[1] — Но кто знает, не придется ли в будущей борьбе государств с неслыханными финансовыми затруднениями... использовать часть горького военного опыта".

Для того чтобы подчеркнуть значение военного опыта Германии в области организации планового хозяйства, мы приведем еще одно мнение уже из противоположного лагеря.

В речи, произнесенной 23 ноября 1918 г. перед делегацией флота, Карл Либкнехт заявил: „Законченное осуществление социализма — это длинный и трудный процесс. Но первые энергичные шаги в этом направлении возможны тотчас же... Крупные производства уже давно созрели для отчуждения. Еще в 1913 г. рейхстаг хотел национализировать военную промышленность. Меры, принятые в области военного хозяйства за последние четыре года, показали, как быстро может быть организовано самое глубокое вмешательство государства в капиталистические предприятия, без того, чтобы последствием этих мероприятий была дезорганизация. И военное хозяйство дает все основания для осуществления социализма".

Более значительное проникновение государства в регулирование промышленности по сравнению с сельским

---

[1] Организация народного хозяйства воюющей Германии. Птгр., 1916, стр. 48.

хозяйством, несмотря на сопротивление промышленных и финансовых кругов, объясняется только отчасти большей сложностью планового управления сельским хозяйством из-за его распыленности. Правящие круги Германии военного времени — ставленники аграриев — не решались подвергнуть производство и снабжение продовольствием такому же жесткому регулированию, как и работу промышленности. Этим главным образом и объясняется гибельный продовольственный кризис, на ряду со сравнительно благополучным состоянием промышленности в последние годы войны.

Организация народного хозяйства Германии, несмотря на все свои положительные с организационной точки зрения стороны, таила такие глубокие противоречия, которые рано или поздно должны были привести к катастрофе, только ускоренной недовольством масс, вызванным недоеданием, эксплуатацией и другими следствиями военных условий. Эти внутренние противоречия всей системы неизбежно должны были привести к революции, которую война в начале задержала, а в последние два года ускорила. Ибо немыслимо существование государства, где снабжение сырьем, производство и распределение носит плановый характер, при наличии диктатуры буржуазии. Это противоречие понимает и крайний правый Дикс, который пишет: „Внутренняя болезнь всей системы военного хозяйства заключалась в бесплановом сосуществовании усиленного государственного социализма и жгучей жажды наживы индивидуалистического хозяйства“ (цит. соч., стр. 114).

Подтверждением этого положения является опыт находившейся уже в абсолютной хозяйственной изоляции РСФСР, „военный коммунизм“ которой формально сходен с „военным коммунизмом“ Германии, с той „небольшой“ разницей, что в РСФСР диктатура пролетариата,

а не буржуазии. И народные массы России поддерживали систему „военного коммунизма“ и боролись за власть, осуществляющую ее, тогда как в Германии массы боролись и против системы и против юнкерско-помещичьей власти, погибшей в результате этой борьбы.

Нужно отметить, что планомерное регулирование народного хозяйства Германии было проведено только после более чем двух лет войны. Хотя регулирующие мероприятия и усилили боеспособность Германии и отсрочили поражение, к ним приступили слишком поздно, когда положение было угрожающим. Возможно, что если бы Германия провела у себя широкую хозяйственную подготовку и с самого начала провела всеобъемлющую плановость своего военного хозяйства, исход войны был бы иной.

Ее промышленность, находившаяся в большей зависимости от иностранного ввоза, чем сельское хозяйство, пострадала от блокады меньше и восстановилась скорее. Несмотря на запоздалую организацию планового снабжения сырьем, Германия вынуждена была сдаться не из-за недостатка промышленного сырья, а из-за недостатка продовольствия, вызвавшего голод в последние два года войны, недовольство масс и падение боеспособности и дисциплины в войсках. Поражение Германии объясняется не военным разгромом, а ее экономическим истощением, как следствием блокады.

Выше нами уже указывалось, что ввоз в Германию упал только на $^2/_5$, а вывоз на $^2/_3$. Расчеты союзников не оправдались, и абсолютной изоляции Германии они не достигли. Германия сумела создать планомерное распределение запасов, организовала плановую работу промышленности, мобилизовала свою рабочую силу, ее наука и техника проявили замечательные успехи, оказав огромную помощь государству. Словом, Германия, хотя и со-

вершила ряд роковых ошибок в области организации своего военного хозяйства, проявила гигантскую способность к сопротивлению. Почему же Германия так сильно пострадала от неполной блокады, послужившей основной причиной ее поражения?

Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим положение народного хозяйства Франции во время войны. Промышленность Франции пострадала во время войны еще более германской.

Военные действия происходили на территории северной, наиболее промышленной части Франции. Добыча угля в тыс. больших тонн составляла: в 1913 г. — 40 188, в 1917 г.—28 427, в 1918 г.—25 899. Выплавка чугуна в тыс. метр. тонн составляла: в 1913 г. 5 207, в 1917 г. — 1 735, в 1918 г. — 1 307.

Также упала и продукция сельского хозяйства, что видно из прилагаемой таблицы:

СБОР ХЛЕБОВ, КАРТОФЕЛЯ И САХАРНОЙ СВЕКЛЫ ВО ФРАНЦИИ

(в тыс. квинталов по 100 кг)

Наименование	Среднее за 1909—13 гг.[1]	Среднее за 1914—18 гг.
Пшеница	86 447,1	58 279,0
Рожь	12 452,9	8 330,0
Ячмень	10 490,7	7 821,3
Картофель	131 985,9	99 199,2
Сахарная свекла	58 963,6	19 995,9

[1] На довоенной территории.

КОЛИЧЕСТВО СКОТА ВО ФРАНЦИИ

(в тыс. голов)

	1913	1918[1]
Крупный рогат. скот	14 788	12 251
Овцы	16 131	9 061
Свиньи	7 036	3 981

Итак, народное хозяйство Франции пострадало от войны не менее серьезно, чем народное хозяйство Германии.

Чем же объяснить, что во Франции не было такого катастрофического положения, как в Германии. Ответ ясен :не испытавшая сколько-нибудь значительной блокады Франция была в состоянии заполнить уменьшение количества продовольствия, сырья и промышленных изделий ввозом из-за границы.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ФРАНЦИИ

(в тыс. фунтов стерлингов).

Годы	Ввоз	Вывоз
1913	768	525
1915	851	385
1918	1 316	501

Отсюда видно, что (даже учитывая повышение цен) ввоз во Францию за годы войны значительно увеличился, а вывоз упал.

Рассмотрим изменение ввоза во Францию за время войны по отдельным группам.

[1] Не учтена оккупированная территория.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВВОЗ ВО ФРАНЦИЮ
(в тыс. двойн. центн.)

Наименование	1913	1918
Хлеб в зерне	29 297	27 181
Кофе	1 153	1 362
Сахар	1 350	1 894
Мясо	32	2 325
Минер. масла	6 979	8 946
Шерсть	2 856	444
Хлопок	3 291	1 423
Хлопчат.-бумажн. ткани	48	407
Шерстяные ткани	43	157
Чугун, железо и сталь	2 028	19 017

Одновременно, почти по всем приведенным нами статьям ввоза, замечается еще большее падение вывоза.

Из приведенных данных видно, что Франция имела возможность увеличить свой ввоз по всем продуктам, в которых она особенно нуждалась. В Германии в 1918 г. кофе исчезло, а Франция увеличила его потребление по сравнению с мирным временем. Недостаток минеральных масел в 1918 г. в Германии носит катастрофический характер, Франция в соответствии с требованиями военного времени увеличивает ввоз. Уменьшается внутренняя продукция мяса и мясных продуктов и во Франции и в Германии. Вторая голодает, а первая в состоянии увеличить ввоз мяса в десятки раз. Франция уменьшает ввоз хлопка и шерсти, но значительно увеличивает ввоз хлопчатобумажных и шерстяных тканей и т. д. Страна, народное хозяйство которой пострадало во время войны, но которая не отрезана от всего остального мирового хозяйства, может (пусть за счет тяжелых обязательств в будущем), компенсировать ввозом из-за границы уменьшение

продуктов внутреннего производства, сократившегося вследствие общих условий военного времени.

Приведенная ниже таблица импорта в Германию, Англию и Францию во время войны по трем группам ввоза весьма отчетливо иллюстрирует более тяжелое экономическое положение блокированной Германии по сравнению с ее противниками.

ВВОЗ

(в тыс. квинталов)

Страны	Пшеница			Хлопок			Каучук		
	1909—13 (среднее)	1914—18 (среднее)	Среднее 1914—18 гг. в процентах к среднему 1909—13 гг.	1909—13 (среднее)	1914—18 (среднее)	Среднее 1914—18 гг. в процентах к среднему 1909—13 гг.	1909—13 (среднее)	1914—18 (среднее)	Среднее 1914—18 гг. в процентах к среднему 1909—13 гг.
Англия . . .	52 488	44 914	85,5	10 295	8 885	86,3	545	752	138,0
Франция . .	10 389	17 005	164,0	3 111	2 010	64,6	148	168	113,4
Германия . .	24 217	2 467	10,1	4 574	592	12,9	190	22	11,5

Хотя Германия и не была подвергнута полной экономической изоляции, однако невозможность компенсировать недостаток в сырье, а в особенности в продовольствии, вызванный военными условиями и уменьшением по сравнению с мирным временем ввоза, привела Германию к поражению. Мы не считаем нужным строить предположения о том, насколько раньше потерпел бы поражение германский капитализм, если бы не проявил достойной удивления сопротивляемости, или вышел бы победителем, если бы своевременно приступил к плановой организации своего народного хозяйства и проводил его более решительно. Мы хотим только установить, что даже неполная блокада, даже для Германии, — сумевшей великолепно организовать свое военное хозяйство, — оказалась роковой, сыграв решающую роль в ее поражении.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОДВОДНАЯ ВОЙНА И БЛОКАДА АНГЛИИ

Гигантское значение для современных промышленных государств экономической блокады, имеющей целью изоляцию данного государства от всего мирового хозяйства, насильственное прекращение его торговых сношений с другими странами, особенно выпукло вырисовывается на примере блокады Англии во время мировой войны. Ибо вряд ли за всю свою историю Англия испытывала большую опасность, чем в разгар подводной блокады в 1917 г. В то же время подводная война представляет собою совершенно новое оружие, не имеющее образца в истории, — оружие, которое едва не стало роковым для современной Англии. Поэтому опыт подвергнувшейся подводной блокаде Великобритании заслуживает самого внимательного изучения, помимо своего теоретического интереса, еще и потому, что подводная блокада островного государства, без сомнения, сможет играть огромную роль в будущем.

Территория гигантской Британской империи составляла до войны около 32 млн *кв. км* с населением более 400 млн. В настоящее время, после захвата германских колоний, территория Британской империи составляет уже 35 600 тыс. *кв. км.* Однако площадь островов Великобритании и Ирландии обнимает всего лишь 315 тыс. *кв. км* с населением в 1911 г. в 45 300 тыс. Таким образом, площадь самой Англии является ничтожной по сравнению с площадью раскинувшейся по всему миру огром-

ной империи, и население самой Англии составляет только около $^1/_9$ населения ее колоний. Отсюда видно, что целостность мировой империи зависит раньше всего от безопасности ее морских путей. Господство на морях было первой и основной целью британской политики, из которой вытекал принцип: английский военный флот должен быть равен двум другим сильнейшим в мире флотам.

В 1913 г. доля Англии во внешней торговле всего мира была самой большой — 16,1% (в 1900 г. — 19,5%), кроме того, доля всех ее колоний в мировой внешней торговле составляла 11,2% (в 1900 г. — 9,9%). Из всего мирового тоннажа паровых судов в 45 404 тыс. *т* (1914 г.), Англия владела 18 892 тыс. *т*, ее колонии — 1 632 тыс. *т*. В 1913 г. мировое судостроение составляло 3 333 тыс. *т*, из них в Соединенном королевстве было построено 1 932 тыс. *т*.

Великобритания — страна, более других связанная со всем мировым хозяйством. Из Европы в 1913 г. шло только 45% ее ввоза и только 36% ее вывоза шло в Европу. Бурный расцвет промышленности и огромная торговля — два основных фактора, создавшие самое большое в истории государственное образование, поддерживаемое тесными экономическими связями с колониями и с другими странами. Но именно в этой силе Британской империи таилась ее слабость, что и подтвердил опыт мировой войны. Ибо бывают условия, когда прочные связи обращаются в роковую зависимость. Распыленность Британской империи неизбежно поведет к децентрализации, серьезные признаки которой уже заметны, а островное положение Великобритании создает вечную угрозу ее существованию. Подчиненность же Великобритании ввозу из-за границы не уменьшилась, а подводная блокада 1915 — 18 гг. явилась в этом отношении жестоким напоминанием.

Основной чертой английского народного хозяйства является его резко индустриальный характер. В 1911 г. из 36 млн населения Англии и Уэльса (т. е. без Шотландии и Ирландии) в городах проживало 28 млн, а в сельских местностях — 8 млн. В этом же году из всего хозяйственно-самодеятельного населения Великобритании и Ирландии в 20 млн человек в сельском хозяйстве было занято 2 400 тыс., в промышленности и горном деле 9 040 тыс., в торговле и транспорте — 4 870 тыс. Таким образом, в промышленности, горном деле, торговле и транспорте было занято 64% всего самодеятельного населения Англии, а в сельском хозяйстве только 12%.

В последние годы до мировой войны Англия уже уступила свое мировое первенство во многих отраслях промышленности, за исключением текстильной, где она оставалась еще вне конкуренции. Каменного угля Англия добывала в 1870 г. больше 50% мировой добычи, а в 1913 г. только 23% мировой добычи (288 млн больших тонн), уступив свое первенство САСШ. Все же угля Англия добывала более другой любой европейской страны, и его не только хватало для внутреннего потребления, но уголь составлял и одну из ее важнейших экспортных статей. В 1913 г. Англия вывезла 73 млн *т* угля. В то же время эта важнейшая отрасль английской промышленности в значительной степени зависела от ввоза рудничного леса; всего леса ввозилось на 34 млн фунт. стерл. С железной рудой положение было хуже чем с углем: в 1913 г. ее добывалось 14 200 тыс. англотонн, но кроме того приходилось еще ввозить 7 200 тыс. *т* на 7 млн фунт. стерл. В 1913 г. производство чугуна составляло 10,5 млн метр. тонн, или 13,3% мирового производства; производство стали — 7,8 млн метр. тонн, или 10,2% мирового производства. Кроме того, железа, стали и изделий из них в 1913 г. было ввезено на

16 млн фунт. стерл., марганцевой руды — 601 тыс. *т* на 1 245 тыс. фунт. стерл. Английское потребление цветных металлов уже целиком зависело от иностранного ввоза. В 1913 г. было ввезено меди 111 тыс. англотонн; медной руды — 133 тыс. англотонн на 2 454 тыс. фунт. стерл. (внутренняя добыча — 2 373 *т* в 1914 г.); свинца — 204 тыс. англотонн; свинцовой руды — 18,5 тыс. (внутренняя добыча — 26 тыс. англотонн); олова и оловянной руды — 80 тыс. англотонн (добыча в Англии 8 тыс. *т* в 1914 г.); цинка необработанного и цинковой руды — 210 тыс. англотонн (внутренняя добыча — 15,5 тыс. англотонн).

Приведенные данные указывают, что Великобритания имела прочную опору только в своей угольной промышленности, потребление железной руды в значительной степени, а потребление других металлов почти целиком зависело от импорта.

Если мы рассмотрим другие виды сырья, то увидим, что здесь зависимость Великобритании от импорта была еще больше. Нефть и каучук целиком ввозились из заокеанских стран: каучука на 20,5 млн фунт. стерл., нефти на 11 млн фунт. стерл.; кож и шкур невыделанных ввозилось на 15 млн фунт. стерл., наконец, текстильная промышленность Англии, являвшаяся первой по величине в мире, целиком зависела от ввоза заокеанского сырья: хлопка сырого ввозилось на огромную сумму в 71 млн фунтов, шерсти сырой — на 36 млн фунтов, джута — на 9 млн фунтов, льна — почти на 5 млн фунтов.

Таким образом, зависимость Великобритании от ввоза сырья была еще больше зависимости Германии, и прекращение или даже значительное уменьшение импорта сырых материалов грозило катастрофой ее промышленности. Но если в отношении сырья положение английского народного хозяйства в общем напоминало положение народного хозяйства Германии (наличие угольной промыш-

ленности, превышающей внутреннюю потребность и в значительной степени работающей на экспорт, значительная добыча железной руды, при необходимости еще дополнительно ввозить ее, и полная зависимость от ввоза заокеанской меди, нефти, хлопка и других важнейших видов сырья), то в области обеспеченности жизненными припасами положение Германии было намного благоприятнее, чем положение Великобритании. На ряду с ростом промышленности Германия продолжала развивать и свое сельское хозяйство, и, несмотря на то, что продукция его была недостаточна, все же продовольственная база Германии была значительно солиднее английской.

Несмотря на рост урожайности, продукция английского сельского хозяйства уменьшалась; если в середине прошлого столетия производство зерновых хлебов составляло 400 млн бушелей, то к концу XIX века Великобритания производила уже только 300 млн бушелей. Посевная площадь в Соединенном королевстве продолжала уменьшаться и в XX столетии:

Годы	Пшеница	Ячмень	Овес	Картофель
	(в тыс. акров)			
1900	1 899	2 164	4 131	1 215
1914	1 905	1 871	3 878	1 197

Правда урожайность за эти годы увеличилась, что видно из следующих данных сбора с акра в Соед. королевстве:

Годы	Пшеница	Ячмень	Овес	Картофель (тонны)
	(бушели)			
1900	28,61	31,67	39,97	3,77
1914	32,77	34,48	42,63	6,25

Поэтому общая продукция зерновых хлебов и картофеля в Великобритании за приведенные 14 лет почти не изменилась; сборы пшеницы и картофеля несколько увеличились, ячменя уменьшились и овса остались на прежнем уровне:

Годы	Пшеница (в четверт.)	Ячмень (в четверт.)	Овес (в четверт.)	Картофель (в тоннах)
1900	6,790	8,568	20,642	4,577
1914	7,804	8,066	20,664	7,476

Количество скота 1900—14 гг. также почти не изменилось. Это иллюстрируется прилагаемой табличкой:

	1900 (в тыс. голов)	1914 (в тыс. голов)
Лошади	2 000	1 851
Рогатый скот	11 455	12 185
Овцы	31 055	27 964
Свиньи	3 664	3 953

За эти же годы население увеличилось почти на 3 500 тыс. Незначительное развитие английского сельского хозяйства вызывало необходимость удовлетворять потребность Великобритании ввозом из-за границы хлеба более чем на 75% и мяса более 40% потребности. Кроме того, ввозился почти весь сахар и огромное количество молочных и растительных продуктов. Ввоз продовольствия систематически увеличивался: стоимость его в 1890—94 гг. составляла 170 млн фунт. стерл., а в 1913 г.— 295 млн фунт. стерл. Основные продовольственные продукты, ввезенные в 1913 г. в Великобританию и

удержанные для внутреннего потребления, были (в тыс. центнеров): пшеница — 105 434; пшеничная мука — 11 732; кукуруза — 48 308; рис — 2 548; картофель — 9 345; говядина — 8 950; баранина — 5 317; свинина — 494; свиная грудинка, сало, окорока — 5 574; масло — 4 033; маргарин — 1 510; сыр — 2 232; яйца (в тыс.) — 2 568 000; сахар — 33919; какао — 699; кофе — 251; чай — 305 490 англофунтов. Мука и зерно составляли 11,1% всего ввоза в Великобританию в 1913 г.; мясо — 7,4%; масло — 3,1%; сахар — 1,6%; чай — 1,8. Вывозимые из Великобритании мука и зерно составляли только 0,7% всего вывоза, и из продовольственных продуктов относительно велик еще вывоз рыбы (1,5% вывоза). Другими наиболее значительными статьями ввоза в Великобританию были: поделочный и строительный лес — 4,4%; сырье для текстильной промышленности — 16,7%; масличные семена, масла, жиры, резина — 5,4%; кожи и необработанные шкуры — 2%; каучук — 2,7%; железо, сталь и изделия из них — 2%; другие металлы и изделия из них — 4,2%; текстильные изделия и пряжа — 6,2%; химикалии, медикаменты, красящие вещества, краски — 1,7%; кожа и кожаные изделия без обуви — 1,7%. В вывозе Великобритании наиболее крупную роль играли: уголь, кокс и горючие вещества — 10,4%; железо, сталь и изделия из них — 10,6%; машины — 7,2%; текстильные изделия — 35,3%. Интересно отметить, что если последние годы до войны английский экспорт изделий тяжелой промышленности по ценности был только немногим ниже ценности экспорта изделий легкой индустрии, то еще в 70-х годах прошлого столетия хлопчатобумажных и шерстяных изделий и пряжи вывозилось на сумму почти в три раза большую, чем угля, железа и изделий и машин.

Пищевые продукты, напитки и табак составляли в специальном ввозе в Соединенное королевство в 1913 г.—

41,6%, сырье и малообработанные товары — 32,8% и фабрикаты 24,9%. Соответственно в специальном вывозе Соединенного королевства эти три группы составляли 6,3%, 13,6% и 77,9%. Эти данные весьма показательны. Они устанавливают, что в специальном вывозе Великобритании сырье и продовольствие играли незначительную роль, и больше $^3/_4$ английского вывоза составляли готовые изделия. Наоборот, в специальном ввозе фабрикаты составляли менее $^1/_4$.

В предыдущей главе мы указывали, что импорт сырья в Германию превышал по ценности ввоз продовольствия. Несмотря на то, что Великобритания также ввозила огромное количество промышленного сырья, не уступавшее ввозу в Германию, и зависимость британской промышленности от ввоза сырья также чрезвычайно велика, импорт продовольствия в Великобританию превышает импорт сырья, и продовольствие являлось самой большой по ценности группой английского ввоза. Отсюда видно, что вопросы снабжения населения импортным продовольствием должны стоять впереди вопросов снабжения английской промышленности иностранным сырьем, играя решающую роль в народном хозяйстве Великобритании.

В 1913 г. ввозилось промышленного сырья и малообработанных товаров на 270 млн фунт. стерл.; вывозилось английских, колониальных и иностранных товаров этой группы на 130 млн фунт. стерл. Превышение ввоза над вывозом равняется 140 млн фунт. стерл. В этом же году пищевых продуктов, напитков и табака ввозилось на 295 млн фунт. стерл., вывозилось же английских на 34, колониальных и иностранных на 16 млн фунтов. Превышение ввоза над вывозом составляет 245 млн фунтов. Фабрикатов в 1913 г. ввозилось на 201 млн фунт. стерл., вывозилось английских на 414 млн фунт. стерл.; колониальных и иностранных — на 30 млн фунт. стерл. Пре-

вышение вывоза над ввозом дает 243 млн фунт. стерл.

Таким образом, Великобритания уплатила в 1913 г. 245 млн фунт. стерл. за превышение ввоза продовольствия и 140 млн фунт. стерл. за превышение ввоза промышленного сырья, получив взамен 243 млн фунт. стерл. за превышение вывоза фабрикатов.

Превышение вывоза (11 млн фунт. стерл.) разных товаров над ввозом (3 млн фунт. стерл.) их составило в 1913 г. 8 млн фунт. стерл.

Отсюда видно, что превышение ввоза над вывозом продовольствия и сырья составило в 1913 г. 385 млн фунт. стерл.; превышение вывоза над ввозом фабрикатов и разных товаров — 251 млн фунт. стерл.[1] Разница между этими двумя цифрами равняется 134 млн фунт. стерл. Эта сумма и представляет собою пассивное сальдо торгового баланса Великобритании в 1913 г. (общий ввоз—769 млн фунт. стерл.; общий вывоз — 635 млн фунт. стерл.). Необходимо отметить, что, несмотря на огромный пассив торгового баланса Соединенного королевства, его платежный баланс был активен, ибо поступления от „невидимого экспорта“ (доход от вложений в заграничные предприятия капиталов, доход от перевозок, комиссий и т. п.) составляли в 1914 г. около 340 млн фунт. стерл.

Специальный ввоз и вывоз Великобритании в 1912 г. по странам света распределялся следующим образом (в процентах).

Специальный ввоз и вывоз Великобритании в 1913 г. по странам света распределялся следующим образом (в процентах):

---

[1] В 1890—94 гг. превышение ввоза над вывозом продовольствия равнялось 100 млн фунт. стерл., превышение ввоза сырья и малообработан. товаров — 87 млн фунт. стерл. и превышения вывоза над ввозом фабрикатов — 123 млн фунт. стерл.

Наименование	В млн ф. ст.	Европа	Брит. Америка	Лат. Америка	Азия	Африка	Австралия
	Ввоз						
Прод. питан., напитки, табак	274	39,3	25,6	16,1	9,0	1,3	8,6
Сырье и малообраб. товары	218	29,0	32,1	8,5	10,5	12,3	7,6
Фабрикаты	164	74,8	15,3	1,4	6,4	0,6	1,6
Итого	659	44,8	25,1	9,9	8,9	4,8	6,5
	Вывоз						
Прод. питан., напитки и табак	30	41,1	14,6	4,9	16,4	12,4	10,1
Сырье и малообраб. товары	70	72,1	6,2	10,1	2,2	8,4	0,7
Фабрикаты	411	28,7	11,5	11,2	28,7	9,6	10,0
Итого	525	35,6	11,1	10,6	24,0	9,6	8,7

Из прилагаемой таблицы вытекает, что 75% специального ввоза готовых фабрикатов в Великобританию шло из Европы, но только 29% английского вывоза их шло в Европу. Народное хозяйство Великобритании было связано с Европой менее, чем другие европейские страны; она получала из Европы менее половины своего ввоза и вывозила в Европу несколько более $^1/_3$ всего своего специального вывоза. Великобритания получала (без реэкспорта) из Европы 40% ввозимого продовольствия и 29% сырья и полуфабрикатов, вывозила же 41% вывозимого продовольствия и почти $^3/_4$ (72,1%) всего вывозимого сырья и полуфабрикатов.

Таким образом, до войны 60% продовольствия и 71% сырья и полуфабрикатов Великобритания ввозила из заокеанских стран.

Еще в XVIII столетии английские экономисты рассчитывали, что в будущем удастся создать полную независимость Британской империи от других государств, где бы британские колонии доставляли все необходимое сырье, а метрополия снабжала бы всю империю готовыми изделиями. И современный английский империализм также не оставил этих проектов. Однако эти надежды не оправдались, и колонии играли во внешней торговле Великобритании гораздо меньшую роль, чем иностранные государства. В 1913 г. из всего специального вывоза Великобритании в 525 млн фунт. стерл. на 330 млн фунт. стерл. вывозилось в чужие страны и только на 195 млн фунт. стерл. в колонии. В этом же году из всего спец. ввоза на 659 млн фунт. стерл. на 524 млн фунт. стерл. ввозилось из чужих стран и только на 135 млн фунт. стерл. из колоний. В 1913 г. колонии давали только 20,5% всего специального ввоза в Великобританию и 36,9% специального вывоза.

Крупнейшую торговлю Великобритания вела со следующими странами:

ПРОЦЕНТ УЧАСТИЯ В СПЕЦИАЛЬНОМ ВВОЗЕ И ВЫВОЗЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

(в 1913 г. отдельных стран)

	Соед. штаты	Герман.	Франция	Аргент.	Россия	Голландия
Ввоз . . .	19,8	11,6	6,3	6,2	5,8	3,5
Вывоз . .	5,6	7,7	5,6	4,3	3,4	3,0

Война с центральными державами не могла значительно отразиться на ввозе продовольствия в Англию, ибо за исключением сахара ввоз других продовольственных продуктов из Германии и Австрии не играл большой роли. В 1913 г. из всего ввезенного в Соединенное королевство сахара-сырца на долю Германии падало 45%,

ввоз сахара-рафинада из Германии составлял 50% всего английского ввоза и из Австро-Венгрии — 22%.

Доля участия отдельных стран во ввозе в 1913 г. в Великобританию важнейших продуктов питания и сырья складывалась следующим образом:

из 123 млн ввезенных центнеров пшеницы и пшеничной муки 46,5% шло из колоний, 34,8% из Соединенных штатов, 12,3% из Аргентины и 4,1% из России;

из 22 млн ввезенных центнеров кукурузы 27,7% шло из колоний, 27,2% из России, 19,8% из Соединенных штатов, 10,2% из Турции и 6,2% из Румынии;

из 18 млн ввезенных центнеров овса 18,8% шло из Германии, 15,3% из России и 13,5% из колоний;

из 40 млн ввезенных центнеров кукурузы 79% шло из Аргентины и 14% из Соединенных штатов;

из 4758 тыс. ввезенных центнеров сала 48,1% было ввезено из Дании и 37,1% из Соединенных штатов;

из 855 тыс. центнеров ветчины — 89% шло из Соединенных штатов и 10,5% из колоний (Канада);

из 5,3 млн центнеров баранины 74% шло из колоний и 19% из Аргентины;

из 9,2 млн центнеров говядины 78% шло из Аргентины и 17% из колоний;

из 4139 тыс. ввезенных центнеров масла 41% было вывезено из Дании, 20% из колоний и 18% из России;

из 806 млн англофунтов сырой шерсти 79,6% было вывезено из колоний (гл. обр. Австралии) и 12,5% из Южной Америки;

из 2174 млн англофунтов хлопка 72,9% шло из Соединенных штатов и 21,9% из колоний. [1]

[1] „Der Kampfum den Weltmarkt" Handelsstatistisches Material. Предыдущие данные составлены по Statistical Abstract for the U. K. from 1910 to 1924, Statesman's Jear-Book 1917 — 1921. „Статистич. ежегодник мирового хозяйства за 1921 г." и „Весь мир в цифрах" В. Войтинского. Берлин, 1925.

Факт состояния войны с Германией и вытекающее отсюда прекращение торговых сношений с нею в отношении ввоза продовольствия и промышленного сырья, за исключением ввоза сахара, не представлял собою для британского импорта ничего угрожающего. Гораздо серьезнее обстояло дело с импортом германских фабрикатов, в особенности изделий химической промышленности. В 1913 г. ввоз из Германии искусственных красок составлял $^{9}/_{10}$ потребности британской промышленности; зависимость Англии от германского производства красок была настолько велика, что английское правительство покупало во время войны краски у немцев через нейтральные страны. Только значительное развитие в годы войны собственной химической промышленности, а также химической промышленности в Соединенных штатах помогло англичанам справиться с катастрофическим недостатком химических изделий из-за прекращения германского импорта. То же произошло с оптическими стеклами (бинокли, перископы), производство которых англичанам пришлось спешно налаживать, так как эти изделия почти целиком ввозились из Германии. В начале войны в Англии ощущался также большой недостаток в лампочках накаливания, ввозившихся немцами на десятки миллионов рублей, и в других германских изделиях, как игрушки (игрушечный кризис в Англии в 1914-15 гг.), в дешевых тканях, в фарфоре, ножах и вилках, эмалированной посуде и т. п. Конечно, не в прекращении германского импорта коренилась угроза английскому народному хозяйству во время войны. Усилением ввоза из других стран сахара и развитием собственной химической промышленности Великобритании удалось заменить отпавший импорт из Германии этих двух основных товаров, зависимость от ввоза которых из Германии была наиболее велика. Основная опасность заключалась

в необходимости ежегодно ввозить (естественно, морским путем) огромное количество сырья и в особенности продовольствия, ибо в среднем внутреннее производство продовольствия составляло только несколько больше 40% всей потребности. При потребности около 51 биллиона калорий на долю импортных продуктов приходилось около 31 биллиона калорий.[1]

В 1905 г. был опубликован доклад парламентской комиссии, в котором был также затронут вопрос об обеспечении жизненными припасами и сырьем в военное время. В этом докладе указывалось, что недельное потребление пшеницы в Англии составляет от 550 тыс. до 600 тыс. четвертей, тогда как внутреннее производство пшеницы составляет только 6—7 млн четвертей в год, и что имеющихся запасов в лучшем случае может хватить на 17 недель, а в худшем случае только на $6^1/_2$ недель.

До мировой войны Англии дважды пришлось столкнуться с опасностью, вытекающей из ее зависимости от импорта продовольствия. Первый раз во время континентальной блокады Наполеона в 1806 г., совпавшей с неурожаями в самой Англии. Зерно и хлеб поднялись в цене в два-три раза, и населению рекомендовалось всячески заменять хлеб всеми возможными другими видами жизненных припасов. Во второй раз Англия испытала на опыте значение для нее проблемы снабжения хлебом в начале 40-х годов прошлого столетия, когда неурожаи и высокие пошлины на хлеб создали невероятную дороговизну. Но только во время войны с Германией Великобритания ощутила во всей остроте всю шаткость своего положения островного государства, ввозящего 60% всего потребного стране продовольствия.

---

[1] См. Лео-Чиозза Монэ, Торжество национализации, рус. пер., М. и П., 1923.

В круглых цифрах из всего ежегодного ввоза в Соединенное королевство в 55 млн *т* — 20 млн *т* падало на продовольствие и вкусовые вещества, 16 млн *т* на лес, $7^1/_2$ млн *т* на железную руду и 11 млн *т* на другие товары. Экспорт английских фабрикатов весил намного меньше, однако огромный вывоз угля уравновешивал импорт. В 1913 г., в среднем за месяц, тоннаж пришедших в порты Великобритании судов (с чистым грузом) составлял 4089 тыс. *т*, ушедших 5562 тыс. *т*.

Прекращение или уменьшение регулярного, систематического подвоза огромных количеств продовольствия и сырья неизбежно должно было привести к голоду и к остановке английской промышленности. Одновременно прекращение или уменьшение огромного британского экспорта угля должно было чрезвычайно болезненно, если не катастрофически отразиться на положении английских союзников, особенно в связи с прекращением вывоза угля из Бельгии и Северной Франции.

Но кто решился бы помешать английской морской торговле? Какое государство посмело бы состязаться с самым сильным в мире военным флотом, могущество которого за сотни лет британского господства на морях никто не сумел поколебать. Ставку на могущество своего флота англичане всегда выигрывали. Попытка Германии во время мировой войны вступить со своим надводным флотом в единоборство с английским окончилась неудачей, и Германия потерпела поражение именно из-за превосходства английского флота, ибо только поэтому Антанте удалось осуществить грандиозную блокаду Германии, сыгравшую решающую роль в ее поражении.

Но в начале XX столетия появилось новое оружие, против которого гигантский флот Великобритании был почти бессилен — подводные лодки. Это оружие, страшное для всякого островного государства, зависящего

от ввоза из-за границы, Германия применила в четырехлетнюю войну 1914—18 гг., но не сумела его использовать до конца. Забегая вперед, скажем, что, по нашему мнению, история мировой войны была бы иной, если бы Германия проводила подводную войну против Англии более решительно и последовательно и была к ней лучше подготовлена.

Вопрос об уничтожении английской морской торговли подводной блокадой возник еще до войны. В 1914 г. Конан-Дойль написал рассказ: „Danger! A Story of Englands. Peril", в котором описывается, как Англия в войне со слабой европейской державой вынуждена была сдаться в течение 6 недель из-за действий 16 подводных лодок этой державы. В мае 1914 г. первый лорд Адмиралтейства указывал английскому премьер-министру на серьезную опасность подводной войны для английской морской торговли.

Немцы также понимали ту огромную роль, которую подводная блокада может сыграть в войне против Великобритании. Вице-адмирал фон-Швайниц предвидел это в статье, появившейся еще в 1908 г. Капитан-лейтенант Блюм незадолго до войны в докладной записке указывал, что для ведения действительной торговой войны против Англии требуется почти 200 подводных лодок.[1]

Больное место современной Великобритании, ее ахиллесову пяту, — зависимость от ввоза, — немцы великолепно учитывали, и в основном на этом и строили свои расчеты на действительность подводной блокады, которая одновременно должна была явиться ответом на английскую надводную блокаду. Однако подготовка Германии к ведению подводной войны была недостаточна и

---

[1] Der U-Bootkrieg. Von Fregattenkapitän Fr. Lütsov.— Der grosse Krieg 1914—1918. Herausgeg. von Schvarte, т. 4, 1922.

расчеты на действительность имеющихся подводных лодок преувеличены. И, как теперь уже можно установить, Германия не имела достаточно отчетливого плана ведения подводной войны. В том, что Германия не достигла решающего результата своей подводной войной в 1914—1918 г.г., сыграли роковую роль именно вышеуказанные обстоятельства, а главное, колеблющаяся позиция германского правительства, хотевшего пролезть в слишком узкую щель между стремлением парализовать морскую торговлю Англии и желанием предотвратить разрыв с нейтралами, в первую очередь с Соединенными штатами, страдавшими от действий подводных лодок. Ибо, как вполне правильно указывает Лютцов, „подводная война находилась в тесной связи не только с техническими и военными проблемами ведения войны, но в решающей части от важнейших вопросов внешней и внутренней политики, завися также от отдельных положений международного права, от развития мирового хозяйства, мирового судостроения и мирового судоходства" (стр. 194 цит. соч.).

В 1914 г. (август - декабрь) было потоплено подводными лодками 241 тыс. больших тонн британских судов и 70 тыс. *т* союзников и нейтралов. Эта цифра была слишком незначительна,[1] чтобы отразиться серьезно на импорте в Великобританию, и уже 7 ноября 1914 г. начальник германского морского штаба поднял вопрос об абсолютной блокаде всего побережья Англии и Ирландии. Тирпиц предлагал, чтобы не раздражать нейтралов, ограничиться одной блокадой устья Темзы, но блокада такого рода была признана бесполезной, и 4 февраля 1915 г. адмирал фон-Поль — начальник морского

[1] В 1913 г. тоннаж судов с грузом и балластом, вышедших в порты Соединенного королевства, составлял 82 000 тыс. *т*, в 1914 — 71 126 тыс. *т*.

генерального штаба — провозгласил, что все воды, омывающие побережье Англии и Ирландии, объявляются военной зоной, и с 18 февраля все неприятельские торговые суда будут в этой зоне уничтожаться, причем не всегда будет возможно спасение экипажа и пассажиров. В виду злоупотреблений британского правительства нейтральными флагами нейтральное судоходство также находится под угрозой. Для нейтральных судов оставалось свободным судоходство севернее Шетландских островов и в восточной области Северного моря.

На 1 февраля 1915 г. у немцев находилось в готовности 27 подводных лодок, из них 8 старых с керосиновыми двигателями. Кроме того, строились 26 800-тонных подводных лодок, 4 больших минных по 800 *т* и 32 маленьких по 120 *т*. Срок постройки маленьких равнялся полугоду, больших — полуторам годам.

Теперь уже можно утверждать, что число германских подводных лодок в 1915 г. было не вполне достаточно, чтобы отрезать Великобританию от морского ввоза, и вполне достаточно, чтобы восстановить против Германии нейтральные страны. „Имей Германия вместо 30 — 300 подводных лодок, она выиграла бы войну“ — с горечью восклицает Лютцов.

Это утверждение совершенно верно, ибо основным методом подводной войны должен быть быстрый и решительный успех, имеющий целью, быть может, не столько причинение материального ущерба противнику, сколько огромное моральное воздействие на него.

Все же цифры потоплений были велики. По данным Лютцова уже в феврале тоннаж потопленных судов составлял 22 785 *т*, поднявшись в марте до 89 500 *т*.

С июля по декабрь 1915 г. против Англии в среднем действовали уже 44 подводных лодок, которые, по расчетам немцев, могли топить ежемесячно 660 тыс. *т*.

Эта цифра более или менее вероятна, ибо при наличии меньшего количества лодок немцы потопили (по немецким данным) в мае 1915 г. — 107 500 *т*, в июне — 115 300 *т*, в июле — 98 300, в августе — 174 500.

Следующая таблица, приведенная на докладе в Королевском статистическом обществе в Лондоне в мае 1915 г., характеризует изменения в британской внешней торговле в начале 1915 года (в млн фунтов):[1]

Наименование	Экспорт		Импорт	
	Янв. — апр. 1915 г. по ср. цен. 1914 г.	Янв. — апр. 1914 г.	Янв.—апр. 1915 г. по ср. цен. 1914 г.	Янв. — апр. 1914 г.
Продов., напитки и табак	7,37	9,48	94,73	90,87
Сырье и т. п. . .	14,69	22,80	117,53	99,94
Фабрикаты . . .	89,05	137,85	52,90	66,59
Разн. тов.	3,59	3,41	1,00	1,23
Итого . . .	114,70	173,53	266,16	258,62

Отсюда видно, что экспорт сильно уменьшился, наряду даже с некоторым увеличением импорта. *Непосредственные* результаты первого периода подводной войны были незначительны. За первые полтора года войны, охватывающие первый период подводной блокады, ввоз уменьшился незначительно и под влиянием целого ряда причин, на которые подводная война оказывала только свое *косвенное* влияние.

[1] Die Wirkungen des Krieges auf den überseeschen Handel Englands. Jena, 1916, перевод с английского.

ВВОЗ И ВЫВОЗ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (ЗА 1913—15 гг.).

Годы	Весь ввоз в тыс. тонн.	В тыс. фунт. стерл.	Вывоз брит. колон. и иностран. тов. в млн ф. ст.
1913	54 500	768 700	635
1914	46 400	696 600	526
1915	45 500	851 900	484

Количество ввезенных важнейших продовольственных продуктов, удержанных для внутреннего потребления, за эти годы также только незначительно уменьшилось:[1]

Годы	Масло	Сыр	Сахар	Пшеница	Пш. мука	Кукуруза	Говядина	Баранина
	(в тыс. центнеров)							
1913	4 033	2 232	33 918	105 433	11 732	48 307	9 000	5 317
1914	3 893	2 380	32 837	103 245	9 838	37 499	8 203	5 113
1915	3 807	2 078	32 119	88 488	10 066	45 838	8 238	4 651

Повторяем, что потери в тоннаже от действий подводных лодок за первые полтора года войны в количественном отношении непосредственно на английском импорте почти не отразились; последний несколько уменьшился под влиянием ряда причин, из которых одной из крупнейших было увеличение пассивности торгового баланса. В 1913 г. общий ввоз превышал общий вывоз на 134 млн фунтов, а в 1915 г. почти на 400 млн фунт. стерл. (При этом нужно, конечно, учитывать повышение цен.) И, как будет указано ниже, уменьшение экс-

[1] Обе таблицы составлены по Statistical Abstract for the U. K.

порта за годы войны систематически обгоняло падение импорта. Именно здесь в значительной степени сказалось влияние подводной блокады, и это было уже серьезным ударом по английскому народному хозяйству. Sir George Paishe в статье, помещенной в декабре 1915 г. в „Statist'e“ [1] указал, что для покрытия пассивного сальдо в 1915 г. британского „невидимого экспорта“ не хватает почти 65 млн фунт. стерл., эту сумму придется покрывать продажей ценных бумаг или вывозом золота. Кроме того, Великобритании нужно было оплачивать еще займы своих союзников. Все это, по мнению Paish'a, создает отчетливую картину невозможности для Англии покрывать пассивное сальдо только продажей иностранных ценных бумаг и вызывает необходимость *ограничивать импорт и* повышать производительность своего экспорта, путем бережливости и прибыльной эксплуатации.

Другим следствием подводной торговой войны было значительное повышение стоимости страхования грузов и стоимости фрахтов. Так, за один год некоторые фрахты поднялись следующим образом:

	Февраль 1914 г.	Февраль 1915 г.
Лаплата	15	65
Порт-Саид (уголь)	7	30
Лиссабон (уголь)		25

Однако подводная блокада во всей своей силе началась только с февраля 1917 г. Грэй указывает, что цены на фрахт в Южной Америке поднялись к февралю 1916 г. до 150 шилл. по сравнению с 10 шилл. в начале войны. Стоимость фрахтов особенно повысилась между апрелем

[1] См. цит. соч. стр. 80.

и августом 1915 г. (т. е. в разгар подводной войны. *Я. К.*) и затем снова сильно поднялись в конце 1915 г. *Цены на пшеницу проявили аналогичную тенденцию.*[1]

На ряду с этим недостаток готового тоннажа все увеличивался (помимо потерь от подводной войны) из-за реквизиции значительного числа британских судов для военных целей, выпадения из мирового товарооборота германского флота, бездеятельности значительного количества судов, запертых в Черном море, увеличением нагрузки американского флота в связи с заменой Соединенными штатами отпавшего вывоза Германии, России и частью Франции и т. д. Недостаток тоннажа был настолько велик, что приходилось использовать старые суда, уже давно находившиеся без употребления.

Другим следствием войны и главным образом подводной блокады было быстрое повышение цен на предметы первой необходимости. Грэй[2] сообщает, что огромное увеличение стоимости жизни вынудило правительство приступить к регулированию цен. Этого требовала рабочая партия, настаивавшая также на государственном регулировании всей морской торговли.

Цена за четверть пшеницы составляла по данным „Economist'a" в среднем в неделю

	8—15 мая 1914 г.		8—15 мая 1915 г.	
	Шилл.	Пен.	Шилл.	Пен.
Английская пшеница	32	2	60	5
Цена в Чикаго	28	2 1/2	41	11
Цена в Виннипеге	29	2	42	1

[1] War time Gontrol of Industry. The Experience of England by Howard Gray. New-Jork, 1919, стр. 148 и 152.

[2] Цит. соч., стр. 144.

8 фунтов говядины стоили в начале августа 1914 г. 3 шилл. 8 пен., а в начале мая 1915 г. — 4 шилл. 8 пен., причем повышение цен началось с марта месяца. Правда, нужно оговориться, что в начале войны регулирующее вмешательство государства во внутренний товарооборот было еще ничтожно. На докладе в Королевском статистическом Обществе в Лондоне[1] было установлено, что за 9 месяцев войны (с августа 1914 г. по 15 апреля 1915) экспорт уменьшился на 155 млн фунт. стерл., что составляет 39% нормальной торговли по нормальным ценам за тот же период времени.

Уменьшение экспорта, выраженное в рабочей силе, составляет около 1,5 млн рабочих, ушедших из экспортной промышленности и нашедших себе применение в армии или в изготовлении военных материалов.

Далее, если учесть повышение цен, то импортный дефицит ввоза за тот же период времени составит около 48 млн фунт. стерл., т. е. несколько меньше 19% нормального ввоза для внутреннего потребления. Цены на зерно и муку постоянно растут, причем повышение за первые 4 месяца 1915 г. выше чем за 5 месяцев 1914 г.

В заключение докладчик указал на следующие опасности для английского народного хозяйства: предметов питания будет все меньше и они будут становиться дороже, паника среди населения вызовет изъятие вкладов из банков, морское и военное страхование подымется на необычайную высоту, торговый флот из страха перед подводными лодками будет отстаиваться в гаванях, вывоз будет падать и рабочие будут требовать работы и зарплаты.

Далеко не все предсказания докладчика подтвердились в будущем благодаря переменам в общей военной

---

[1] См. Wirkunden des Krieges..., стр. 44.

обстановке и принятым государством мерам, но на данный период времени, т. е. в первые полтора года войны большинство из них было справедливо. Ибо, если 4 месяца подводной войны в количественном отношении, в отношении уничтожения тоннажа, и не принесли скольконибудь значительного ущерба импорту в Англию, то даже этот незначительный эффект подводной блокады уже выразился в серьезном потрясении британского народного хозяйства.

Мы приводим по этому поводу интересное замечание проф. Леви,[1] который говорит: „Те, которые имели определенный взгляд на применение этого нового морского оружия, никогда не предполагали, что в Англии из-за действий подводных лодок в короткое время наступит голод или что она может быть отрезана от всего ввоза сырья; но последние события подводной войны показали, что ею вызвана исключительная, до сих пор Англии незнакомая, угроза хозяйственной свободы действий (Bevegungsfreiheit)“. Так как значение, придаваемое Леви подводной войне, может показаться несколько преувеличенным, то он дальше оговаривается, что подводная блокада имела двоякое значение. С одной стороны — непосредственное уничтожение тоннажа, а с другой — серьезный вред народнохозяйственной жизни Великобритании, где подводная блокада играет и непосредственную и косвенную роль, усиливая во втором случае развитие неблагоприятных для Великобритании условий.

Мы считаем возможным установить, что первые месяцы применения подводных лодок против морской торговли Англии, несмотря на относительно малое количество уничтоженного тоннажа по сравнению с общим ввозом, создали уже серьезную угрозу английской хозяй-

[1] Hermann Lewy: Die neue Kontinentalsperre, Berlin. 1915, стр. 10.

ственной жизни как своим непосредственным воздействием, так и тем, что обостряли течение угрожающих для народного хозяйства Англии событий, вытекающих из общей военной обстановки.

Как уже указывалось, во втором полугодии 1915 г. немцы располагали в среднем 44 действующими подводными лодками, которые по их расчетам могли ежемесячно топить 660 тыс. *т*. Эта цифра потоплений по мнению германского морского штаба должна была стать для Великобритании роковой. Далее, если считать немецкие предположения и преувеличенными, учитывая эффект блокады в первые месяцы 1915 г. при меньшем количестве подводных лодок, можно признать, что неограниченная, систематическая подводная война если и не отрезала бы целиком Англию от ввоза, то могла нанести чрезвычайно сильные потрясения ее народному хозяйству. В этом случае подводная война могла и не принести решительную победу Германии, но во всяком случае значительно поколебала бы упорство английского правительства, сделав его более склонным к миру.

При этом нужно иметь в виду, что результаты подводной войны должны были дать наибольшие результаты именно в 1915 г., когда противники Германии не были еще подготовлены для обороны против этого нового оружия и не могли бы принять все меры к серьезному отпору.

Прежде всего, плановое вмешательство государства во внешнюю и внутреннюю торговлю Великобритании, в дальнейшем сыгравшее огромную роль в деле ее экономической и военной обороны, в 1915 г. еще только намечалось. Постройка новых судов в этом году была меньше, чем в 1913 г., и не смогла бы заменить убыль в тоннаже. Это иллюстрируется прилагаемой таблицей;

СПУЩЕНО НА ВОДУ СУДОВ ТОРГОВОГО ФЛОТА ВМЕСТИМОСТЬЮ НЕ МЕНЕЕ 100 ТОНН [1]

(в тыс. тонн)

Страны	1913		1914		1915		1916		1917		1918	
	Число судов	Тон. бр.	Число судов	Тон. бр.	Число судов	Тон. бр.	Число судов	Тон. бр.	Число судов	Тон. бр.	Число судов	Тон. бр.
Великобритания . .	688	1932	656	1684	327	651	306	608	286	1163	301	1348
Британ. колонии . .	91	48	80	48	31	22	40	32	105	94	206	280
Соед. Штаты (только морск. флота) .	183	228	84	163	76	157	167	385	266	821	741	2602

Именно в 1915 г. новое строительство судов упало больше чем в два раза по сравнению с 1913 г., с 1916 г. оно начинает увеличиваться, а к концу войны, хотя сама Великобритания и не довела свое судостроительство до размеров мирного времени, но ее колонии увеличили его в 6 раз, и главное, Соединенные Штаты, воевавшие уже против Германии, построили новых судов в 12 раз больше по сравнению с последним мирным годом. В 1917 г. строительство нового тоннажа в Соединенных Штатах и Великобритании вместе почти не уступало строительству в 1913 г., а в 1918 г. *превосходило его в 2 раза.*

Технические меры борьбы с подводными лодками союзниками в 1915 г. только создавались. Не было еще подводных слуховых аппаратов, водяных бомб и мин заграждения. От двух последних за время войны погибло 35% германских подводных лодок из всех уничтоженных противолодочными средствами. В 1917 г. началось систематическое наблюдение союзниками моря и воздуха,

[1] „Статистический ежегодник мирового хозяйства“.

*

были созданы особые быстроходные и мелкосидящие суда, привязные аэростаты (к миноносцам), следившие за появлением подводных лодок, была выработана целая система ловушек. Только в 1916 г. началось успешное вооружение торговых судов. Какие размеры оно приняло, видно из того, что из всех потопленных судов в феврале 1916 г. было вооружено 25%, в сентябре 1916 г.— 50% всех потопленных судов, в феврале 1917 г. — 55%, в апреле 1917 г. — 75%; в октябре 1917 г. — 85%.

В начале войны у англичан нехватало миноносцев. Во втором полугодии 1914 г. их число увеличилось на 31, в 1915 г. на 37, в 1916 на 96, в 1917 на 69, в 1918 на 72 (Лютцов, стр. 233).

Наконец, в 1915 г. не была еще создана плановая организация импорта, значительно облегчившая борьбу с подводными лодками, а конвойная система, сыгравшая решающую роль в деле противолодочной обороны, в 1915 г. была еще невозможна из-за недостаточного количества миноносцев и самолетов, нейтральной позиции Соединенных Штатов и т. п.

Насколько увеличились средства противолодочной обороны, видно из роста потерь германских подводных лодок: к концу: 1914 г. — 5, 1915 г. — 24, 1916 г. — 46, 1917 г. — 113, на октябрь-ноябрь 1918 г. — 194.

Из этого числа считается потопленных англичанами— 178 подводных лодок. Правда, мощность германского подводного флота также продолжала неизменно расти. Так, наличие подводных лодок составляло: на 5/VIII 1914 — 27, на 27/XII 1915 — 63, на 24/X 1916 — 128, на 5/VI 1917 — 154, на 21/IX 1918 г. — 180.[1]

Однако, когда подводная война, по существу за все время войны почти не прекращавшаяся, вспыхнула с но-

---

[1] 10-й т. Schwarte. Die Organisation der Kriegsführung, стр. 509—510.

вой силой в феврале 1917 г., немцы столкнулись с уже вполне подготовленным и принявшим все меры противником. Правда, в 1917 г. подводная блокада явилась жестокой угрозой для Великобритании. Как известно, Англия отвела эту угрозу и именно потому, что германцы использовали свое оружие ранее чем оно могло принести решительный успех. Попутно укажем, что то же произошло и на сухопутном фронте с применением Германией химических средств борьбы, в особенности в июле 1917 г. когда немцами был впервые использован „король газов“— иприт. Нанеся этим новым средством борьбы серьезное, но только частичное поражение союзникам на западном фронте, немцы дали им тем самым возможность оправиться и принять все необходимые оборонительные меры, что уже уничтожило огромный эффект неожиданного применения нового и ужасного оружия. Если бы германское командование все это учло, то, по свидетельству авторитетных военных химиков, война могла бы окончиться иначе.

Не добившись решительного успеха подводной войны в 1915 г., Германия дала возможность Антанте, в первую очередь Великобритании, убедиться, какой огромной угрозой являются подводные лодки и лихорадочно взяться за выработку мер обороны. Кроме того было еще одно обстоятельство, с которым Германии пришлось весьма сильно считаться. Как от германской подводной, так и от английской надводной блокады в равной мере страдали нейтральные страны, но английская блокада нарушала только торговые интересы нейтралов, тогда как германская подводная блокада приносила и огромный материальный ущерб нейтральным странам и вызывала жертвы среди их граждан. В связи с этим подводная блокада неизбежно должна была вызвать отчаянное сопротивление нейтральных стран и значительное ухудше-

ние и так достаточно скверного международного положения Германии. Германское правительство понимало всю опасность для него такого шага, чем и объясняются колебания Германии, сопутствовавшие принятию ею решения о подводной торговой войне против Англии.

Подводная блокада была объявлена 4 февраля 1915 г., и уже 12 февраля Соединенные Штаты отправили германскому правительству протестующую ноту, в которой указывали, что методы подводной войны могут нанести ущерб или даже принести смерть американским гражданам, что является „непростительным нарушением международного права". В ответной ноте от 16 февраля германское правительство ссылалось на нарушение международного права Великобритании, „заставляющей голодать культурный, семидесятимиллионный народ и ставящей его перед выбором между бедственной гибелью и подчинением политической и коммерческой воле Британии". Далее германская нота указывала, что если бы американское правительство „нашло дорогу к выполнению постановлений Лондонской декларации также со стороны ведущих с Германией войну держав, что сделает возможным законный ввоз в Германию продуктов питания и промышленного сырья", то германское правительство „признает гуманные формы ведения войны". В заключение в ноте давалось обещание щадить американские суда в блокированной зоне.

Германская нота создавала определенное впечатление неуверенности Германии в своих силах и ее страха перед выступлением Соединенных Штатов. С другой стороны, как указывает Тирпиц, предписание командирам подводных лодок по возможности щадить нейтральные суда вредило успехам блокады, ибо при сохранении видимости подводной войны она своей цели не достигала.

22 февраля американское правительство обратилось

с нотой к Германии и Великобритании, в которой предлагала Германии вести подводную войну на основе международного права с тем, что союзники откажутся от злоупотребления нейтральными флагами на своих торговых судах и в Германию станет возможным привоз продовольствия для гражданского населения. Заинтересованная в проведении в жизнь принципов Лондонской декларации Германия ответила уже 28 февраля, что она рассматривает американское предложение как подходящую основу для разрешения вопроса. Великобритания 13 марта отклонила это предложение, мотивируя свой отказ тем, что Германия не отказывается от разбрасывания мин в открытом море.

Подводная блокада продолжалась, и на некоторых уничтоженных судах погибло несколько американцев. 7 мая 1915 г. был потоплен подводной лодкой „U 20“ огромный пассажирский пароход „Луизитания“ водоизмещением в 31 тыс. *т*, на котором из 2 тыс. человек пассажиров и экипажа погибло 1198, из них 140 американцев. Немцы утверждают, что он числился в списке вспомогательных судов британского флота и вез военное снаряжение. Гибель большого числа американских граждан вызвало огромное возбуждение в Соединенных Штатах, и 15 мая была передана в Берлин новая нота, носившая явно угрожающий характер. Германское правительство снова пошло на уступки, и 5 мая 1915 г. был отдан приказ подводным лодкам не топить крупных пассажирских пароходов вообще, даже неприятельских. Морской штаб возражал против этого решения, указывая, что этим затрудняется нападение на все крупные суда, так как подводным лодкам трудно отличать пассажирские суда от грузовых. Все же подводная война продолжалась, и в июне было потоплено свыше 100 тыс. *т*. Однако Соединенные Штаты продолжали враждебно сле-

дить за действиями подводных лодок, протестуя каждый раз, когда страдали интересы американских граждан, и угрожая разрывом дипломатических сношений. После потопления 19 августа пассажирского парохода „Arabic“ (командиру подводной лодки показалось, что он хочет его таранить), на котором погибли в числе прочих и американские граждане, Вильсон стал требовать полного отказа от подводной войны. Этого же добивался и германский канцлер, боявшийся разрыва с Соединенными Штатами. 30 августа был отдан приказ не топить также и малые пассажирские суда без предупреждения и спасения экипажа, несмотря на жалобы командующего флотом, что это увеличивает опасность для подводных лодок, так как процент вооруженных коммерческих судов увеличивался с каждым месяцем. В сентябре 1915 г. был отдан приказ вести войну только в Северном море и только в призовом порядке. Подводная война постепенно сходила на-нет.

Тирпиц подал в отставку, которая не была принята, на место ушедшего начальника морского штаба адмирала Бахманна был назначен адмирал фон-Гольцендорф.

3 января 1916 г. в связи с затишьем на фронтах и выступлением Болгарии морское командование снова подняло вопрос о возобновлении неограниченной подводной войны. Им были представлены меморандумы (в августе 1915 г. и в феврале 1916 г.), в которых подробно было проанализировано влияние блокады на экономическую жизнь Англии. Тирпиц доказывал, что неограниченную подводную войну необходимо начать немедленно до выполнения Великобританией всех оборонительных мер. Это требование поддержал и начальник генерального штаба Фалькенгайн. Запрошенные эксперты-экономисты также высказались за немедленное возобновление беспощадной подводной войны, видя в этом „единственный и

последний шанс Германии". Даже Гуго Стиннес в письме к канцлеру доказывал необходимость самой решительной подводной блокады. Военные круги и правые партии Германии утверждали, что подводная война — самое решительное средство, дающее возможность уничтожить внешнюю торговлю Англии и тем сломить ее сопротивление.

Международное положение Германии было тяжелым, и канцлер на заседании в мае 1916 г. возражал против беспощадной подводной войны, так как, по его мнению, она должна была вызвать разрыв с Соединенными Штатами, переход Дании и Голландии на сторону Антанты и, возможно, выступление Румынии.

„С глубоким сожалением мы должны были отказаться от неограниченной подводной войны — говорит Людендорф в своих воспоминаниях, — так как по мнению канцлера она могла вызвать войну с Голландией и Данией; у нас же не было ни одного солдата для защиты от этих государств, и мы были бы побеждены прежде, чем сказалось бы обещанное моряками влияние подводной войны".

Насколько германское правительство боялось своей подводной блокадой восстановить против Германии не только Соединенные Штаты, но и весь остальной нейтральный мир, видно из того, что штаб Северной армии получил приказание создать на датской и голландской границе укрепленные позиции.

Точка зрения канцлера восторжествовала, кайзер с ним согласился, и неограниченная подводная война была отсрочена на неопределенное время. Тирпиц подал в отставку, которая на этот раз была принята, и на его место был назначен адмирал фон-Канеле.

В начале февраля 1916 г. началась „усиленная" подводная война, в которой без предупреждения должны были уничтожаться только вооруженные торговые суда,

потопление невооруженных судов могло быть только после осмотра их, установления контрабанды и при условии спасения экипажа и пассажиров. Гельфферих указывает, что в перископ трудно было рассмотреть, вооружено орудиями судно или нет, и вероятность ошибки была очень велика. „Я не мог отделаться от впечатления — говорит он, — что господа из морского штаба говорили „обостренная подводная война“, думая: „неограниченная подводная война“. Из этого не могло выйти ничего хорошего“.

В то же время моряки жаловались на то, что даже несколько ограниченная подводная война уже не достигает цели. В марте 1916 г. цифра потопления достигала 207 тыс. *т*, в апреле 225 тыс. *т*. По английским данным — несколько меньше. Как уже указывалось, к этому времени начинается новая кампания за ведение неограниченной подводной войны, которая велась в апреле, в рейхстаге и главной квартире; даже отдельные лица пытались воздействовать на канцлера, доказывая, что уничтожение английской торговли должно сделать английское правительство более склонным к миру.

Неизвестно, удалось ли сломить упорство более осторожных членов германского правительства, если бы не новый случай потопления пассажирского парохода и гибели на нем американцев. 24 марта был потоплен французский пассажирский пароход „Sussex“, на котором погибло 80 человек, из них несколько американских граждан. По уверениям командира подводной лодки он принял „Sussex“ за военное судно, так как на нем находилось значительное число солдат.

В ноте от 20 апреля Соединенные Штаты заявили резкий протест. „Правительство Соединенных Штатов“ — говорилось в ноте — „проявило достаточно терпения и не хочет еще терять надежды, что для императорского пра-

вительства возможно согласовать подводную войну с воплощенными в международном праве принципами человечности". В конце ноты говорится: „Если только императорское правительство немедленно не объявит и не осуществит свой отказ от современных методов подводной войны, правительство Соединенных Штатов не может иметь другого выбора, как разрыв дипломатических отношений с германским правительством".

Несмотря на то, что на кайзера в главной квартире производилось давление в пользу неограниченной подводной войны под предлогом, что откладывание последней заставит отказаться от действий против Вердена, так как „это снова даст англичанам воздух, а французам надежду на дальнейшую английскую помощь", правительство решило подчиниться требованиям Америки.

Германия ответила 4 мая. Как и в прежних своих нотах, она ссылалась на то, что не она, а британское правительство нарушает „все принятые между народами правовые нормы и, выражала сожаление, что „гуманные чувства американского правительства, которые оно с большим жаром проявляет по отношению к жертвам подводной войны, не распространяется с одинаковым жаром на миллионы женщин и детей, которых английское правительство намеревается приговорить к голодной смерти". В заключение германское правительство обязалось вести подводную войну на основе норм призового права.

Несмотря на заявления военных, что этим самым подводная война сводится на-нет, цифры потопленного тоннажа с мая по август 1916 г. показывает только незначительное снижение. В октябре же этого года, несмотря на опасности, грозившие подводным лодкам от усовершенствованных оборонительных мероприятий, морской штаб решил возобновить крейсерскую подводную войну (прекратившуюся после гибели „Sussex'a") и в англий-

ских водах. Успех был очень велик, если в июле цифра уничтоженного тоннажа равнялась 103 тыс. *т*, то в октябре она поднялась до 394 тыс. *т*, а в декабре до 416 тыс. *т*.[1]

Эти данные покажутся достаточно многозначительными, если учесть, что в 1916 г. крейсерская подводная война давала большие результаты, чем неограниченная в 1915 г.

Адмирал Тирпиц в своих воспоминаниях оспаривает утверждение противников неограниченной подводной войны, считавших, что в 1916 г. Германия не имела достаточного количества подводных лодок. Он справедливо указывает, что в „подводной войне важно не число подводных лодок, а число потоплений“, и поэтому германский подводный флот мог в 1916 г. дать гораздо большие результаты, чем в 1917 г. Весной 1916 г. при недостаточной подводной войне цифра потоплений составляла 17 тыс. *т* на один рейс одной подводной лодки, а при неограниченной — 50 тыс. *т*. Летом же 1917 г. на один рейс одной подводной лодки приходилось 14 тыс. *т*, а осенью только 9 тыс. *т*.

„Англичане... проиграли бы войну — говорит Тирпиц, — если бы у нас оказалось мужество ее выиграть“.

С этим утверждением Тирпица можно согласиться, ибо, как указывалось выше, подводная война была страшна для Великобритании не только тем, что она могла отрезать ее целиком от ввоза, что было уже явной катастрофой с вытекающим отсюда неизбежным поражением, но даже при частичном поражении английской морской торговли подводная блокада могла вызвать жестокую

---

[1] По английским данным: в июле — 118 тыс. *т*, в августе 160 тыс. *т*, в сентябре — 231 тыс. *т*, в октябре — 355 тыс. *т*, в ноябре — 328 тыс. *т*, в декабре — 349 тыс. *т*. Всего в 1916 г. было потоплено 2 354 тыс. *т*, из них британского тоннажа 1 237 тыс. *т*.

разруху, была страшна своим дезорганизующим влиянием, усиливая и обостряя хозяйственные затруднения, возникающие для каждого народного хозяйства во время войны. Это положение подтвердилось на деле: беспорядок, царивший в первый год войны в английском народном хозяйстве, в значительной степени обязан существованием подводной блокады. Мы уже указывали, что в 1915 г. цены на фрахт поднялись на необычайную высоту, не хватало судов для перевозки наиболее необходимых грузов, цены на продовольствие систематически увеличивались, кроме того, развилась спекуляция, частные заказы мешали исполнению государственных, наличных запасов не учитывали и т. п.

Дезорганизация хозяйственной жизни ставила под угрозу возможность для Великобритании продолжать войну, если бы правительство постепенно не приступало к государственному регулированию наиболее важных отраслей английского народного хозяйства.

Возвращаясь к замечанию Тирпица, мы повторяем, что с ним можно согласиться, но только с оговоркой. Подводная блокада действительно могла принести победу Германии, *но только в соответствующий период времени и соответствующими силами.* И этот момент был Германией упущен.

В 1915 г. у Германии не было достаточного количества подводных лодок, и, даже если бы ей под давлением Соединенных штатов не пришлось временно почти прекратить подводную блокаду, последняя все равно тогда решительной победы дать не могла. В 1917 г. беспощадная подводная блокада столкнулась, во-первых, с великолепной организацией противолодочной обороны и, во-вторых, с уже окрепшей организацией английского народного хозяйства. В 1917 г. было потоплено 50% всего тоннажа, уничтоженного за все $4^1/_2$ года войны,

или в три раза больше, чем в 1915 г., и, несмотря на это, разрухи в английском народном хозяйстве не наступило и даже не было замечено слишком резкого снижения общего уровня хозяйственной жизни. Поэтому в 1917 г. успех подводной блокады зависел только от грандиозных цифр уничтоженного тоннажа, т. е. зависел только от количественного эффекта. К этому по существу с 1916 г. и свелась борьба. В 1915 г. Германия могла еще рассчитывать на серьезные потрясения еще не подготовленного ко всем требованиям обстановки английского народного хозяйства.

Мы полагаем, что наиболее благоприятный период для беспощадной подводной войны был конец 1915 г. и начало 1916 г., когда противолодочная оборона только возникала, государственный контроль в Англии также только намечался и судостроение в Англии и Соединенных Штатах было наименьшим за все $4^1/_2$ года войны. Количество же подводных лодок в Германии в то же время было более или менее достаточным для нанесения чрезвычайно сильного ущерба английской морской торговле.

„Даже теперь не многие себе представляют, насколько уязвимой оказалась наша морская оборона“ говорит Монэ.[1] Ясно, что самым острым вопросом для Великобритании, вопросом, от которого зависело снабжение населения продовольствием и промышленности — сырьем, был вопрос о наличии тоннажа.

Как уже указывалось выше, тоннаж британского флота равнялся половине мирового тоннажа. На июнь 1914 г. числилось судов свыше 100 *т* — 10 124, тоннаж которых равнялся 20 524 тыс. *т*. Из них судов водоизмещением

---

[1] Лео Чиозза Монэ. Торжество национализации. Рус. пер., М. и П., 1923, стр. 34.

свыше 1600 *т* было 3900, а весь их тоннаж составлял 16900 тыс. *т*.[1]

Однако потери от подводной блокады были велики настолько, что являлись весьма чувствительными и для этого огромного флота. Если бы английское судостроение сохранилось на уровне 1913 г., то тоннаж спущенных на воду новых судов за первые три года войны должен был превосходить цифры потоплений за этот же период, но судостроение в Англии упало в 1916 г. больше чем в три раза по сравнению с 1913 г., и поэтому получился дефицит.

Лорд Керзон выступая в палате лордов 5 мая 1917 г., указал, что тоннаж английского торгового флота упал с 20524 тыс. *т* в июне 1914 г. до 19766 тыс. *т* к декабрю 1916 г.

Как указывает Грэй, в феврале 1916 г. пришли к заключению, что из 100 судов, годных до войны для перевозки грузов, годились только 67, и то 21 из них были иностранными.

Английское правительство, подобно германскому, только очень медленно приступало к плановому охвату наиболее больших участков экономического фронта.

В начале войны многочисленные продажи английских судов иностранцам принесли большой ущерб морскому транспорту англичан, и только впоследствии продажи такого рода были запрещены. 3 августа 1914 г. было объявлено, что государство нуждается в значительном количестве судов, и все суда, находящиеся в английских водах, были реквизированы. Это составило около 20% всего торгового флота Великобритании. В ноябре 1915 г. был создан реквизиционный комитет, регулировавший перевозку пищевых продуктов. Реквизируя суда, Коми-

[1] Gray, стр. 140.

тет обязывал их перевозить от 50 до 70% продовольствия. Рост реквизиции и усиление подводной войны подняли до невероятных размеров стоимость фрахтов, увеличение которых удалось задержать только в 1916 г.

В декабре 1915 г. был организован портовый и транспортный комитет. 10 ноября 1915 г. вышел новый „закон совета", по которому все суда водоизмещением свыше 500 *т*, плавающие между британскими и иностранными портами, должны были иметь лицензии. Закон был изменен в дальнейшем в том смысле, что эти суда не имели права выходить в море без лицензий уже при всяком рейсе.

В январе 1916 г. контрольному комитету торгового флота было поручено плановое регулирование торгового флота.

Королевской прокламацией от 15 февраля 1915 г. был запрещен с 1 марта ввоз без лицензий ряда товаров, как бумаги и материалов для построек, сырого и обработанного табака и т. п., в марте список товаров, запрещенных к ввозу без лицензий, был значительно расширен. Летом 1916 г. в связи с деятельностью подводных лодок было решено ограничить импорт важнейших товаров, в том числе хлопка.

Наконец, в декабре 1917 г. было учреждено Министерство торгового флота. Таким образом, всестороннее государственное регулирование английского морского транспорта наступило только через $2^1/_2$ года после начала войны.

Влияние подводной войны на морскую торговлю Великобритании сказалось в первую очередь на огромном росте стоимости судов и фрахтов. Грэй указывает, что новые суда продавались по ценам, превышавшим от 500 до 1 000% цены 1914 г. Одна судостроительная компания (не из самых крупных) с капиталом в 360 тыс. фунтов

получила в год прибыль в 240 тыс. фунтов, или 70%. В мае 1917 г. Бонар-Лоу, говоря о торговле судами, заявил, что „вероятно нет такой отрасли торговли, которая принесла бы такие большие прибыли во время войны“.

К началу 1917 г. Министерство торгового флота реквизировало весь торговый флот, но до этого времени прибыли судовладельцев составили 350 млн. фунтов при стоимости всех судов британского торгового флота, включая и каботажные суда, в 170 млн фунтов, т. е. вдвое больше стоимости всего флота (Монэ, стр. 40).

За $4^1/_2$ года войны судовладельцам было уплачено за потерю реквизированных судов 104 млн фунтов, тогда как постройка их стоила 51 млн фунтов.

Конечно, все указанные мероприятия хотя и уменьшили в значительной степени угрозу подводной блокады, но не могли целиком уничтожить ее влияния и влияния других причин на морскую торговлю Англии, которая систематически уменьшалась с каждым годом войны. Это подтверждается прилагаемой таблицей. Для сравнения мы приводим данные за последний год до войны и первый год после войны.

Тоннаж британских и иностранных судов, пришедших в порты и ушедших из портов Великобритании в 1913-1919 гг. (в тыс. тонн) (см. табл. на стр. 194).

Как видно из приведенных данных, за все года наблюдалось равномерное снижение тоннажа судов, приходящих в Великобританию. Эта сравнительная равномерность нарушается только в 1917 г. (год беспощадной подводной войны), когда произошло более резкое снижение. В 1919 г. наблюдается уже значительное увеличение.

На ряду с регулированием морской торговли правительство постепенно приступало к государственному контролю и над внутренней торговлей.

Годы	Всего с грузом и балластом		В среднем за месяц с чистым грузом	
	Входящие суда	Уходящие суда	Входящие суда	Уходящие суда
1913	82 149	82 661	4 089	5 562
1914	71 126	68 963	3 588	4 664
1915	53 356	51 142	2 810	3 294
1916	49 693	46 085	2 505	2 966
1917	34 135	33 411	1 936	2 173
1918	33 265	29 181	1 936	1 895
1919	49 652	49 101	2 464	2 880

Разразившаяся в начале войны паника на рынке была уменьшена тем, что были привезены значительные количества мяса, пшеницы, муки. От канадского правительства было получено 98 млн англо-фунтов муки и миллион бушелей овса, которые благодаря контролю над железными дорогами государство могло быстро распределить, снижая панические цены. Кризис был предотвращен, и паника скоро улеглась.

Грэй указывает, что в начале войны цены на английскую муку и мясо поднялись сравнительно невысоко, больше на импортное мясо, сыр и масло и особенно высоко на сахар.

Как уже указывалось, Англия ввозила сахар главным образом из Германии и Австрии. С началом военных действий его пришлось закупать в заокеанских странах, на Кубе, Яве, в Соединенных Штатах и Британской Вест-Индии, и уже зимой 1914-15 г. потребленный английским населением сахар был почти весь тростниковый, тогда как до войны 75% потребления составлял свекловичный сахар.

Уже в августе 1914 г. была образована королевская комиссия по снабжению сахаром, закупившая значительное количество его и снабжавшая население за все время войны сахаром по оптовым ценам, которые были ниже мировых.

В августе 1914 г. цены на сахар поднялись на 100%, затем упали до 75% и остались на этом уровне до сентября 1915 г.

В 1915 г. потребление сахара было меньше чем в 1913 г. только на 5%, все же в связи со спросом армии сахара нехватало, и было решено уменьшить его потребление, а также производства шоколада и варенья. В конце февраля 1916 г. государство снова установило цены на сахар, которые больше в 1916 г. не менялись. Чтобы более экономно использовать имеющийся тоннаж, было решено уменьшить импорт сахара на 25%, но это было осуществлено только на 15% по сравнению с импортом 1915 г. и на 19% по сравнению с импортом 1913 г. В январе был издан закон, на основании которого в производстве шоколада, мармелада, конденсированного молока и в кондитерском производстве запрещалось употребление более 50% того количества сахара, которое употреблялось в 1915 г. В дальнейшем этот процент был снижен до 40, а затем до 25. 30 мая 1917 г. цены были снова подняты, будучи уже в три раза выше довоенных.

В общем импорт сахара упал с 34 млн центнеров в 1913 г. до 27 млн центнеров в 1916 г., 21,15 млн центнеров в 1917 г. и 19 млн центнеров в 1918 г.

Снабжение мясом было одной из серьезнейших забот правительства, так как спрос на мясо увеличился, и 40% всего английского потребления мясом ввозилось из-за границы.[1]

[1] Грэй отмечает, что солдаты в армии потребляли не больше мяса, чем в гражданской обстановке, но спрос армии был велик из-за большей расточительности военных поваров по сравнению с домашними хозяйками.

Запрещение в сентябре 1916 г. экспорта продовольственных продуктов и контроль над экспортом мяса в английских колониях (при экспорте говядины и баранины в колониях не разрешалась прибыль свыше 10%) несколько облегчили тяжелое положение на рынке мяса в 1915 г. Все же колониального мяса не хватало и его пришлось закупать в Соединенных Штатах и в Южной Америке. С мясными трестами были заключены договоры, и все торговые суда, совершающие рейсы между Аргентиной, Уругваем и Великобританией, были реквизированы. Это дало возможность удержать цены на сравнительно невысоком уровне. В августе 1914 г. цена на мясо поднялась на 15% по сравнению с ценою 1913 г., в сентябре 1915 г. на 35%, в сентябре 1916 г. на 65% и в сентябре 1917 г. на 85%

За годы войны ввоз для внутреннего потребления говядины уменьшился незначительно, баранины больше, а ввоз сала, грудинки и окороков даже увеличился, что видно из нижеследующих (официальных) данных:

Ввоз важнейших мясных продуктов в Соединенное Королевство для внутреннего потребления:

Продукты.	1913	1916	1917	1918
	(в тыс. центнеров)			
Говядина	8 950	6 902	6 087	7 536
Баранина	5 317	3 590	2 564	2 084
Сало, грудинка, окорока	5 574	8 798	7 718	11 932

Наименьшее количество было ввезено в год неограниченной подводной блокады, в 1917 г., и именно летом этого года государство вынуждено было снабжать часть армии и флота английским, а не импортным мясом, для

чего потребовалось 50 000 голов рогатого скота из Великобритании и 100 000 голов из Ирландии. Государство приступило к контролю и над отечественным мясом, в связи с чем цены упали с 77 шилл. за центнер в сентябре 1917 г. до 60 шилл. в 1918 г. Твердые цены вызвали, впрочем, недовольство фермеров.

Положение с пшеницей и мукой, $^4/_5$ всего британского потребления которых ввозилось из-за границы, в общих чертах напоминает положение со снабжением мясом.

В начале войны чувствовался острый недостаток в этих продуктах, в виду того что солдаты в армии потребляли больше чем в частной жизни. Закупки Голландии, Франции и Италии были намного выше нормального, и т. д. Уже в ноябре 1914 г. было закуплено 3 млн четвертей в Соединенных Штатах и в марте 1915 г. 2,5 млн четвертей в Индии. Попутно укажем, что для уничтожения конкуренции между союзниками при закупках продовольствия и военных материалов в августе 1914 г. была создана совещательная международная комиссия (Comission International de Ravitaillement).

В марте 1915 г. был создан комитет по снабжению пшеницей из Индии, осенью 1916 г.—Королевская комиссия по снабжению пшеницей. Осенью 1916 г. была учреждена должность контролера по вопросам продовольствия, приступившего к учету всех имеющихся запасов, и с осени 1916 г. начинается более полное регулирование снабжения пшеницей.

В Австралии было куплено в этот период 550 тыс. *т* пшеницы за 4 млн фунтов.

Наконец — в декабре 1916 г. организуется Министерство продовольствия.

В ноябре 1916 г. помол английской пшеницы был поднят с 70% до 76%, а в январе 1917 г. до 81%,

Премьер-министр поздравил палату депутатов с успехом нового 81-процентного хлеба, который давал экономию в 70 000 четвертей в неделю или $^1/_7$ общего потребления. В апреле 1917 г. был создан мукомольный контрольный комитет, регулировавший весь помол зерна в Англии. Правительству удалось достигнуть значительной экономии в пивоварении, ограничив его в 1916 г. до 26 млн баррелей (в 1914 — 36 млн). Уменьшение тоннажа и продовольствия в 1914 г. вызвало новое уменьшение до 10 млн баррелей. С этого же года до конца войны ввоз пива прекратился. За годы войны ввоз зерна и пшеницы систематически уменьшался, но падение импорта этих продуктов никогда не принимало катастрофических размеров. Хуже обстояло дело с маслом и яйцами. Это подтверждается следующими данными официальной статистики:

ВВОЗ В СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО

(в тыс. центнеров)

Продукты	1913	1916	1917	1918
Пшеницы	105 434	99 871	91 352	57 889
Пшеничн. мука	11 732	98 885	13 895	26 211
Кукуруза	48 308	33 903	24 997	14 483
Рис	2 548	5 357	6 220	7 559
Масло	4 033	2 145	1 800	1 578
Сыр	2 232	2 564	2 928	2 349
Маргарин	1 510	2 743	1 794	301
Яйца (в млн)	2 568	792	391	319

Отсюда видно, что ввоз пшеницы к концу войны уменьшился почти вдвое, но ввоз пшеничной муки увеличился больше чем вдвое. На ряду с уменьшением ввоза кукурузы увеличился ввоз риса. Количество ввозимого сыра даже несколько превосходило довоенное. Сильное

уменьшение показал только ввоз масла и яиц. Кроме того, ввоз картофеля систематически падал и в 1918 г. был в 9 раз меньше довоенного. В последний год войны общий ввоз овса равнялся 11 млн центнеров против ввоза в 1913 г. в 18 млн центнеров, и общий ввоз ячменя показал к концу войны падение, составив 5 млн центнеров в 1918 г. против 22 млн центнеров в 1913 г. С напитками за все время войны Великобритания не испытывала затруднений: ввоз кофе и какао увеличивался с каждым годом и в 1918 г. немного превосходил ввоз 1913 г., ввоз чая только в 1917 г. несколько уменьшился по сравнению с мирным временем, но в 1918 г. даже несколько превосходил ввоз последнего года до войны.

Эти данные, а также приведенные выше, подчеркивают, что продовольственное положение Великобритании во время войны было не слишком тяжелым, и начавшиеся в 1914 г. продовольственные затруднения были несравненно менее серьезны, чем в Германии.

К 1916 г. в связи с уменьшением числа сельскохозяйственных рабочих в Соединенном Королевстве произошло падение сборов некоторых сельскохозяйственных культур. Сбор пшеницы упал до 7 472 тыс. четвертей в 1916 г. с 9240 тыс. четвертей в 1915 г., сбор овса до 21 384 тыс. четвертей в 1916 г. с 22 308 тыс. четвер- в 1915 г. и сбор картофеля до 5469 больших тонн в 1916 г. с 7 540 тыс. *т* в 1915 г. (Statesman's Jear-Book). Это явление представляло собою серьезную угрозу, и правительство стало принимать энергичные меры к увеличению продукции английского сельского хозяйства. Первым шагом в этом направлении было учреждение департамента производства продовольственных продуктов. Необрабатываемые земли были учтены с целью их продуктивного использования, правительством были гарантиро-

ваны цены на пшеницу и овес на пять лет, установлен минимум заработной платы и т. д. Все эти мероприятия повели к значительному росту сельского хозяйства, что характеризуется следующими данными:

ПОСЕВНАЯ ПЛОЩАДЬ И СБОР ЗЕРНОВЫХ ХЛЕБОВ И КАРТОФЕЛЯ В СОЕДИНЕННОМ КОРОЛЕВСТВЕ [1]

(за годы войны)

	1913	1916	1917	1918
	Посевная площадь в тыс. акров			
Пшеница	1792	2054	2106	2796
Ячмень	1932	1653	1797	1839
Овес	3983	4171	4789	5631
Картофель	1185	1623	1688	1610
	Сбор в тыс. тонн			
Пшеница	1575	1635	1756	2580
Ячмень	1580	1250	1358	1478
Овес	2930	2991	3632	4414
Картофель	7605	5469	8604	9223

Если мы возьмем средний сбор за военное пятилетие 1914—1918 и средний сбор за последнее довоенное пятилетие 1909—1913, то увеличение продукции сельского хозяйства Великобритании в военное время станет еще отчетливее.

СБОР В 100 КВИНТАЛОВ ПО 100 КИЛОГРАММ

	Среднее за 1909—13 гг.	Среднее за 1914—18 гг.
Пшеница	16 231,4	19 246,3
Овес	29 986,4	34 395,6
Ячмень	14 226,1	12 876,7
Картофель	69 246,7	77 855,1

[1] Statistical Abstract.

Таким образом, Великобритания повысила сборы пшеницы, овса и картофеля, только сбор ячменя несколько уменьшился. Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что увеличение продукции произошло именно в последние годы войны, когда продуктивность сельского хозяйства упала почти во всех европейских странах. Количество скота в Англии 1914 — 18 гг. почти не изменилось. Так, количество скота в Соединенном королевстве составляло:

	1913	1916	1917	1918
Лошади	1 874	1 834	1 879	1 916
Рогат. скот	11 935	12 452	12 382	12 311
Овцы	27 629	28 850	27 809	27 063
Свиньи	3 306	3 610	3 008	2 809

Из этой таблички видно, что количество лошадей и рогатого скота к концу войны несколько увеличилось, количество овец упало только в 1918 г., и более значительное уменьшение показало количество свиней.

Англия была единственный среди всех воевавших европейских стран, сельское хозяйство которой не только не регрессировало за все время войны, но даже несколько расширилось.

Выше уже мы приводили данные о государственных закупках. Министерство продовольствия и коммерческий отдел Министерства военного снабжения придерживались метода крупных оптовых закупок. По мнению Ллойда, „наиболее характерной чертой вмешательства государства в большую часть торговли и промышленности..... был импорт сырья и продовольствия за счет государства“. [1]

[1] Lloyd. Expirement in State Control. Oxford, 1924, стр. 299.

Какой размер приняло в Англии государственное снабжение населения продовольствием, видно из того, что в 1917 г. было закуплено государственными органами пшеницы, муки и других съестных припасов на 211 млн фунт. стерл. и в 1918 г. — на 271 млн фунт. стерл.

Ллойд указывает,[1] что целесообразность государственного импорта базировалась на следующих основаниях:

1. Сохранение снабжения армии при отсутствии необходимого доверия к частным торговцам.

2. Уничтожение спекуляции и конкуренции между частными торговцами.

3. Установление твердых, основных цен.

4. Сохранение снабжения гражданского населения в виду того, что частная торговля была не в состоянии справиться с требованиями времени, а также в виду затруднений, связанных с отделением военного снабжения от частного.

5. Необходимость наиболее экономно использовать имеющийся тоннаж и валюту, а также необходимость улучшения качества и увеличения количества импортируемых товаров.

6. Необходимость уничтожить конкуренцию между союзниками и помочь союзным странам установить наиболее выгодные условия снабжения союзников.

7. Удержание твердых цен для гражданского населения и уничтожение разнобоя цен из-за разнообразных и многочисленных способов снабжения.

Преимущества этой системы для блокированной Англии проявились прежде всего в том, что даже в самый разгар подводной войны цены поднялись сравнительно невысоко, и через $1^1/_2$ года после войны, из-за прекра-

---

[1] Lloyd. Experiment in State Control. Oxford, 1924, стр. 301 — 302.

щения государственного регулирования, цены на многие товары были выше, чем во время войны.

Монэ указывает, что к концу войны 95% ввоза регулировалось государством. Министерство продовольствия регулировало ввоз предметов питания; Министерство снабжения — ввоз руды, металлов, аммуниции, нитрата, смазочных масел, транспортных материальных средств, машин; Военное ведомство — ввоз шерсти, льна, джута, шкур, кож; Адмиралтейство — ввоз масел, стальных плит, орудий; Контролер строевого леса — ввоз леса; Совет торговли и промышленности — ввоз табака, растительных масел, хлопчатой бумаги, писчей бумаги и т. п.

„Это быстро придуманная и несовершенная схема национальной организации — говорит Монэ [1] — ... работала поразительно гладко".

В Англии государственное регулирование во время войны распространялось также и на промышленность и на железнодорожный транспорт. Еще 4 августа 1914 г. были подвергнуты государственному контролю все железные дороги Великобритании, а в конце 1916 г. и в Ирландии, причем государство обязалось возмещать владельцам прибыли 1913 г., наиболее в этом отношении благоприятного.

8 июня 1915 г. был принят закон о создании Министерства военного снабжения, которое вскоре уже контролировало 4 000 фирм по производству аммуниции. При Министерстве был образован департамент металлов, снизивший цены на металлы, поднявшиеся из-за спекуляции.

Вскоре уже удалось значительно увеличить производство военного снаряжения.

---

[1] «Торжество национализации», стр. 78 и 79.

Монэ приводит следующие данные:

Выработка	1915 Третья четверть	1918 Третья четверть
Новые орудия тяжелые	16	698
Снаряды тяжелые	35 000	56 000
Пулеметы	1 719	33 507
Ружья	176 239	287 455
Аэропланы	707	8 503

За это же время число рабочих, занятых в государственном производстве, увеличилось с 1 552 тыс. до 2 946 тыс. (Монэ, стр. 24). Одновременно было значительно увеличено производство взрывчатых веществ, несмотря на слабое развитие химической промышленности. В Грэтне был построен правительством колоссальный завод взрывчатых веществ.

Установление строго обоснованных расценок значительно понизило стоимость военного снаряжения. До организации Министерства военного снабжения 18-фунтовый снаряд стоил 22 шилл. 6 пен., но после —12 шилл.; пушка Льюиса стоила 165 фунтов. Министерство уменьшило ее стоимость до 35 фунтов. Стоимость ружья упала с 4 фунтов 1 шилл. до 3 фунтов 8 шилл.

Ллойд Джордж заявил по этому поводу: „Благодаря оценочной системе и сдерживающему влиянию учрежденных национальных фабрик, перед концом войны образовались сбережения в 440 млн фунтов".

С третьего года войны начинается более усиленный контроль над производством.

Мобилизация рабочих каменноугольной промышленности, волнения среди оставшихся, падение производительности труда и т. п. вызвали уменьшение добычи

угля. В июле 1915 г. были установлены цены на уголь, а с декабря 1916 г. начался контроль над каменноугольной промышленностью, сэкономившей значительные запасы угля. Падение добычи угля задержать все же не удалось.

Следующие данные характеризуют добычу угля в Великобритании и вывоз его в военное время:

Годы.	Добыча. (в млн метр. тонн)	Вывоз. (в млн метр. тонн)
1913	292,1	77,9
1914	269,8	62,8
1915	257,4	46,5
1916	266,6	41,8
1917	252,6	38,4
1918	231,5	34,7

Самым тяжелым годом для угольной промышленности был 1918, когда нехватало рабочих рук и рудничного леса, при огромном спросе промышленности и т. п (рост судостроения и производство орудий и снарядов и т. п.). Экспорт угля уменьшился не из-за падения добычи его, а главным образом из-за действия подводных лодок.

Положение с железной рудой было более благоприятно; как добыча, так и ввоз железной руды по данным „Statistical Abstrakt“ уменьшился незначительно (см. табл. на стр. 206).

Вывоз железных изделий упал на $^1/_3$, ввоз увеличился. Значительно большую роль в качестве сырья стал играть железный и стальной лом.

Выплавка чугуна за этот период в Англии уменьши-

ГОДЫ.	Добыча жел. руды	Ввоз жел. руды	
	В тыс. больш тонн.	В тыс. больш. тонн.	В тыс. ф. стерл.
1913.	—	7 231	6 873
1914.	14 856	5 539	5 014
1915.	14 216	5 058	7 000
1916.	13 473	6 852	11 629
1917.	14 821	6 054	11 788
1918.	14 595	6 458	13 210

лась незначительно, а выплавка стали даже увеличилась. Сказанное подтверждается следующими данными:

1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Выплавка чугуна в тыс. метр. тонн.					
10 424	9 067	8 863	9 052	9 488	9 184
Выплавка стали в тыс. метр. тонн.					
7 786	7 960	8 687	9 344	9 961	9 745

Добыча медной, свинцовой и цинковой руды упала за годы войны значительно, выплавка этих металлов также сильно уменьшилась. Увеличилась только выплавка алюминия с 7 500 больших тонн в 1913 г. до 8 200 больших тонн в 1918 г.

Текстильная промышленность Великобритании во время мировой войны также не испытала слишком серьезных потрясений, несмотря на значительное уменьшение ввоза хлопка. С шерстью обстояло дело несколько лучше; Англии удалось добиться запрещения вывоза шерсти из Австралии не только в нейтральные, но даже в союзные страны. Желание правительства сохранить существующие цены, а также недовольство потребитель-

ских классов заставляли государство иногда выступать против интересов предпринимателей, стремившихся получить наибольшие прибыли. Все же предпринимательские прибыли были выше, чем до войны, тогда как заработная плата систематически отставала от стоимости жизни. В Великобритании наблюдалась во время войны та же картина, что и в Германии: состоятельные классы богатели, трудовое население нищало.

Войтинский приводит следующие данные о заработной плате и стоимости жизни в Великобритании [1]

ГОДЫ	Нормальная недельная плата рабочего, занятого всю неделю			Действительная средняя недельная плата		Стоимость жизни	
	Копи	Машиностроение	Постройка	Хлопчатобумажн. промыш.	Шерстяная промышлен.	Пища	Пища и другие предметы
1914 июль . .	100	100	100	100	100	100	100
1915 „ . .	115	112	103	106	118	134	125
1916 „ . .	130	114	112	116	129	160	147
1917 „ . .	136	140	128	127	143	202	180
1918 „ . .	136	190	122	146	188	218	210

Отсюда видно, что заработная плата систематически отставала за все время войны от стоимости жизни.

Вторичную попытку Германии выиграть войну беспощадной подводной блокадой через три с половиной года войны ожидало уже гораздо более серьезное сопротивление ее противников. Даже очень жестокие потери

[1] Войтинский. Весь мир в цифрах. Книга вторая — Труд, Берлин, 1925.

в тоннаже не могли бы уже вызвать разруху в английском народном хозяйстве, не могли бы привести к тому кризису, который является следствием потрясения капиталистического народного хозяйства в обычных условиях. Государственное регулирование в Англии большинства отраслей народного хозяйства придало ему большую гибкость и большую сопротивляемость. И преимущества планового регулирования снабжения в большей части производства сказались в Великобритании в 1917 г., когда ее положение было очень тяжелым. Поэтому Германия могла рассчитывать только на абсолютные успехи своей подводной блокады, успехи, выражающиеся в огромных цифрах уничтоженного тоннажа. Германский морской штаб стремился начать неограниченную подводную войну еще осенью 1916 г., утверждая, что через 5 месяцев Англия должна будет просить мира. Осенью 1916 г. неограниченная подводная война не началась из-за попыток мирного посредничества Вильсона. 12 декабря с мирным предложением выступила сама Германия. Так как это предложение было проникнуто сознанием одержанных Германией военных успехов, и Германия недвусмысленно претендовала на аннексии в России, Франции, Бельгии и т. д., то ее предложение, как и следовало ожидать, постигла неудача. Союзники отказались 30 декабря вступить в мирные переговоры, заявив, что предложение Германии есть не что иное, как военная хитрость.

Положение Германии становилось все тяжелее. Исчезновение надежд на скорый мир, сомнения военного командования в возможности продержаться еще зиму 1916/1917 г. и уверения начальника морского штаба, что через 5 месяцев беспощадной подводной войны Великобритания будет сама стремиться к миру, все усиливали стремления правящих кругов Германии возобновить

неограниченную подводную блокаду. На взаимоотношения с Соединенными Штатами правящие круги за редкими исключениями смотрели с преувеличенным оптимизмом, не понимая, что Соединенные Штаты заинтересованы в победе Антанты, хотя бы уже по одному тому, что не в интересах американцев было поражение союзников с вытекающей отсюда их неплатежеспособностью по огромным долгам Америке.

На заседании 9 января в 1917 г. в Плессе под председательством Вильгельма было решено начать неограниченную подводную войну с 1 февраля 1917 г. Это решение впоследствии называли „игрой ва-банк".

В самом тексте объявление неограниченной подводной войны перечислялись области блокады вокруг Великобритании, Франции, Италии и в восточной части Средиземного моря, в которых всякое морское сообщение будет уничтожаться и нейтральные суда предупреждались об опасности для них появляться в зоне блокады.

С началом подводной блокады все подводные лодки, находившиеся в Черном и Балтийском морях для действий против России были переведены в Северное море.

Первая флотилия действовала у восточного побережья Англии и у английского и ирландского западного побережья. Подводные лодки, имевшие базу во Фландрии, действовали в Канале и у французского западного побережья, средиземноморская флотилия действовала во всех частях Средиземного моря, и, наконец, в морских путях Атлантического океана действовали 7 подводных крейсеров типа „U Deutschland", построенных для торговых отношений с Соединенными Штатами, но в виду вступления последних в войну превращенных в боевые. Они могли делать за один рейс 25 тыс. миль, что давало им возможность целые месяцы находиться в море и дли-

тельный период времени угрожать судоходству в Атлантическом океане.

Успехи подводной блокады были огромны. Немцы рассчитывали на потопление 600 тыс. *т* в месяц, в апреле же и июне цифры уничтоженного тоннажа превзошли 1 млн (по английским данным в апреле несколько меньше миллиона).

По английским данным потери торгового флота в начале 1917 г. из-за действий подводных лодок были следующие:

Месяцы	Британск. торг. суда	Британск. союзные и нейтральные торговые суда
	(в тыс. больших тонн)	
Январь	154	359
Февраль	133	536
Март	353	603
Апрель	555	875

Американский адмирал Симс, приехавший в начале 1917 г. в Англию, в статье, помещенной в „Pearsons Magasine“ за октябрь 1919 г., сообщил, что, когда он узнал о потерях тоннажа (в марте — 603 тыс. *т*), значительно превышавших оптимистические сообщения прессы и увеличивавшихся с каждым днем, он был поражен.

В разговоре с ним адмирал Джеллико, главнокомандующий английским флотом, сказал: „Для нас невозможно будет продолжать войну, если мы не уменьшим потерь“. На замечание Симса, что немцы в таком случае могут выиграть войну, Джеллико ответил: „Они ее выиграют и в ближайшее время, если мы не уменьшим потери“

Английский „Economist“ от 4 сентября 1918 г. писал: „...один раз за последние четыре года войны германцы подошли совсем близко к выигрышу войны. Это было весной 1917 года; наше положение на суше казалось благоприя-

тным. И все же весна 1917 г. была в действительности самым критическим и страшным моментом, который мы пережили с начала войны... Если бы потери Англии и Антанты продолжали оставаться так же велики, как в апреле, мае и июне 1917 г., то Германия выиграла бы войну раньше конца года".

Риттер [1] указывает, что энергичные действия германских подводных лодок заставили Антанту устремить все внимание на борьбу с ними, и англичане сделали неудачную попытку овладеть опорными пунктами германских подводных лодок на Фландрском берегу.

Однако в огромных успехах подводной блокады летом 1917 г. начал уже замечаться перелом. Кроме того, наступило еще одно событие, решившее судьбу войны, событие, в наступление которого немцы не хотели верить. 3 февраля 1917 г. САСШ прервали дипломатические сношения с Германией, а 5 апреля объявили войну.

Выступление Соединенных штатов создавало для Антанты новый могущественный источник военной и материальной силы.

Немцы не верили в возможность переброски значительной американской армии в Европу, считая, что для перевозки армии с обозами требуется не менее 5 регистровых тонн на человека, т. е. для перевозки 1 млн американских солдат потребовалось бы не менее 5 млн тоннажа. Они ошиблись и здесь, ибо американцы перевозились без обозов и запасов, получая все необходимое с французских и английских складов, что уменьшило в несколько раз потребность в тоннаже.

Гельфферих указывал (оговариваясь, что это звучит очень парадоксально), что неограниченная подводная война должна была не ухудшить, а улучшить обеспече-

---

[1] Критика мировой войны, перевод, П., 1923.

*

ние Англии зерновыми хлебами. Ибо неограниченная подводная война вызовет выступление Соединенных Штатов, которые, связав свою судьбу с судьбой Англии, легко могут уменьшить свое потребление хлеба на 10%, что составляет 1 700 тыс. *т* или 3-месячную потребность Англии. Если даже половина этого количества погибнет по дороге (что намного превышает расчеты морского штаба), то и тогда это будет ценная и даже решающая помощь.

То, что эти предположения в значительной степени оправдались, видно из увеличения ввоза из Соединенных Штатов в Англию за годы войны.

ВВОЗ В СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО
(в тыс. центнеров)

	1913	1916	1917	1918
Пшеница				
Россия	5 011	13	111	—
Соед. Штаты	34 068	64 544	54 208	24 758
Аргентина	14 756	4 496	6 701	14 389
Брит. колонии	50 737	30 901	36 404	18 689
Всего ввезено	105 878	100 070	91 435	57 948
Пшеничная мука				
Соед. Штаты	6 158	5 182	8 042	17 963
Брит. колонии	4 520	4 737	5 809	7 327
Всего ввезено	11 978	9 960	14 340	26 300
Овес				
Россия	2 785	—	—	—
Германия	3 422	—	—	—
Соед. Штаты	1 434	5 102	8 115	6 009
Аргентина	6 402	4 447	925	1 524
Брит. колонии	2 452	1 998	2 374	3 410
Всего вывезено	18 163	12 504	12 622	10 983

Ввоз ячменя из Соединенных штатов в Англию составлял в 1913 г. около 20% всего ввоза, а в 1918 г.— около 80%. Ввоз кукурузы менее 1/8 всего ввоза, а в 1918 г. — более 1/2. Кроме того значительно вырос ввоз из Соединенных Штатов мясных продуктов и жиров.

Следующие данные характеризуют изменение торговли Соединенных Штатов и Великобритании за время войны:

1913	1914	1915	1916	1917	1918	1923
Ввоз Соед. штатов из Англии в млн долл.						
272	287	258	305	380	149	—
Вывоз Соед. Штатов в Англию в млн долл.						
591	600	1 198	1887	2 009	2 061	882

В 1913 г. доля Соединенных Штатов во ввозе в Великобританию составляла 18,7%, в 1917 г. — 35,7% и в 1918 г. — 39,6%.

К началу 1917 г., несмотря на помощь Америки, в Великобритании начались некоторые продовольственные затруднения. В феврале 1917 г. продовольственный контролер обратился к населению с воззванием, в котором предлагал приступить к добровольному уменьшению потребления хлеба на 1 фунт в неделю и мяса на 1/2 фунт в неделю. К этому же времени относится учреждение должности „контролера по вопросам экономии потребления“. Необходимость ограничить питание населения вызывает новое обращение — королевскую прокламацию от 2 мая 1917 г., с предложением уменьшить потребление хлеба до 1/4 потребления мирного времени. Несмотря на все принятые меры, цены продолжали расти и продовольственный контролер вынужден был создать специальный орган, устанавливавший предельные цены на основе анализа расходов и ограничения прибылей. Карточная система при распределении продовольствия была введена только в конце 1917 г.

Все эти мероприятия указывают только на известные продовольственные затруднения; до того тяжелого положения, которое наблюдалось в эти же годы в Германии, было еще далеко. Снабжение продовольствием из заокеанских стран, в особенности из Соединенных Штатов, даже несмотря на значительные потери в тоннаже, производилось систематически, и обещанный германским морским штабом голод не наступал. Монэ указывает (торжество национализации, стр. 64.), что продовольственные запасы Великобритании были наименьшими не в 1917 г., т. е. в разгаре беспощадной подводной войны, а в 1916 г. Он приводит следующие данные:

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ЗАПАСЫ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

(Запасы на 1 сентяря 1914 г. = 100)

Годы	Пшеница	Мясо	Жиры	Сахар
1914	100	100	100	100
1915	105	148	146	113
1916	98	88	110	104
1917	124	116	171	138
1918	129	211	150	324

Отсюда видно, что, несмотря на огромные потери в тоннаже, Великобритании удалось образовать значительные запасы продовольствия.

Все же подводная блокада висела над Великобританией страшной угрозой. Вот что об этом пишет Монэ: „Подводная война была успешна до таких размеров, которые заставляли неприятеля не без причины думать, что он мог довести нас, а потому и союзников, до гибели,

уничтожая британские суда, без которых союзники не могли продолжать войну в поле, и отпугивая нейтральные суда от наших вод. Немцы хорошо знали экономическое положение“.

В виду значительной потребности армии, флота и союзников, для снабжения самой Англии продовольствием и сырьем могла быть предоставлена только половина всех океанских судов или 8 млн *т* из 16 млн. Кроме того, число судов, занятых непосредственно для военных нужд, не могло быть уменьшено, и поэтому потери падали на суда, занятые перевозкой гражданских грузов. В апреле 1917 г. было установлено, что при требовании в 3700 тыс. *т* нехватает около 1 млн *т*.

В феврале 1917 г. был создан комитет предпочтительного тоннажа при Министерстве торгового флота, основная задача которого заключалась в объединении всех требований на тоннаж, в целях определения наибольшей важности между различными требованиями.

До реквизиции британских судов часть их работала не в интересах снабжения страны необходимыми грузами, совершая рейсы между Северной и Южной Америкой, например, или совершая долгие путешествия вместо доставки в страну продовольствия по самому короткому маршруту.

К лету 1917 г. весь торговый флот был сосредоточен в Атлантическом океане, что облегчало конвоирование и концентрировало снабжение Англии из одного рынка — Соединенных Штатов.

Это мероприятие принесло следующие результаты: снабжение исходило из ближайшего и лучшего рынка — Северной Америки, одно судно увеличило рейсы в 2—4 раза, облегчалось конвоирование судов, объединяло работу английского и американского военных флотов, заставляло подводные лодки оперировать ближе к берегу.

Одновременно британское правительство обратилось с просьбой, больше похожей на требование, к Голландии, Норвегии, Дании и Швеции „представить их торговые флоты Англии для временного пользования“. Эта „просьба“ была исполнена. Особенно хорошие результаты принесла система конвоя, уменьшившая потери до 1,44% тоннажа конвоируемых океанских судов. Лютцов указывает, что в 1918 г. невозможно было уже встретить в водах вокруг Англии отдельные пароходы и чтобы уничтожить судно приходилось прорываться через конвой. До 2 ноября 1918 г. было реквизировано 8 846 судов (47 млн *т*), а погибло из них после создания конвойной системы только 102, т. е. менее 1,1%.

Все эти мероприятия, а также великолепная организация противолодочной технической обороны (на которой мы останавливались выше) привели к тому, что потери с июля 1917 г. стали уменьшаться. Выше мы также указывали, что спуск в воду новых судов также стал расти, в особенности в Соединенных Штатах. Несмотря на то, что потери тоннажа в 1917 г. были колоссальны — 3 730 тыс. *т* британских судов, а и вместе с союзными и нейтральными — 6 206 *т* (в 1918 г. было уничтожено 2 632 тыс. *т*, а всего за $4^1/_2$ г. войны — 12 813 тыс. *т*, из них — 7 756 тыс. *т* британского тоннажа), перечисленные мероприятия, уменьшавшие потери и увеличившие строительство, привели к значительному уменьшению убыли в тоннаже.

	Апрель 1917 г.	Сентябрь 1918 г.
Погибшие торговые суда. . .	555 тыс. больш. тонн	152 тыс. больш. тонн
Вновь построен. торг. суда .	70 „ „ „	145 „ „ „
Чистая потеря . . .	484 „ „ „	71 „ „ „

В октябре 1918 г. британские потери составили только 39 тыс. *т*. Достигнуть решительных результатов немцы не сумели.

Подводная война была прекращена 15 октября 1918 г., это было первое требование союзников для начала мирных переговоров. Какое значение придавали союзники подводной блокаде, видно из того, что статья 181 мирного договора, в которой устанавливается величина германского флота, запрещала вообще иметь подводные лодки Германии, а в статье 191 сказано: „Постройка и приобретение какой-либо подводной лодки и для торговых целей Германии запрещены". В речи, произнесенной в 1920 г. в Уэльсе, Ллойд-Джордж заявил: „Если бы немцы ранее использовали всю силу своих подводных лодок — неизвестно, существовала ли сегодня Британская империя".

Итак, несмотря на огромную угрозу, создаваемую подводной блокадой, в Англии не наступило голода и не произошла остановка промышленности из-за нарушения ее морской торговли. Подводной блокаде не удалось также вызвать дезорганизации английского народного хозяйства, некоторые признаки которой появились только в 1915 г., но были быстро ликвидированы государственным регулированием наиболее важных отраслей народного хозяйства. Общий рост цен не превышал повышения их в других странах: 1914 г. — 100; 1915 г. — 127; 1916 г. — 160; 1917 г. — 206; 1918 г. — 226. [1]

В снабжение Великобритании во время войны стали играть большую роль Соединенные Штаты и колонии, что подтверждается следующими данными (см. табл. на стр. 218):

---

[1] Индекс «Statist'a», средний между индексами «Economist'a» и Министерства торговли.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВВОЗ В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ

(в тыс. фунт.)

Страны	1913	1917	1918
Соед. Штаты	141 652	376 829	515 351
Брит. колонии	191 516	359 030	423 035
Из всех стран	768 735	1 064 165	1 316 151

Таким образом, к концу войны снабжение Великобритании на $^3/_4$ происходило из англо-саксонских стран или стран англо-саксонского влияния.

Следующая таблица характеризует изменение британской торговли с европейскими и внеевропейскими странами и колониями.

Страны	Ввоз (в процентах)			Вывоз (в процентах)		
	1913	1917	1918	1913	1917	1918
Европейские страны	41,5	17,7	14,7	36,9	49,4	44,6
Внеевропейск. страны	30,8	48,5	51,1	24,0	17,9	19,6
Колонии	27,7	33,6	34,8	39,1	32,7	35,8

Ввоз из Европы значительно упал к концу войны, и 85% всего ввоза шло из неевропейских стран и колоний, вывоз в Европу увеличился.

По отдельным группам ввоза и вывоза за годы войны произошли следующие изменения:

Наименование	Ввоз (по группам в процентах)			Вывоз (по группам в процентах)		
	1913	1917	1918	1913	1917	1918
Продов. напитки, табак . .	38,4	43,2	43,5	6,5	3,0	2,4
Сырье	35,1	33,3	30,2	12,6	11,6	11,2
Фабрикаты	26,2	23,0	25,7	78,8	81,6	82,0

Бросается в глаза увеличение ввоза продовольствия и уменьшение вывоза его; по отношению к другим группам ввоз и вывоз сырья уменьшился, фабрикатов по сравнению с другими группами Англия к концу войны стала ввозить меньше — вывозить больше.

Следующие данные характеризуют состояние всей внешней торговли Англии в 1913 — 18 г. [1]

Годы	Импорт: В тыс. тонн	Импорт: В млн ф. ст. Общ. импорт	Импорт: По ценам 1923 г. (спецввоз) в млн ф. ст.	Экспорт: Эксп. британск. товар. в млн ф. ст.	Экспорт: По ценам 1913 г. в млн ф. ст.	Экспорт: Общий вывоз. в млн ф. стерл.
1913	54 500	769	659	525	525	635
1914	46 400	697	601	431	431	526
1915	45 500	852	592	385	303	484
1916	41 400	949	532	506	316	604
1917	34 000	1 064	483	527	256	597
1918	35 200	1 316	568	501	222	532

Импорт упал незначительно, экспорт показал сильное падение. Это вызвало значительное увеличение пассивно-

[1] Данные о стоимости внешней торговли по ценам 1913 г. заимствованы у Нахимсона, мировое хоз-во до и после войны, I, II, стр. 137.

сти английского баланса. В 1913 г.—134 млн ф., в 1914 г.— 170 млн ф., в 1915 г.—368 млн ф., в 1916 г.—345 млн., в 1917 г.—467 млн ф. и в 1918 г.—784 млн фунт. стерл.

Подводная блокада Англии явилась впервые за всю английскую историю неожиданной и страшной угрозой, надвигавшейся на Великобританию, угрозой — ярко подчеркнувшей наиболее слабые стороны могущественной Британской империи, — ее огромную зависимость от внешних рынков.

„Уязвимость британского богатства лежит не только в возможности научно-проводимой морской войны — говорит Монэ,[1] — но и в том факте, что британская экономия зависит от сохранения заморского снабжения, которое мы не делаем попыток обеспечить“.

„Во время будущей войны мы должны встретить в большом количестве и усовершенствованные подводные лодки и успешную воздушную атаку“.[2]

Экономическая блокада Англии и Германии в эпоху мировой войны отчетливо установила огромную зависимость современных индустриальных стран от товарообмена с другими странами. Прекращение или серьезное уменьшение ввоза грозит голодом населению промышленных стран и приостановкой работы промышленности из-за отсутствия сырья, а прекращение экспорта готовых изделий влечет за собой отсутствие валюты для оплаты импорта и прекращение работы экспортной промышленности. Стремление Англии и Германии во время войны развить те отрасли своего хозяйства, которые в наибольшей степени зависели от ввоза из-за границы или продукция которых быле недостаточна для удовлетворения всего спроса внутри страны, показывают, что

---

[1] Торжество национализации, стр. 34.

[2] Там же, стр. 48.

только страны с сравнительно гармоничным развитием обеих отраслей народного хозяйства, — промышленности и сельского хозяйства, как Соединенные Штаты, СССР, Китай, могут сравнительно спокойно ожидать наступления хозяйственной блокады. Им не страшна голодная блокада, ибо они сами вывозят продовольствие, и они в гораздо меньшей степени зависят от ввоза промышленного сырья.

В то же время опыт подвергнутых хозяйственной блокаде Англии и Германии показал, что плановое регулирование и государственный контроль над важнейшими отраслями народного хозяйства могут в значительной степени парализовать губительное влияние блокады. Англия сумела организовать снабжение продовольствием, несмотря на свою колоссальную зависимость от ввоза продуктов питания и успехи подводной войны, Германия, будучи почти совершенно отрезана от ввоза промышленного сырья, настолько умело организовала снабжение своей промышленности сырьем, что могла держаться в течение $4^1/_2$ лет, и сдалась не от недостатка сырья, а от недостатка продовольствия.

Все же экономическая блокада представляет собою весьма действительное оружие, которое при будущих конфликтах будет без сомнения применяться. Именно поэтому опыт подвергнутых хозяйственной блокаде в мировую войну 1914—18 г. Англии и Германии заслуживает самого внимательного изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Gray Howard. War time Control of Industry, The Experience of England, New-Jork, 1919.

Lloyd. Expiriment in state Control. Oxford, 1924.

Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bearbeitet im Reichsarchiv. B. I u II. Berlin, 1925.

Karl Helfferich. Die Vorgeschichte des Weltkrieges. Berlin, 1919.

Karl Helfferich. Vom Kriegsausbruch bis zum uneingeschränkten U — Bootkrieg. Berlin, 1919.

Paul Rohrbach. Der Krieg und die deutsche Politik. Weimar, 1925.

R. Kiellen. Die politische Probleme des Weltkrieges. Leipzig-Berlin, 1918.

Theodor Plaut. Deutsche Handelspolitik. Leipzig - Berlin, 1924.

Theo Sommerlad. Die alte und die neue Kontinentalsperre. Halle. 1918.

Der Wirtschaftskrieg. — Erste Abteilung. England. Jena, 1917.

„ „ — Zweite Abteilung. Russland. Jena, 1918.

A. Curti, Handelsverbot u. Vermögen in Feindesland. Berlin, 1916.

Georg Bradnits. Das System des Wirtschaftskrieges, Tübingen, 1920.

Georg Bradnits Die Wirtschaftsblokade im Weltkrieg.

J. Berger. Ein Blick in die Kriegs — u. Friedenswirtschaft. Leipzig, 1918.

O. Gross. Der Seekrieg. — Die Blokade.—Der U.—Bootkrieg. Handbuch der Politik, 1920.

D-r Thomsen. Die englische und die deutsche Seesperre. Berlin, 1917.

Peter Schmidt. Der Wirtschaftskrieg und die Neutralen. Zürich, 1918.

Bernhard Harms. Die Zukunft der deutschen Handelspolitik. B. I. Jena, 1925.

Der Grosse Krieg 1914 — 1918. Herausgegeben von M. Schwarte. 1, 9, 10. Abteilung.

Oberst Koeth. Rohstoffbewirtschaftung. Handbuch der Politik. 1920.

Der U. Bootkrieg. Von Fregattenkapitän Fr. Lutzov. Der Grosse Krieg, 1914—1918. B. 4, 1922.

Die Wirkungen des Krieges auf den überseeischen Handels Englands. Jena, 1916.

Hermann Levy. Die neue Kontinentalsperre. Berlin, 1915.

Erich v. Falkenhayn. Die oberste Heeresleitung 1914—1916. Berlin, 1920.

Проф. И. Шерр. Учение о торговле. М., 1926.

С. О. Загорский. Война после мира. Пт., 1917 г.

Р. Гильфердинг. Финансовый капитал. Госиздат, изд. 5-е.

Н. Бухарин. Мировое хозяйство и империализм. Госиздат, изд. 4-е.

Б. Штейн. Торговая политика западно-европейских государств после войны. Госиздат.

Ленин. Империализм как новейший этап капитализма.

Е. Коровин. Современное международное публичное право, 1924.

Е. Пашуканис. Блокада. Статья в энциклопедии государства и права.

Карл Тышка. Мирохозяйственные проблемы современных индустриальных государств. М., 1924.

Е. Святловский. Экономика войны. М., 1926.

Гельмерсен. Морская блокада. Л., 1925.

Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914 — 1918 г.г. М., 1923.

В. Майский. Германия и война. М., 1916.

М. Нахимсон. Мировое хозяйство до и досле войны. Т. П, М. и Л., 1926.

Экономическое и финансовое положение Германии. — Изложение последствий мировой войны по официальным материалам германского статистического департамента. М., 1924.

Биншток. Вопросы продовольственного снабжения в военном хозяйстве Германии. М., 1918.

Бардах. Итоги голодания Германии и Австрии. Одесса, 1923.

Рихард Мюллер. Мировая война и германская революция. Т. I, М., 1927.

Ларин. Государственный капитализм военного времени в Германии. Госиздат, 1928.

Дикс. Война и народное хозяйство по опыту Германии в мировую войну, 1926.

Рихард Левинсон. Перемещение капиталов в Западной Европе.

В. Нольдэ. Организация народного хозяйства воюющей Германии. П., 1916.

Лео Чиозза Монэ. Торжество национализации. М. и П., 1923.

Риттер. Критика мировой войны. П., 1913.

Кондратьев. Мировое хозяйство и его коньюнктуры во время и после войны. Вологда, 1922.

М. Павлович. Итоги мировой войны. М., 1924.

А. Сухов. Экономическая география Германии. Госиздат Украины, 1924.

Проф. И. М. Кулишер. Обзор мирового хозяйства за время войны и после войны, и состояние его к началу 1923 г.

Его же. Основные вопросы международной торговой политики. П., 1924.

И. Гранат. Классы и массы в Англии в их отношении к внешней торговле. М., 1927.

Тарле. Европа в эпоху империализма. Госиздат, 1927.

Г. Зиновьев. Война и кризис социализма. Госиздат, 1920.

А. Базаревский. Мировая война 1914—1918 гг. Т. I, 1927.

А. Тирпиц. Из воспоминаний. М. и Л., 1925.

Фалькнер (Смит). Продовольственный вопрос в Англии.

А. Пигу. Политическая экономия войны.

„Вестник финансов" за 1915, 1916, 1917 г.

„Стастический ежегодник мирового хозяйства" за 1921 г.

„Коммунистический интернационал" за 1924 г.

Мировое хозяйство. Статистический сборник, М. 1926.

В. Войтинский. Весь мир в цифрах. Книга I. Земля, население, народное богатство; книга II. Труд. Берлин, 1925.

Der Kampf um den Weltmarkt. Handelstatistisches Material. Herausgegeben vom Institut für Weltwirtschaft und Seeverkehr an der Universität Kiel. Jena, 1920.

Volkwirtschaftliche Chronic für das Jahr 1914.

Statesmans Jear-Book -- 1917 u 1921.

Statischtisches Jahrbuch fiir das Deutsche Reich за 1913, 1920 и 1921/22 г.

Weltwirtschaftliches Archiv за 1918 and 1919 г.

Statistical Abstract for the U. K. from 1910 to 1924.



